

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 3(13)
июль – сентябрь
2016

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
От редакции.	6
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Философия информационного общества

Шестьдесят лет секции кибернетики как метанауки и современные киберфизические системы	
<i>М. Б. Игнатьев</i>	12
Субстратная, энергетическая и информационная составляющие жизненных циклов виртуальных продуктов (методологический аспект)	
<i>Т. Н. Соснина</i>	21
Концепции «общества знания» и «сетевого общества»: наука или идеология?	
<i>И. Н. Тяпин</i>	37
Духовно-нравственные права человека как основа семьи и российской культуры	
<i>С. С. Гузенко</i>	52

Теория и история культуры

Креативный потенциал личности в субстанцировании традиции и становлении национального эстетического канона	
<i>В. А. Максимович (Республика Беларусь)</i>	60
Национальные театры Петрограда – Ленинграда в системе советских учреждений культуры (1917–1941 гг.)	
<i>Т. М. Смирнова</i>	76
Консюмеризм и реклама в романе Ф. Бегбедера «99 франков»	
<i>А. Н. Ильин</i>	102

Объявления

Международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества» 11–12 ноября 2016 г.	119
Актуальные проблемы научной философии.	122

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	125
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial	6
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10

Philosophy of Information Society

Sixty Years of Cybernetics Section and Modern Cyber-Physical Systems <i>M. B. Ignatyev</i>	12
Substrate, Energy and Information Components of the Life Cycles of Virtual Products (Methodological Aspect) <i>T. N. Sosnina</i>	21
The Concept of “The Knowledge Society” and “The Network Society”: Science or Ideology? <i>I. N. Tyapin</i>	37
Moral Human Rights as the Foundation of a Family and Russian Culture <i>S. S. Guzenko</i>	52

Theory and History of Culture

The Creative Personality Potential in Tradition Establishment and National Aesthetic Canon Formation <i>V. A. Maximovich</i>	60
National Theatres of Petrograd – Leningrad in the System of Soviet Cultural Institutions (1917–1941) <i>T. M. Smirnova</i>	76
Consumerism and Advertising in F. Beigbeder’s Novel “99 Francs” <i>A. N. Ilin</i>	102

Announcements

International Conference “Philosophy and Culture in Information Society”	119
Actual Problems of Scientific Philosophy.	122

Article Presentation Rules

Article Presentation Rules.	125
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

От редакции

В тринадцатый номер журнала включены в основном материалы, подготовленные к Международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества» (Санкт-Петербург, ГУАП, 11–12 ноября 2016 года).

Под рубрикой **«Философия информационного общества»** помещена статья **М. Б. Игнатьева «Шестьдесят лет секции кибернетики как метанауки и современные киберфизические системы»**. Секцию кибернетики, созданную в Доме ученых АН СССР им. М. Горького академиком Л. В. Канторовичем в 1956 году, в последние годы возглавляет профессор М. Б. Игнатьев. Работа секции тесно связана с выходом на уровень философских обобщений проблем современной науки. Так, кибернетика и информатика позволяют на новом уровне понять проблему кризисов в природных и социальных процессах, с которой наука сталкивается все чаще. **Т. Н. Соснина** в статье **«Субстратная, энергетическая и информационная составляющие жизненных циклов виртуальных продуктов (методологический аспект)»** обращает внимание на сложную природу виртуального продукта, в котором необычным образом (по сравнению с другими сферами материального мира) строится взаимодействие материального и идеального. В работе **И. Н. Тяпина «Концепции “общества знания” и “сетевого общества”: наука или идеология?»** содержатся важные для научной дискуссии (хотя, возможно, не бесспорные и не популярные) соображения об идеологической ангажированности входящих в эти теоретические конструкты философско-социологических представлений. Автор считает названные концепции плохо обоснованными и полагает, что они скорее отвлекают научную мысль от реального исследования современного западного общества. Статья **«Духовно-нравственные права человека как основа семьи и российской культуры»** написана **С. С. Гузенко** – очень молодым автором, начавшим публиковаться необычно рано. Он обращает внимание на актуальную и не до конца понятую проблему – преемственность в развитии представлений о личности и институте семьи в истории России. Есть сложная связь между существовавшими в прошлом концепциями нравственности, личности и семьи, возникшими в религиозной культуре, и современными научными взглядами. Информационное общество опирается на старые неоднозначные культурные традиции, которые неизбежно задают подходы и к пониманию современных проблем.

Раздел **«Теория и история культуры»** открывается статьей и. о. заместителя директора Института философии Национальной академии наук Беларуси **В. А. Максимовича «Креативный потенциал личности в субстанцировании традиции и становлении национального эстетического канона»**. Автор подробно анализирует творчество классика белорусской литературы Максима Богдановича и обнаруживает у него особый творческий принцип – широкое использование традиций мировой литературы, формирование особого мировоззренческого синергизма, соединение в единое

целое разных культурных феноменов, сохранение существующего канона и его развитие. В этом проявляется важнейшая черта национального эстетического канона, открытого для художественных инноваций и синтеза различных культурных традиций. **Т. М. Смирнова** в статье «**Национальные театры Петрограда – Ленинграда в системе советских учреждений культуры (1917–1941 гг.)**» продолжает анализ истории культурной политики советского государства, ярко отразившей не всегда удачные попытки направлять развитие сложной многонациональной культуры нашей страны. Возможности развития театров национальных меньшинств Ленинграда напрямую зависели от выдвигавшихся руководством СССР политических задач. Публикация **А. Н. Ильина** «**Консюмеризм и реклама в романе Ф. Бегбедера “99 франков”**» переносит нас в мир современной культуры постмодернизма, построенный на доходящем до абсурда культе потребительства. Автор считает, что роман Бегбедера циничен, но при этом собственным цинизмом успешно дискредитирует цинизм, присущий рекламе.

Главный редактор

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Казанская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.

Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.

Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

Малкин Иосиф Гилевич – эксперт, руководитель информационно-аналитического отдела.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 007

Шестьдесят лет секции кибернетики как метанауки и современные киберфизические системы*

Игнатъев Михаил Борисович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», доктор технических наук, профессор, директор Международного института кибернетики и артоники, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ignatmb@mail.ru

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67,
тел: 8(812)494-70-44.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В 1956 году в Доме ученых им. М. Горького РАН начала работать секция кибернетики, которую возглавил профессор Л. В. Канторович, впоследствии академик, лауреат Нобелевской премии. Широкая междисциплинарность, охват самых разных сфер научного знания остается важной особенностью работы секции с момента основания до настоящего времени.

Результаты: Кибернетика как наука об управлении и связи берет начало уже в античные времена. Второй период ее развития – от Ампера до Винера, третий – от Винера до 2000 года. Четвертый период – с 2000 г. – характеризуется попыткой по-новому понять информационно-управляющие свойства структур и вести научные исследования в широком диапазоне – от биофизических процессов до исследования фундаментальных физических основ формирования Вселенной. Важнейшие направления в современной кибернетике, находящие отражение в работе секции – развитие представлений о киберфизических системах, лингво-комбинаторное моделирование сложных систем, феномен адаптационного максимума, различные способы защиты информации и исследование границ, разделяющих различные миры – как виртуальные, так и реальные. Примером киберфизической системы является обсуждаемая в современной астрономии модель мирового суперкомпьютера.

Выводы: В настоящее время мир живет в поиске новой нормальности, в преддверии кризисов. Кризисы являются имманентным свойством сложных систем. Их не всегда можно предотвратить, но с использованием кибернетики можно уменьшить глубину кризисов, тщательно измеряя показатели функционирования сложных систем и своевременно принимая необходимые меры.

* © М. Б. Игнатъев, 2016.

Ключевые слова: кибернетика; управление; кризисы; сложные системы; киберфизические системы; феномен адаптационного максимума; механизм и компьютеризм.

Sixty Years of Cybernetics Section and Modern Cyber-Physical Systems

Ignatyev Mikhail Borisovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, professor, International Institute of Cybernetics and Artonics, director, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ignatmb@mail.ru

67, Bolshaya Morskaya, Saint Petersburg, Russia, 190000,
tel: +7(812)494-70-44.

Abstract

Background: In 1956 in ‘the Academics’ House’ named after Maxim Gorky of Russian Academy of Sciences the section of Cybernetics was established. It was headed by Professor L. V. Kantorovich, later an academician and a Nobel laureate. A wide interdisciplinary approach in various fields of science has remained an important feature of the section work since its foundation.

Results: Cybernetics as the science of control and communication originates in ancient times. The second period of its development is from Ampere to Wiener, the third one being from Wiener until 2000. The fourth period which started in 2000 is characterized by the attempt to understand structure information and control properties and do research in a wide range from biophysical processes to the study of the fundamental physical basis for the Universe development. The most important directions of modern Cybernetics, which are reflected in the academic work of the section, are the development of ideas on cyber-physical systems, linguo-combinatorial simulation of complex systems, the phenomenon of adaptation maximum, various ways of data protection and the study of the boundaries separating different worlds, both virtual and real. A model of the world supercomputer discussed in modern astronomy can be an example of such cyber-physical system.

Conclusion: Nowadays the world lives in the search for new normality, in crises anticipation. Crises are an inherent property of complex systems. We can never prevent all of them, but due to Cybernetics it is possible to counteract their influence, measuring some complex system performance accurately and taking necessary action in good time.

Keywords: Cybernetics; control; crises; complex systems; cyber-physical systems; the phenomenon of adaptation maximum; mechanism and computerism.

В ноябре 1956 года была организована секция кибернетики в Доме ученых им. Горького АН СССР в Ленинграде, это была первая кибернетическая организация в СССР. Научный совет по проблеме кибернетики при Президиуме АН СССР был создан только в 1959 году под руководством адмирала и

академика А. И. Берга, но ему так и не удалось создать в Москве и еще где-либо в РСФСР полноценный институт кибернетики, такие институты были созданы почти во всех союзных республиках – в Киеве, в Тбилиси, в Ташкенте, в Таллине и др., и после смерти А. И. Берга он был закрыт, а секция кибернетики в Ленинграде непрерывно существовала и существует и развивается как центр междисциплинарных исследований по кибернетике как метанауке. Первым председателем секции кибернетики был профессор Л. В. Канторович, впоследствии академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по экономике, и это не было случайностью – именно лауреаты Нобелевской премии по экономике внесли большой вклад в развитие кибернетики.

Кибернетика прошла долгий путь развития от средневековых автоматов и регулятора Уатта для паровой машины до всемирной информационно-вычислительной сети, всемирной паутины, на основе которой сейчас совершается самоорганизация социума. Но кибернетика, информатика и вычислительная техника возникли не на пустом месте, они возникли на мощном фундаменте человеческой культуры, науки и техники. Появились новые понятия – киберпространство, кибератака, кибервело и др., кибернетика стала метанаукой. Для того чтобы понять феномен возникновения и развития кибернетики, вычислительной техники и информатики и определить их перспективы развития необходимо разобраться в том, что такое сложные системы и как они развиваются во времени и пространстве, что такое параллельные миры. Ключевыми понятиями теории и практики сложных систем являются *самоорганизация*, *хаос* и *неопределенность*. На основе компьютерных сетей осуществляется новый этап самоорганизации человеческого общества.

Мы живем в быстроизменяющемся мире, растет число достижений человеческой цивилизации, но растет и количество, и качество опасностей. Самое большое достижение человечества – это естественный язык, с помощью которого мы общаемся, накапливаем и анализируем информацию. Как показал Клод Шеннон, естественный язык имеет пятикратную избыточность для того, чтобы устойчиво функционировать в нашем мире, то есть наш мир на 80 % враждебен человеку. Итальянский экономист и социолог Вильфредо Парето сформулировал закон, из которого следует, что 20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий дают лишь 20 % результата, только надо правильно выбрать направление этих усилий. Он же выявил структуру распределения доходов среди итальянских домохозяйств – 80 % дохода сосредоточено у 20 % домохозяйств, то есть владельцы этих 20 % домохозяйств более или менее правильно выбирают направление своих усилий в современном мире. Таким образом, человеческое общество неоднородно и все время порождает неравенство, что является еще одной опасностью.

Люди издревле пытались понять, как устроен мир. С этой целью и был введен термин «кибернетика» французским ученым Андре Мари Ампером (1775–1836 гг.) в его книге «Опыт философских наук или аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний» (1834 г.). Эта книга сформировалась под воздействием идей великой французской

революции. В ней Ампер высказал предположение, что со временем возникнет особая наука об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах – «кибернетика». Он отнес ее к группе политических наук, куда входили физико-социальные науки (социальная экономика и наука об общественном благополучии), военные науки (гоплетика – наука о вооружениях и собственно военное дело), этногенические науки (номология – правоведение, учение о праве, законодательство, политика – права народов и собственно политика). С тех пор кибернетика сформировалась как метанаука, которая включает в себя и теорию автоматического управления, и информатику, и системный анализ, и синергетику, и многие другие направления. Следует отметить, что в 1830 г. Ампер был избран в число иностранных членов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Уже в наши дни было введено понятие о киберфизических системах, круг замкнулся – ведь Андре Мари Ампер был прежде всего физиком, именно он сформулировал в 1826 году электродинамическую теорию в сочинении «Теория электродинамических явлений, выведенная исключительно из опыта», его именем названа единица силы тока. Объединение физики и кибернетики знаменует новый этап развития науки.

В 1948 г вышла книга Норберта Винера «Управление и связь в животном и машине», а в 1950 г его же книга «Кибернетика и общество», что знаменовало новый этап развития наук об управлении. Во время Второй мировой войны Н. Винер участвовал в решении проблем управления артиллерийским зенитным огнем. Автор этих строк мальчишкой работал в августе-октябре 1941 года в Ленинграде на зенитной батарее, оборонявшей завод Светлана. Звучала команда – «Беглый заградительный огонь», сообщались координаты угла

возвышения, азимута и трубки и начиналась изматывающая работа, немецкие самолеты натывались на стену зенитного огня, совершали противозенитный маневр, куда попало сбрасывая бомбы. Так мы отстояли завод Светлана, который работал без выходных днем и ночью, снабжая нашу армию электронными лампами.

В различных странах в зависимости от идеологии и социально-экономического развития отношение к кибернетике было различным. На первых порах в СССР оно оказалось отрицательным, в философском словаре кибернетика была названа «лженаукой». Я закончил Ленинградский политехнический институт в феврале 1955 года по специальности «Автоматика и телемеханика» по кафедре Б. И. Доманского. В процессе обучения ни о какой кибернетике мы не слышали, но когда в конце 1955 года в журнале «Вопросы философии» появилась статья Э. Кольмана «Что такое кибернетика», она попала на хорошо подготовленную почву. Уже в ноябре 1956 года была создана секция кибернетики в Ленинградском доме ученых АН СССР.

Конечно, проблемы управления волновали многих и до Ампера, логистика сложилась еще в Древней Греции и Древнем Риме, и поэтому логично говорить о до-амперовском периоде развития наук об управлении и связи. В этот период необходимо отметить работы Раймонда Луллия по структурному анализу общества и первой логической машине и Готфрида Лейбница по монадологии, которые во многом предвосхитили работы по многоагентным системам.

Второй период развития кибернетики – от Ампера до Винера, когда Д. И. Менделеев осуществил прорыв в системном анализе, построив периодическую систему элементов, когда А. С. Поповым было изобретено радио, когда были реально созданы сложные системы автоматического регулирования и т. д.

В 1833 г. профессор Кембриджского университета Ч. Беббидж (1791–1871) разработал проект «аналитической машины» – гигантского арифмометра с программным управлением, арифметическими и запоминающими устройствами. В качестве первого программиста этой машины выступила леди Лавлейс, дочь поэта Байрона. Однако тогда полностью этот проект осуществить не удалось из-за недостаточного развития техники. В 1832 г. Ч. Беббидж был избран иностранным членом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Здесь необходимо отметить также нашего соотечественника И. А. Вышнеградского, который разработал теорию регуляторов прямого действия и сформулировал условие устойчивости системы регулирования. И. А. Вышнеградский, будучи министром финансов России в 1887–1892 годах, добился балансировки бюджета и укрепления курса рубля. Также необходимо отметить работы А. Пуанкаре по качественной теории дифференциальных уравнений. В биологии благодаря работам И. М. Сеченова и И. П. Павлова возникло четкое представление об организме как саморегулирующейся системе. Окончание второго периода развития кибернетики ознаменовано началом атомной и космической эры.

Третий период – от Винера, когда именно в конце сороковых – в начале пятидесятих годов XX века появились электронные вычислительные машины и четко обозначились поколения ЭВМ, появились реально действующие роботы, была определена структура гена и введено понятие мема. За последние 50 лет параметры вычислительных машин улучшились в миллионы раз, выросло быстродействие и объемы памяти, появилось новое программное обеспечение, уменьшились габариты, энергопотребление и стоимость компьютеров. Компьютер стал самой распространенной машиной, возникли мощные вычислительные сети, которые интегрируют все остальные средства коммуникации. Компьютерная инфраструктура продолжает развиваться. Практика создания и применения компьютеров значительно опережает теорию. В этих условиях говорить о теоретических основах кибернетики сложно, но, с другой стороны, имеется много примеров неэффективного применения компьютеров и необходимость выработки теоретических основ становится все острее.

Четвертый период начался в 2000 году, когда стало ясно, что существующие модели в различных отраслях науки и техники недостаточно отражают информационно-управляющие свойства структур. По сути люди пользуются моделями XIX века. Этот период характеризуется провозглашением новой стратегической компьютерной инициативы США в XXI веке, в которой предлагается новая трактовка структуры предметной области, Computational Science. Она должна объединить Algorithms, Modeling & Simulation, Computer Science & Information Science и Computing Infrastructure, а главной задачей провозглашается проведение научных исследований в широком диапазоне – от биофизических процессов до исследования фундаментальных физических основ формирования Вселенной.

В настоящее время в связи с построением информационного общества возникают совершенно новые фундаментальные проблемы по исследованию мироздания. Все большую роль начинают играть работы наших ученых – В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и других. Родилось представление о том, что Вселенная – это модель внутри мирового суперкомпьютера, что позволяет использовать структурные достижения компьютерной техники для объяснения сложных космических проблем.

Кибернетику, вычислительную технику, информатику, синергетику и системный анализ изучают в одной связке, они возникли на стыке различных наук, основой их развития являются междисциплинарные исследования. Именно широкой междисциплинарностью отмечена работа секции кибернетики Дома ученых им. М. Горького РАН с момента ее возникновения [1–7].

В настоящее время сложилось представление о киберфизических системах, которое базируется на лингво-комбинаторном моделировании сложных систем, феномене адаптационного максимума, разнообразных способах защиты информации и границах, которые разделяют различные миры – и виртуальные, и реальные.

Как только в конце 40-ых годов прошлого века появилась электронная вычислительная машина, компьютер, так сразу же родилась аналогия между

окружающим нас миром и компьютером, и эта аналогия продолжает развиваться и привлекаться для объяснения мироустройства (работы К. Цузе, Э. Фредкина, С. Ллойда и др.). Появление интернета вещей активизировало эти работы. Интернет вещей предполагает наличие связи с различными предметами, вещами, объектами. Следует заметить, что и до этого связь с различными объектами поддерживалась людьми с помощью зрения, слуха и механического взаимодействия, но интернет вещей предполагает установление новой дополнительной связи с помощью различных технических средств, что позволит вещам взаимодействовать на новом уровне не только с людьми, но и с другими вещами. Далее, каждый из объектов описывается с помощью лингвистических, математических и компьютерных моделей. Например, солнечная система является специализированным вычислительным устройством для решения задачи многих тел. В итоге складывается следующая картина.

Во-первых, компьютеры – системы со структурированной неопределенностью, у них имеется память, которая может быть пустой или заполненной различными данными и программами. Доказано, что универсальные цифровые вычислительные машины могут решать самые разные задачи.

Во-вторых, описание мироустройства на естественном языке, который является универсальной знаковой системой, с помощью лингвокомбинаторного моделирования, превращается в систему уравнений с произвольными коэффициентами, которые и есть структурированная неопределенность. На использовании естественного языка основан и краудсорсинг – выявление мнений умной толпы.

В-третьих, архитектура компьютеров непрерывно развивается – эволюционируют элементная база, уровень знаний компьютера, развиваются операционная среда и интерфейсы общения, системы ввода-вывода информации, системы контроля, диагностики и коррекции, системы передачи информации и энергии. Мир заполнен осцилляторами различных типов – это и атомы, и молекулы, это и солнечная система, и галактики, и все эти осцилляторы включены в общую моделирующую вычислительную систему.

В-четвертых, компьютеры являются вместилищем различных виртуальных миров, которые отделены друг от друга системами защиты информации. Наш мир – это виртуальная ячейка в мировом суперкомпьютере, который является неоднородной распределенной структурой, везде проникающей, а гигантский аналог 3D принтера может печатать астероиды, планеты и звезды.

В-пятых, компьютеры и сети являются основой самоорганизации социума.

Складывается сетевой гибридный интеллект на фоне развития интернета вещей на основе первобытного мышления. Наш современный опыт в своей совокупности составляется из относительно небольшого числа данных и бесконечного числа индукций. Опыт первобытного мышления, напротив, содержит индукции лишь в очень малой пропорции, но зато включает в себя много непосредственных данных, которым мы отказываем в объективной

ценности, хотя они, на взгляд первобытного человека, тоже реальны и даже более реальны, чем данные внешних чувств.

Все это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что компьютер можно рассматривать как базовую модель самоорганизации Вселенной.

При таком подходе становится понятным, почему нам до сих пор не удалось установить связь с инопланетянами. Ведь если наш мир не более чем модель внутри мирового суперкомпьютера, то для того, чтобы установить такую связь, необходимо изучить структуру мирового суперкомпьютера, его аппаратного и программного обеспечения, изучить систему защиты между мирами, и вот тогда, может быть, удастся установить связь с обитателями других миров. Это колоссальная **фундаментальная** задача для современной науки [8; 9].

Хотелось бы заметить, что 300 лет тому назад сложился механицизм – система взглядов, когда механика была единственной развитой наукой, получившей применение в производстве, ее символом были механические часы (Г. Галилей, И. Ньютон, П. С. Лаплас и др.). В наше время складывается компьютеризм – система взглядов, когда самой распространенной машиной стал компьютер как система со структурированной неопределенностью, вмещающая в себя множество различных виртуальных миров, которая породила множество моделей, аналогий и метафор. Кибернетика как метанаука продолжает развиваться, порождая все новые и новые направления, а вычислительные сети стали основой самоорганизации социума, который защищает человека.

В настоящее время мир живет в поиске новой нормальности, в преддверии кризисов, но кризисы являются имманентным свойством сложных систем [6], можно лишь уменьшить глубину кризисов, если тщательно измерять показатели функционирования сложных систем и своевременно принимать меры.

Список литературы

1. Гаскаров Д. В., Киселёв В. Б., Солдатенко С. А., Строгонов В. И., Юсупов Р. М. Введение в геофизическую кибернетику и экологический мониторинг / Под общей редакцией Р. М. Юсупова. – СПб.: ГУВК, 1998. – 166 с.
2. Игнатьев М. Б. Голономные автоматические системы. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1963. – 204 с.
3. Игнатьев М. Б. Кибернетическая картина мира. Сложные киберфизические системы. – СПб.: ГУАП, 2014. – 472 с.
4. Игнатьев М. Б., Катермина Т. С. Системный анализ проблемы управления хаосом / Сборник научных трудов XX международной конференции «Системный анализ в проектировании и управлении». Ч. 1. – СПб.: СПбПУ, 2016. – С. 129–136.
5. История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде) / Под редакцией Р. М. Юсупова. – СПб.: Наука: Вып. 1, 2008. – 170 с.; Вып. 2, 2010. – 152 с.; Вып. 3, 2012. – 216 с.; Вып. 4, 2014. – 180 с.

6. Кибернетика и информатика: сб. научных трудов к 50-летию секции кибернетики. – СПб.: СПбПУ, 2006. – 300 с.
7. Фрадков А. Л. Кибернетическая физика. – СПб.: Наука, 2003. – 208 с.
8. Ignatyev M. Galactic Evolution Simulation on Basement of the Linguo-Combinatorial Approach // Proceedings of the 29th General Assembly of International Astronomical Union. – USA, Honolulu. – 2015.
9. Kardashev N. S. Transmission of Information by Extraterrestrial Civilization // Soviet Astronomy. – Vol. 8. – № 2. – 1964. – pp. 217–221.

References

1. Gaskarov D. V., Kiselev V. B., Soldatenko S. A., Strogovov V. I., Yusupov R. M. (R. M. Yusupov Ed.) Introduction to the Geophysical Cybernetics and Environmental Monitoring [*Vvedenie v geofizicheskuyu kibernetiku i ekologicheskii monitoring*]. Saint Petersburg, GUVK, 1998, 166 p.
2. Ignatyev M. B. Holonomical Automatic Systems [*Golonomnye avtomaticheskie sistemy*]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1963, 204 p.
3. Ignatyev M. B. Cybernetic Picture of the World. Complex Cyber-Physical Systems [*Kiberneticheskaya kartina mira. Slozhnye kiberfizicheskie sistemy*]. Saint Petersburg, GUAP, 2014, 472 p.
4. Ignatyev M. B., Katermina T. S. System Analysis of the Chaos Management Problem [Sistemnyy analiz problemy upravleniya khaosom] *Sbornik nauchnykh trudov XX mezhdunarodnoy konferentsii “Sistemnyy analiz v proektirovanii i upravlenii”*. Ch. 1 (Collected Scientific Works of the XX International Conference “System Analysis in Designing and Management”, Part 1). Saint Petersburg, SPbPU, 2016, pp. 129–136.
5. R. M. Yusupov (Ed.) The History of Computer Science and Cybernetics in Saint Petersburg (Leningrad) [*Istoriya informatiki i kibernetiki v Sankt-Peterburge (Leningrade)*]. Saint Petersburg, Nauka: Issue 1, 2008, 170 p.; Issue 2, 2010, 152 p.; Issue 3, 2012, 216 p.; Issue 4, 2014, 180 p.
6. Cybernetics and Computer Science: Collected Scientific Works Devoted to the 50-years Anniversary of the Section of Cybernetics [*Kibernetika i informatika: sb. nauchnykh trudov k 50-letiyu seksii kibernetiki*]. Saint Petersburg, SPbPU, 2006, 300 p.
7. Fradkov A. L. Cybernetic Physics [*Kiberneticheskaya fizika*]. Saint Petersburg, Nauka, 2003, 208 p.
8. Ignatyev M. Galactic Evolution Simulation on Basement of the Linguo-Combinatorial Approach. *Proceedings of the 29th General Assembly of International Astronomical Union*. USA, Honolulu, 2015.
9. Kardashev N. S. Transmission of Information by Extraterrestrial Civilization. *Soviet Astronomy*, Vol. 8, № 2, 1964, pp. 217–221.

УДК 004.946; 001.8

Субстратная, энергетическая и информационная составляющие жизненных циклов виртуальных продуктов (методологический аспект)*

Соснина Тамара Николаевна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королева (национальный исследовательский университет)», кафедра философии и истории, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Самара.

E-mail: tnssau@bk.ru

443086, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, д. 34,
тел: 8(846)267-45-65; 8(846) 332-74-83.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Определение статуса виртуального продукта и параметров его жизненного цикла относятся к числу малоразработанных проблем.

Результаты: Главные составляющие информационного продукта – субстратная, энергетическая и информационная.

Субстрат виртуального продукта составляет симбиоз идеального и материального, духовного и вещественного. Он включает в себя два вида субъектов: естественный (индивид, группа) и искусственный (информационная система).

Энергетическая основа может быть проанализирована в вариантах экзо- и эндозатрат с выделением или с поглощением энергии. Энергетическая составляющая продукта виртуального офиса, корпорации проявляется в конструировании человеческим сознанием и эмоциями новой реальности – виртуального инструментария, пригодного для использования в сферах материального и духовного производства.

Информационная составляющая виртуального продукта, так же, как и любого другого, выражается в понятиях «потребительная стоимость» и «стоимость». Сущность потребительной стоимости и стоимости виртуальной продукции определяется особенностями субстратной основы программного продукта; пространственно-временными характеристиками его жизненного цикла; соотношением потребительно-стоимостных и стоимостных параметров друг с другом.

Область применения результатов: Предложенная трактовка виртуального продукта позволяет описать технологические особенности его жизненного цикла.

Выводы: Основу жизненных циклов виртуальных продуктов составляют объективное и субъективное начала. В исследуемых видах деятельности они

* © Т. Н. Соснина, 2016.

трансформируются в образования, не имеющие аналога в других сферах действительности, в силу чего соотношение объективных и субъективных компонентов виртуальной реальности требует комплексного рассмотрения.

Ключевые слова: жизненный цикл виртуального продукта; субстрат виртуального продукта; эндо- и экзоэнергетическая природа; стоимость и потребительная стоимость виртуального продукта.

Substrate, Energy and Information Components of the Life Cycles of Virtual Products (Methodological Aspect)

Sosnina Tamara Nikolaevna – Samara State Aerospace University, Department of philosophy and history, Doctor of philosophy, Professor, Honored for Services to the Higher Education of the Russian Federation, Samara, Russia.

E-mail: tnssau@bk.ru

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia,
tel: 8(846)267-45-65; 8(846) 332-74-83.

Abstract

Background: Determining the status of the virtual product and its life cycle parameters is not a well-studied field.

Results: The main components of the information product are its substrate, energy and information.

The substrate of the virtual product is a symbiosis of ideal and material, spiritual and physical. It includes two types of subjects: natural (an individual or a group) and artificial (an information system).

The energetic basis can be analyzed in terms of exoergic and endoergic consumption accompanied by its release or absorption. The energy component of the product is a virtual office or corporation. It is manifested in the construction of a new reality – virtual instrumentation suitable for the use in the fields of material and spiritual production by means of the human mind and emotions.

The information component of the virtual product, the same as any other, is expressed in terms of "use value" and "value". The essence of the use value and the value of the virtual product is determined by the characteristics of the software substrate; spatial-temporal parameters of its life cycle; the ratio of use-value and value parameters with each other.

Research implications: The proposed interpretation of the virtual product furnishes a description of technological features of its life cycle.

Conclusion: The objective and subjective components are the basis of the virtual product life cycles. In the types of activities studied they are transformed into phenomena, which have no equivalent in other spheres of reality, whereby the ratio of the objective and subjective components of virtual reality requires a detailed consideration.

Keywords: life cycle of the virtual product; substrate of the virtual product; endoergic and exoergic processes; value and use value of the virtual product.

Основу жизненных циклов виртуальных продуктов, так же, как и любых других, составляют объективное и субъективное начала. Однако в виртуальных видах деятельности они трансформируются в образования, не имеющие аналогов.

Субстрат виртуальных продуктов образует «симбиоз» идеального и материального, духовного и вещественного. Первое ассоциируется с активностью естественного живого субъекта (индивид, группа), второе – с активностью искусственного субъекта (информационные системы).

Естественный субъект действует в виртуальном пространстве-времени, мобилизуя свой психофизический потенциал – сознание. Это высшая форма отражения, присущая человеку, она есть производное функционирующего мозга – материального субстрата сознания. Мозг наделен способностью, с одной стороны, воспринимать информацию о внешней среде, с другой – «обращаться» к «себе самому» с целью осознания собственной сущности. Результатом «соединения» этих потоков информации выступает знание о мире и о самом себе. Другими словами, сознание обладает качествами всех простых моментов деятельности в классическом ее понимании – субъект, средства и предмет труда. Человек способен к ориентации в настоящем и будущем, используя приобретенные в прошлом знания и навыки.

Субстрат виртуального предмета и продукта в этом случае проявляется как совокупность всех форм психической деятельности человека:

- на уровне познавательных процессов (ощущение, восприятие, представление, мышление, память, язык, речь);
- на уровне эмоциональных состояний (позитивная и негативная реакция, активность и пассивность поведения);
- на уровне волевых актов (принятие решений, их исполнение).

Сознание индивида (группы), функционирующее в режиме циклов виртуальных видов продукции, реализует свой совокупный потенциал, создавая идеальные конструкторы разного типа сложности.

Искусственный субъект обнаруживает свою сущность, выполняя функции средств труда (орудий и условий), через посредство которых выпуск виртуальной продукции становится фактом.

Отличие этих средств труда от используемых в материальном и духовном производстве не является препятствием для признания за ними статуса субъективности.

Субстрат средств труда ассоциируется с вещественными образованиями применительно к сфере материального производства. В отношении к духовным видам деятельности (наука, искусство и т. п.) средства труда имеют как материальную форму (приборы, оборудование, производственные помещения и т. п.), так и идеальную (понятие, суждения, умозаключение, гипотезы, теории, модели и т. п.).

Субстрат средств труда независимо от принадлежности к материальному или идеальному выполняет главную функцию – служит проводником усилий человека (субъекта деятельности), направляемых на предмет труда с целью преобразования его в продукт.

По мере развития нового типа производства – виртуального – появилась объективная необходимость расширения функций средств труда за счет ускоренной передачи им интеллектуальных функций социума. Но интеллектуальная характеристика является базовой для человека, поэтому способность вещественного субстрата к выполнению функций такого рода ставит проблему субъективности неживых образований.

Как решались эти вопросы с учетом методологических установок? Практика виртуальных производств давала основание для признания за вычислительной техникой особых качеств средства труда:

1. Результаты ее функционирования оказались уникальными. В 2010 году в мире было генерировано 4 эксабайта информации, то есть больше, чем за последние 5000 лет.

Существенен момент открытости информации, возможность использования ее не только как средства труда, но и как средства жизнедеятельности социума – глобального целого [см.:1, с. 58–61].

С помощью ЭВМ появилась возможность создавать программное обеспечение, способное измерить алгоритмы функционирования любых сфер производства – материального, духовного, виртуального, социального.

2. Производительность компьютеров быстро растет за счет внедрения многоядерной архитектоники, увеличения вместимости средств хранения данных, требующихся для расчетов и моделирования, интернет-публикаций, архивов.

3. Развитие информационно-компьютерных технологий позволяет вести их разработку в контексте создания искусственного интеллекта, «соотнесения» его с интеллектом естественным.

Различия субстратной основы компенсируются созданием интерфейсов, позволяющих наладить контакты естественного и искусственного субъектов через формализованные языки. Появляются проблемы. Их решают, изучая характеристики каждого из взаимодействующих субъектов, потенциал которых задействован на функционировании жизненных циклов виртуальной продукции¹, видоизменяются параметры системного образования «интерфейс – языки программирования»².

Интенсивно ведутся разработки по созданию новых языков программирования, направленных на стирание граней между пользователем и программистом, в способах общения человека с машиной: система «программист → классический язык программирования», «пользователь →

¹ Предметом обсуждения все чаще становятся вопросы трансформации интеллектуальных способностей естественного субъекта, занятого в сфере виртуальных видов деятельности (снижение объема памяти, изменение качества хранимой информации) [см.: 2, с. 5-25].

² Беспокойство вызывает эмоционально-нравственная составляющая личности естественного субъекта [см.: 3, с.41-52].

интерфейс» заменяется системой «программист → классический язык программирования + визуальный язык программирования», «пользователь → интерфейс + визуальный язык программирования» [см.: 2, с. 63–68].

Анализ субстратной основы предмета труда и продукта виртуального производства предполагает рассмотрение трех моментов.

1. *Жизненный цикл продукции виртуального офиса; виртуальной корпорации.*

Естественный и искусственный субъекты создают в этом случае продукцию в виде идеальных конструкторов (техническая документация программного обеспечения), отвечающих стандартным требованиям, дающих полное и точное описание на каком-либо формализованном языке процесса обработки информации, приводящей к решению задачи.

Субстрат здесь ассоциируется с определенным содержанием (тесты, графики и т. д.) и оформлением (тип носителя) документов.

Идеальный конструктор формируется последовательно от этапа нулевого предмета труда к первичному, вторичному и т. д.

Субстрат виртуального продукта отражает совокупные затраты естественного субъекта (процессы распределения и опредмечивания требуют психофизических затрат интеллектуального, эмоционально-нравственного потенциала личности/группы), а также искусственного субъекта (техничко-технологическое обеспечение деятельности естественного субъекта).

2. *Жизненный цикл продукта виртуального индивидуального пользователя (на примере компьютерных игр).*

Естественный и искусственный субъекты создают продукт в виде эффекта погружения естественного субъекта в иллюзорный (мнимый) мир.

Субстрат в этом случае ассоциируется с игровыми сюжетами (моделирование событий, активное в них участие естественного субъекта) и формой их технико-технологического обеспечения.

В последнее десятилетие компьютерные игры «переместились» на более высокий уровень: виртуальное игровое пространство трансформировалось в сетевое качество, «подкрепленное» соответствующим технико-технологическим обеспечением. Тренды их использования расширились, возможность удовлетворения «аппетита» участников увеличились (игровая тематика вышла на внеигровые темы).

Итоги развития ситуации не заставили себя ждать. С одной стороны, продажа игр резко возросла, IT бизнес является наиболее успешным, с другой – обнаружилось негативное явление, связанное с состоянием здоровья геймеров (утрата ими эмоционального личностного компонента, чувства ответственности, отчуждение от привычных координат бытия – природа, семья, школа, друзья, ощущение собственной неполноценности, ненужности) [см.: 3].

Негативные последствия стали предметом размышления ученых, политиков, общественных деятелей. Тревогу вызывает рост числа поклонников компьютерных развлечений, изменение субстратной основы самого виртуального продукта.

Сейчас примерно 10–14 % из тех, кто играет в компьютерные игры, являются игроманами, то есть испытывают психологическую зависимость от игр [см.: 4]. В России компьютерными и онлайн-играми увлечено почти 40 млн. человек. По прогнозам на 2016 год в различные игры будет вовлечен каждый третий житель России (более 56 млн. человек). Аналогичная картина наблюдается и в других странах. Проведенное компанией «Sony» исследование показало: количество геймеров по всему миру достигло 1 млрд.; 220 млн. из них живет в США [см.: 5].

3. Жизненный цикл виртуального продукта, обладающего художественной ценностью (на примере театральных видов деятельности).

Спектакль воспроизводит виртуальную реальность, участниками и творцами которой становятся все присутствующие – артисты, зрители, в широком смысле слова – весь персонал театра. В этом плане изречение «театр начинается с вешалки» достаточно точно воспроизводит ситуацию.

Процесс и продукт театральных видов деятельности есть производное функционирования двух естественных субъектов (носителей субстратного качества) – артистов и зрителей. Такая ситуация объясняется тем, что артисты и зрители взаимосвязаны друг с другом по параметру «предмет труда».

Координаты различны, но функциональная суть одна: артисты играют для зрителей (один вариант предмета труда), зрители, демонстрируя в той или иной форме свое отношение к спектаклю, «переводят» артистов в статус предмета их труда (второй вариант предмета труда).

Субстратная основа искусственного субъекта одновременно с качеством предмета труда обнаруживает качество средства труда. Таковыми выступают артисты: их труд становится возможным лишь при содействии «технического сопровождения». В определенной мере зрители также (хотя бы частично, в лице наиболее активной заинтересованной части) способствуют исполнению спектакля, эмоционально его «подпитывая».

Субстратной основой виртуального процесса и продукта жизненного цикла в рассматриваемом нами варианте служит психофизиологическое начало, образы, при посредстве которых формируется определенный настрой у зрителей и актеров. Совместными усилиями создается «эффект присутствия», эффект виртуальной сопричастности, возникающий во время спектакля. Финал – изменение в той или иной мере мироощущения как зрителей, так и артистов.

Виртуальный продукт может быть рассмотрен с энергетической точки зрения в вариантах экзо- и эндозатрат с выделением или с поглощением энергии. Оба процесса связаны с использованием психофизического потенциала человека, инициировавшего создание виртуального продукта; а также с расходом овеществленного в компьютерной технике и технологиях труда человека в прошлом.

Основу энергетических процессов составляет 10 миллиардов клеток мозга человека, каждая из которых является аналогом мини-электростанции. Электрическая активность мозга возникает в ходе «соприкосновения» внутреннего – «Я» человека с внешним миром – «не Я». Головной мозг функционирует как образование, состоящее из левого и правого полушарий.

Электрическая активность проявляется в речевой функции, языке, памяти (левое полушарие); эмоциях, переживаниях (правое полушарие).

Иностранные и отечественные ученые измерили скорость первичного электропотока животного и человека. У людей она составляет 100 м/сек. Вычислена доля участия левого и правого полушарий в образовании и функционировании сознания: левое составляет в среднем 4–5 % объема; правое – более 90 % [см.: 6, с. 57–58, 63].

Нервно-психическая энергия приводит в движение ресурсы клеток мозга, преобразует образы действительности с их энергетическим эквивалентом в мыслительные операции, формируя искусственные образы. Существенно, что энергия распределяется одновременно и по множеству центров коры головного мозга, возбуждая организм человека в целом (конечности, мимические мышцы лица, речевые, сердечно-сосудистые органы, мышечную и костную системы, железисто-секреторные органы и т. д.).

Энергетические ресурсы мозга порождают не только мышление, речь, но и создают основу для функционирования всего спектра эмоционального, духовно-нравственного потенциала человеческой психики.

Поясним наличие энергетической составляющей в виртуальных продуктах применительно к различным их видам.

1. Энергетическая составляющая продукта виртуального офиса, корпорации проявляется в конструировании человеческим сознанием и эмоциями новой реальности – виртуального инструментария, пригодного для использования в сферах материального и духовного производства.

Программные продукты – результат интеллектуально-эмоционального прочтения цели с передачей заказчику точного описания процесса обработки информации на определенном формализованном языке – воплощают энергетический потенциал совместной работы естественного и искусственного субъектов виртуальной деятельности.

В случае с продуктом виртуального офиса (вариант коллективной разработки) энергетическая составляющая проявляет себя как человеческие усилия, затрачиваемые на поиск алгоритмов решения задачи; объединение действий разработчиков проекта; достижение совместной договоренности заказчика с исполнителями о ходе работ и ее результатах.

Энергетические затраты сопровождают процессы мотивации разработчиков, побуждая их к действию в направлении достижения желаемого результата на всех этапах жизненного цикла вплоть до утилизации программного продукта.

Суммарные энергетические затраты, необходимые для создания виртуального продукта, являются итогом усилий программистов, качества общения разработчиков с коллегами и рабочим пространством (искусственным субъектом виртуальной деятельности).

В случае с продуктом виртуальных корпораций первое место в энергозатратах держит параметр «единого информационного пространства», в рамках которого функционирует сеть экономических субъектов, работающих в

одном направлении, независимо от их физического местонахождения относительно друг друга.

Особенность энергетической составляющей программного сетевого продукта сегодня связана с увеличением производительности компьютеров за счет внедрения многоядерной архитектуры, увеличения вместимости средств хранения данных, необходимых для расчетов и моделирования, а также для интернет-публикаций и архива. Программы, работающие в глобальной сети, приобретают функционал программ, работающих на локальных компьютерах. Появляется новая информационная среда – среда облачных исчислений, когда программы «движутся» с компьютера пользователя в облако. Итог – создание облачных версий продуктов [см.: 2, с. 64]. Показатель энергозатрат на производство сетевого виртуального продукта отличается в лучшую сторону от того, который характеризует продукт «стандартного типа».

Следует обратить внимание и на такую специфику деятельности виртуальных компаний как готовность «взять на себя» ответственность за внедрение нового элемента производственного процесса – управление знаниями (феномен обучающейся организации) и воспитание «корпоративного духа» у всех участников производственного процесса – руководителей и подчиненных.

2. Виртуальный продукт – эффект погружения в мир иллюзий – предполагает энергозатраты по переводу естественного пространства-времени «Я» в искусственное пространство-время – «не Я».

Энергетический потенциал компьютерной техники создает среду, в которой тело человека перестает различать естественные (собственные) ощущения от искусственных (виртуальных). Такого рода метаморфозам подвержено до 80 % ощущений пользователя.

Первыми появились технические устройства, воздействующие на зрение и слух человека. В настоящее время развиваются технологии, имитирующие тактильные ощущения, запахи, вкус.

Технические системы, порождающие виртуальную реальность, воздействуют на рецепторы глубоких подкорковых образований человека с соответствующими этим процессам энергетическими затратами.

Погружение человека в виртуальную реальность требует дополнительных эмоциональных, следовательно, и энергетических затрат. По мере вхождения в эпоху информатизации человек меняет форму энергетического общения. Он «перестает» ощущать себя реальным физически и экзистенциально. Он «перенесен душой и телом» в виртуальность – мир, который остается конструкцией сознания и высоких технологий. Если в эпоху индустриализации можно было говорить том, что человек стал *продолжением машины*, то в век информатизации можно уверенно констатировать, что он становится *продолжением или частью своего компьютера* [см.: 7, с. 51].

3. Продукт виртуальной деятельности, представляющей художественную ценность, вбирает энергетические потоки, ориентированные вовне и вовнутрь. Применительно к театральному продукту это энергетические потоки, исходящие от усилий артистов (коллектива театра) и зрителей. Первые отдают

свой энергетический порыв, вторые – вбирают этот поток, формируя свое отношение к спектаклю.

Иначе говоря, имеет место уникальное энергетическое взаимодействие и взаимопроникновение: зритель «подпитывает» энергетику артистов (аплодисменты, возгласы одобрения и т. п.), артисты, воспринимая настроение зала, так или иначе, реагируют своей игрой на создавшуюся ситуацию.

Спектакль, выступая продуктом виртуального действия, является энергетическим, эмоциональным и информационным феноменом. «Люди идут в театр для развлечения, но незаметно для себя выходят из него с возбужденными чувствами и мыслями, обогащенные познанием жизни духа» [см.: 8, с. 241].

Аналогичная метаморфоза приемлема и для оценки игры самих артистов. Воспроизведем типичную картину «творческих мучений» артиста, воспользовавшись воспоминаниями Фаины Раневской: «В театре мне довелось играть роль в пьесе “Капитан Костров”. Придя домой, я вспоминала с отчаяньем и тоской все сцены, где я особенно плохо играла. В два часа ночи позвонил Михоэлс С. М., присутствовавший на спектакле, и извинившись за поздний звонок, сказал: “Вы ведь все равно не спите, а, наверное, мучаетесь недовольством собой, а я мучаюсь из-за Вас. Перестаньте терзать себя, Вы совсем неплохо играли, поверьте мне, дорогая, совсем неплохо”» [см.: 9, с. 96–97].

Информационная составляющая виртуального продукта, так же, как и любого другого, выражается в понятиях «потребительная стоимость» и «стоимость». Сущность потребительной стоимости и стоимости виртуальной продукции рассмотрим с учетом особенностей субстратной основы программного продукта; пространственно-временных характеристик его жизненного цикла; соотношения потребительно-стоимостных и стоимостных параметров друг с другом.

С учетом результатов такого анализа попытаемся проанализировать базовые аспекты применительно к деятельности виртуального офиса и корпорации; феномена погружения индивида в иллюзорную среду, а также виртуального эффекта, возникающего при создании продукта, обладающего художественной ценностью.

Первая позиция относится к определению потребительно-стоимостных и стоимостных особенностей субстратной основы виртуального продукта в процессе его создания, функционирования вплоть до завершающей стадии.

Потребительная стоимость выражает качественно-количественные характеристики природной и социальной подсистем системы «человек – ЭВМ»: первая ассоциируется с функционированием ЭВМ (набор команд и определенным образом организованных вычислительных устройств, в совокупности образующих архитектурную платформу), вторая – с качественно-количественным статусом сотрудников.

Качественно-количественный аспект потребительной стоимости может быть раскрыт в логико-историческом ключе как смена поколений компьютерных архитектур: от появления в 30-е годы XX в. первых реально

действующих компьютеров до пятой их модификации – интеллектуальных систем начала 80-х гг. XX в.

Качественно-количественный аспект потребительной стоимости может быть выражен как соотношение стоимости компьютерной аппаратуры и стоимости рабочей силы, требующейся для ее эксплуатации: период с 1945 по 1970 гг. – дорогая аппаратура и дешевая рабочая сила; с 1970 по 1985 гг. – дешевая аппаратура и дорогая рабочая сила; с 1981 г. – очень дешевая аппаратура и очень дорогая рабочая сила (фиксируется рост численности персонала) [см.: 10, с. 398].

Анализ потребительно-стоимостных и стоимостных параметров виртуального продукта возможен и в других ракурсах:

- функциональной классификации компьютеров (международные сертификационные стандарты, устанавливающие категориальный статус ЭВМ с отражением их потребительной стоимости и стоимости);

- классификации аппаратных систем по степени их централизации;

- классификации набора команд;

- классификации по параметру производительности вычислительных систем.

Потребительно-стоимостные и стоимостные характеристики виртуального продукта приобретают тенденцию развития адекватно созданию квантовых компьютеров, нейрокомпьютеров, оптических компьютеров с учетом непосредственной их связи с социальной подсистемой, ориентированной на программный продукт – результат совместных усилий коллектива разработчиков.

Качественно-количественный параметр потребительной стоимости и стоимости программного обеспечения на всех стадиях жизненного цикла определяется затратами конкретного и абстрактного, живого и овеществленного труда, затрачиваемого командой разработчиков, проектирующих и создающих продукт.

Производительность команды (создание высококачественного программного продукта, отвечающего требованиям «здесь и сейчас») зависит от общей и профессиональной культуры каждого из участников жизненного цикла продукта и, как следствие, коллектива разработчиков в целом.

На этом уровне потребительно-стоимостные и стоимостные параметры программного продукта определяются наличием определенных индивидуальных качеств у работников (работоспособность, целеустремленность, упорство); их интеллектуальной подвижностью (способность к абстрагированию, анализу, синтезу), склонностью к фантазии и интуитивному прочтению проблем; стремлением к новизне, постоянному обогащению знаний и навыков работы со знаковыми системами, умением работать в группе (общительность, способность к проявлению эмпатии), способностью адаптироваться к изменению среды.

Обе подсистемы – природная и социальная – обнаруживают реальный потенциал в случае, если обеспечивается взаимодействие пользователя с аппаратурой.

Потребительно-стоимостные характеристики интерфейса являются ключевыми при раскрытии содержания и формы информационной составляющей программного продукта. Программист использует вместо реальной аппаратуры возможности более удобного ее аналога – ЭВМ, то есть виртуальную машину, создающую иллюзию одновременного исполнения нескольких программ на одном процессоре.

Потребительно-стоимостные и стоимостные характеристики помогают конкретизировать особенности функционирования системы «ЭВМ – человек» с точки зрения функций средств труда. В итоге образуется симбиоз материального (аппаратура) и идеального (мозг разработчика), функционирующий как единое целое, создающее виртуальную продукцию.

Программист становится «продолжением или частью своего компьютера» [см.: 7, с. 51]. Он использует свой мозг в качестве предмета и средства деятельности по производству виртуальной продукции. Это уникальное состояние «Я» роднит его с научно-исследовательскими формами труда. Имеется в виду способность к «объемному» видению ситуации (определение архитектуры программного обеспечения; умение комбинировать типовые алгоритмы и приемы, владеть языками программирования и т. п.).

Каждая фаза жизненного цикла виртуального продукта имеет свой тип интерфейса по причине различий, существующих между стадиями функционирования системы «человек – компьютер».

Вторая позиция относится к определению пространственно – временных параметров информационной составляющей виртуального продукта и оценке производительности вычислительных систем, усилий разработчиков виртуального продукта.

Критерием производительности вычислительной системы является временной интервал, затраченный на разработку программы, прежде всего, время использования центрального процессора. Пространственная составляющая жизненного цикла виртуального продукта выступает фактором, влияющим на производительность системы и, как следствие, ее потребительную стоимость и стоимость.

В последние годы применяются информационные системы различного назначения, обеспечивающие поддержку многоуровневого управления крупномасштабными территориально распределенными компаниями.

При создании корпоративной информационной системы решаются задачи организации пользовательского интерфейса в целях обеспечения «бесшовного» взаимодействия функционирующих подсистем [см.: 11, с. 52–62].

Потребительно-стоимостные и стоимостные параметры виртуального продукта на каждой из стадий его жизненного цикла в пространственно-временном плане зависят от качества функционирования социальной подсистемы интерфейса, производительности труда работников; способности их к общению в интерактивном режиме, рациональному использованию потенциала рабочего пространства (процедура слияния файлов, манипуляции совокупностями каталогов).

Третья позиция предполагает анализ соотношения потребительно-стоимостных и стоимостных показателей жизненного цикла виртуального продукта.

Виртуальный продукт отличается тем, что он является авторским изделием, интеллектуальной собственностью, создание которой сопровождается затратами конкретного и абстрактного труда, не сопоставимыми с расходами, требующимися на изготовление копий.

Налицо две совершенно разные стоимости – стоимость оригинала и стоимость копий. Учитывая существующую классификацию программной продукции (уникальная, специализированная, универсальная), ценовая политика определяется потребностью в программных продуктах определенного типа, количеством потенциальных покупателей, их финансовыми возможностями, наличием конкурентов, качеством предлагаемых программ, их известностью, эффективностью рекламной кампании.

Определение стоимости программного обеспечения «вибрирует» между равнозначимыми факторами – гарантией высокого качества продукта, предлагаемого в нужное время и в нужном месте, и минимумом затрат на его изготовление.

В последние годы наметились изменения в сторону увеличения трудоемкости производства комплексов программных систем и баз данных, наполнения их информацией (сотни человеко-лет) при увеличении длительности жизненного цикла (от нескольких лет до нескольких десятилетий).

Одновременно выросли масштабы и функциональная размерность программных компонентов, обеспечение мобильности в применении стандартизации структуры и интерфейсов, рост требований к надежности и безопасности функционирования программных систем [см.: 12, с. 38].

Характеристика информационной составляющей жизненных циклов разных виртуальных продуктов имеет особенности. Попытаемся выявить их с учетом потребительно-стоимостных и стоимостных параметров виртуального офиса и корпорации; ситуации «погружения» в мир иллюзий; эффекта, сопровождающего создание продукта художественных видов деятельности.

Потребительно-стоимостные и стоимостные характеристики любого типа виртуального производства рассмотрим на примере базового «среза» интерфейсов. Последние, естественно, не могут не отражать особенность жизненных циклов в аспекте взаимодействия подсистемы «человек» с подсистемой «вычислительная техника».

1. На примере офисных проектных структур можно проследить историю трансформаций интерфейсов.

На начальном этапе взаимодействие обеспечивалось благодаря программам, составленным на машинных кодах. Не было не только виртуального, но и текстового их оформления. Этот уровень ЭВМ соответствовал социальной составляющей интерфейса, так как понимание архитектуры электронного устройства было доступно ограниченному кругу профессионалов – носителей уникального вида труда.

С появлением текстово-логического описания программ совершенствовалась информационная составляющая, постепенно изменялся и квалификационный статус разработчиков, владевших языками программирования высокого уровня (Фортран, Паскаль и т. д.)

Потребительно-стоимостные и стоимостные параметры общей подсистемы «человек – ЭВМ» приобретали характер последовательного изменения операционных систем (программирование обеспечивалось на текстовых и графических интерфейсах).

В офисном варианте представлена информационная составляющая программного продукта. С одной стороны, это язык программирования (искусственный феномен), с другой – язык традиционного разговорного общения (естественный феномен).

В подсистеме «человек – человек» язык общения в начале был однороден и понятен (с каждой стороны выступает один и тот же субъект – человек). В подсистеме «человек – ЭВМ» человек «инструктировал» машину, используя один вариант языков и интерфейсов, а машина «контактировала» с человеком с помощью других языков.

Это сложное переплетение потребительно-стоимостных характеристик получило новый импульс развития в сетевых структурах – виртуальных корпорациях.

Виртуальная корпорация, связывая в единое целое специфические цели и координируя усилия входящих в нее организаций с точки зрения потребительно-стоимостных и стоимостных показателей, является кооперативной сетью, наделенной ключевыми компетенциями и базирующейся на единой информационной системе. Традиционные интерфейсы, используемые в ограниченном пространстве – времени сетевыми хозяйствующими субъектами, изменили их алгоритм, создали новый инструментарий обеспечения жизненных циклов продукта виртуальных компаний. Трансформировались обе подсистемы: техническая и социальная, и как следствие появился новый вариант интерфейса. Сетевая операционная система предоставила пользователю особую «виртуальную машину», обращение с которой существенно упростилось. Распределительные системы объединили все компьютеры в паутину – сеть.

Интегрирующим фактором выступила групповая форма организации работы (средства обеспечения сотрудничества и координации; CALS – технологии, ERP – системы). CALS – технологии обеспечили эффективный обмен информацией между субъектами сети, связали в единое целое стадии жизненного цикла изделия, используя новую идеологию организации социальной подсистемы интерфейса.

Высокий уровень «пересечения» трудовых процессов, конкретного живого труда работников, расширение групповых вариантов создания потребительной стоимости – стоимости продукта предполагали новый подход к оценке вклада каждого работника в производство как готового, так и конечного продукта.

Появляются сложные для решения не только технические, но и социальные проблемы, связанные с оценкой трудоемкости интеллектуальных

видов работы в контексте требований этического порядка (высокий уровень доверия друг другу, нормирование взаимных обязательств и ответственности в соблюдении стандартов).

Виртуальные корпорации создают весомые конкурентные преимущества за счет снижения затрат на основные и оборотные средства. Эти изменения требуют нового мышления руководителей, организации работы всех сотрудников по типу «постоянно обучающейся структуры».

Сегодня информационная составляющая жизненного цикла виртуального продукта формируется с расчетом на КИС (корпоративные информационные системы) и, главное, создание на ее основе ЕИП (единого информационного пространства) с соответствующим интерфейсом [см.: 13, с. 61–70; 11, с. 53–62].

2. Информационная составляющая процесса «погружения» субъекта в виртуальную среду – трехмерное искусственное пространство – предполагает наличие интерфейса человека (творца) с компьютерной техникой, создающей графические, акустические, пластические или иные свойства, интересующие пользователя.

Потребительная стоимость и стоимость воспроизведения эффекта присутствия в иллюзорном мире возникает одновременно с намерением субъекта и продолжается до тех пор, пока он сам не прекратит этот процесс. Жизненный цикл создаваемого симбиотического интерфейса «Я – мой компьютер», таким образом, совмещен с процессом создания самого продукта – эффектом пребывания в виртуальной среде.

Сегодня такого рода добровольное погружение в той или иной форме получает все большее распространение. Это заметно на быстром распространении новой формы досуговой деятельности – компьютерных игр в контексте развития мощностей современных вычислительных систем и уменьшения их стоимости. Компьютерные игры создают параллельный мир виртуальной реальности, выходя из которого человек невольно проецирует матрицу виртуальности на реальный мир. Возникает психология зависимости, основой которой становятся неудовлетворенность человека жизнью, попытки ухода от насущных проблем. Сейчас примерно 10–14 % из тех, кто играет в компьютерные игры, теряют индивидуальность. Погружение в виртуальный мир в совокупности с агрессивным содержанием многих компьютерных игр все чаще приводит к подростковой агрессии, жестокости, вплоть до убийства родных за запрет пользоваться компьютером [см.: 14, с. 31–32].

3. Информационная составляющая жизненного цикла виртуального продукта, обладающего художественной ценностью, имеет общие черты с интерфейсом, при посредстве которого создается «эффект погружения» в иную среду. Отличие в том, что здесь действие строится с использованием компонентов реальной природы. Так, роль интерфейса, соединяющего актерский коллектив со зрителями, выполняет интерактивное общение. Потребительная стоимость и стоимость виртуальной продукции, обладающей художественной ценностью, совпадает с ее жизненным циклом. В последнем поэтапно реализуется двоякая цель: с одной стороны, исходящая от актеров, с другой – от зрителей.

Список литературы

1. Тихомирова Н. В. Умные кадры для SMART-города // Информационное общество. – 2012. – № 6. – С. 58–61.
2. Берестнева О. Г., Брылина И. В., Корниенко А. А., Моисеенко А. В. Визуальный язык как средство коммуникации в системе «человек – машина» // Информационное общество. – 2014. – № 3. – С. 63–69.
3. Баева Л. В. Мир ценностей геймера: аксиологический портрет поклонников компьютерных игр // Информационное общество. – 2014. – № 2. – С. 27–34.
4. Митагина А. Игры кончились // Православие.Ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/49445.html> (дата обращения 05.09.2016).
5. Sony насчитала в мире 1 млрд. геймеров // Канобу – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kanobu.ru/news/sony-naschitala-v-mire-1-mlrd-qejmerov-366437> (дата обращения 05.09.2016).
6. Яковлев А. И. Электрическая природа сознания // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 57–63.
7. Баева Л. В. Виртуальная сансара: трансформация модели реальности в условиях информационной культуры // Информационное общество. – 2012. – № 2. – С. 44–51.
8. Станиславский К. С. Статья, речи, беседы, письма. – М.: Искусство, 1953. – 782 с.
9. Щеглов Д. Фаина Раневская: «Судьба – шлюха». – М.: АСТ, 2003. – 203 с.
10. Одинцов И. О. Профессиональное программирование. Системный подход. – 2 – е изд. – СПб.: БХВ-Петербург, 2004. – 624 с.
11. Марков Н. Г. Инструментальные средства для создания единого информационного пространства промышленных компаний // Информационное общество. – 2014. – № 3. – С. 53–62.
12. Зеленко Л. С. Технологии программирования и программная инженерия. – Часть 1. – Самара: Изд-во СГАУ, 2006. – 96 с.
13. Богданов А. В., Дегтярев А. Б., Мареев В. В., Нечаев Ю. И. Гибкое динамическое объединение ресурсов, или сервисно-ориентированный вычислительный грид // Информационное общество. – 2012. – № 2. – С. 61–70.
14. Прокудин О. Е. Проблема социокультурной адаптации в пространстве компьютерных игр // Информационное общество. – 2013. – № 5. – С. 30–35.

References

1. Tikhomirova N. V. «Smart» Personnel for a Smart-City [Umnye kadry dlya SMART-goroda]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2012, № 6, pp. 58–61.
2. Berestneva O. G., Brylina I. V., Kornienko A. A., Moiseenko A. V. Visual Language as a Communication Tool in the Man-Machine System [Vizualnyy yazyk kak sredstvo kommunikatsii v sisteme “chelovek – mashina”]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2014, № 3, pp. 63–69.

3. Baeva L. V. Axiological Portrait of Gamers [Mir tsennostey geymera: aksiologicheskiy portret poklonnikov kompyuternykh igr]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2014, № 2, pp. 27–34.
4. Mitagina A. The Games are Over [Igry konchilis]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/49445.html> (accessed 05 September 2016).
5. Sony Have Counted 1 Billion Gamers in the World [Sony naschitala v mire 1 mlrd. geymerov]. Available at: <http://kanobu.ru/news/sony-naschitala-v-mire-1-mlrd-qejmerov-366437> (accessed 05 September 2016).
6. Yakovlev A. I. Electrical Nature of Consciousness [Elektricheskaya priroda soznaniya]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* (Socio-Humanitarian Knowledge), 2007, № 6, pp. 57–63.
7. Baeva L. V. Virtual Samsara: the Transformation of a Model of Reality in Terms of Information Culture [Virtualnaya sansara: transformatsiya modeli realnosti v usloviyakh informatsionnoy kultury]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2012, № 2, pp. 44–51.
8. Stanislavskiy K. S. Articles, Speeches, Conversations, Letters [Statya, rechi, besedy, pisma]. Moscow, Iskusstvo, 1953, 782 p.
9. Scheglov D. Faina Ranevskaya: “Fate – Whore” [Faina Ranevskaya: “Sudba – shlyukha”]. Moscow, AST, 2003, 203 p.
10. Odintsov I. O. Professional Programming System Approach [Professionalnoe programmirovaniye. Sistemnyy podkhod]. Saint Petersburg, BKhV-Peterburg, 2004, 624 p.
11. Markov N. G. Tools to Create a Single Information Space of Industrial Companies [Instrumentalnye sredstva dlya sozdaniya edinogo informatsionnogo prostranstva promyshlennykh kompaniy]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2014, № 3, pp. 53–62.
12. Zelenko L. S. Programming Technology and Programming Engineering. Part 1. [Tekhnologii programmirovaniya i programmnaya inzheneriya. Chast 1]. Samara, SGAU, 2006, 96 p.
13. Bogdanov A. V., Degtyarev A. B., Mareev V. V., Nechaev Yu. I. Flexible Dynamic Pooling of Resources or Service-Oriented Grid Computing [Gibkoe dinamicheskoe obединenie resursov, ili servisno-orientirovannyi vychislitelnyy grid]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2012, № 2, pp. 61–70.
14. Prokudin O. E. Socio-Cultural Adaptation in Computer Gaming Space [Problema sotsiokulturnoy adaptatsii v prostranstve kompyuternykh igr]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2013, № 5, pp. 30–35.

УДК 316.324.8

Концепции «общества знания» и «сетевого общества»: наука или идеология?*

Тяпин Игорь Никифорович – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет», кафедра философии, профессор, доктор философских наук, кандидат исторических наук, Вологда, Россия.

E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

160000 г. Вологда, ул. Ленина, 15,

тел.: 8(172)72-45-62.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Тесная связь науки и идеологии приводит к тому, что господство идеологии, выражающей корыстные интересы меньшинства, порождает соответствующие ей лженаучные концепции. К таким ошибочным концепциям в настоящее время можно отнести широко используемые в теории постиндустриального (информационного) общества представления об «обществе знания» и «сетевом обществе».

Результаты: Концепция постиндустриализма опирается на размытый и противоречивый методологический аппарат. Она игнорирует цивилизационный подход, не признавая права стран на «незападный» путь развития. Мировая статистика не подтверждает утверждений постиндустриалистов о сокращении индустриального материального производства и замещении его накоплением знаний. В действительности производство материального продукта просто перемещается из стран «большой семерки» в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Тем самым укрепляется система неоколониализма.

Концепция «сетевого общества» доводит до предела примитивный технологический детерминизм, утверждая, что сети децентрализуют исполнение и распределяют принятие решений, не имеют центра и действуют на основе бинарной логики. Получается, что социальное развитие происходит без участия воли человека.

Выводы: Новые компьютерные технологии не приводят к качественному изменению ни сущности знания, ни сущности материального производства. Главная цель постиндустриализма состоит в переключении внимания с реальных проблем на мнимые успехи и в распространении модели либерального тоталитаризма, черты которого все явственнее приобретает современное западное общество.

Ключевые слова: идеология; наука; общество знания; сетевое общество; информационное общество; постиндустриальное общество.

* © И. Н. Тяпин, 2016.

The Concept of “The Knowledge Society” and “The Network Society”: Science or Ideology?

Tyapin Igor Nikiforovich – Vologda State University, Department of philosophy, Professor, Doctor of Philosophy, Vologda, Russia.

E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Lenina Street 15, Vologda, Russia, 160000,

tel.: 8(172)72-45-62.

Abstract

Background: The close relationship of science and ideology leads to the fact that ideology prevalence, expressing the vested interests of the minority, generates a pseudo-scientific concept. Nowadays such erroneous concepts include the ideas about the “knowledge society” and “the network society” widely used in the theory of postindustrial (information) society.

Results: The concept of post-industrialism is based on vague and contradictory methodological apparatus. It ignores civilizational approach, not recognizing the right of some countries for non-Western way of development. The world statistics does not confirm allegations of post-industrialists on the reduction of industrial material production and its substitution by some knowledge accumulation. In fact, material production is simply transferred from the “Big seven” countries to developing countries of Asia, Africa and Latin America. Thereby the system of neo-colonialism is strengthened.

The concept of “the network society” stretches primitive technological determinism to the limit, stating that the network decentralizes execution and distributes decision making, it is not centered and operates on the basis of binary logic. It turns out that social development takes place without any human will.

Conclusion: A new computer technology does not result in a qualitative change either in knowledge, or in material production essence. The main goal of post-industrialism is to divert attention from real challenges to imaginary success and disseminate the model of liberal totalitarianism, which becomes more and more popular in modern Western society.

Keywords: ideology; science; knowledge society; network society; information society; post-industrial society.

Системная связь науки и идеологии является характерной чертой цивилизации Нового и Новейшего времени. Как полагает С. Г. Кара-Мурза, идеология – продукт буржуазного общества – собственно говоря и возникла вместе с наукой как ее «сестра» [5, с. 184]. Она быстро стала паразитировать на науке апеллированием к природе, законам физики, механики, биологии и т. д. Большинство современных идеологий независимо от их происхождения утверждают, что основываются на науке или даже составляют базу самой науки, стремясь таким образом обеспечить себе легитимацию «наукой». Идеология в принципе не является ни ложью, ни злом, но объективным и

необходимым духовным компонентом социального бытия. Как отмечает С. С. Сулакшин, идеология есть собрание ценностей, а ценности порождают цели и управленческие, и частные в разных сферах человеческой деятельности, в том числе в науке. По его мнению, усеченное понимание науки только как знаний ложно и неэффективно. Знания – это всего лишь первый этап на оси познавательного потенциала науки в пространстве двух потенциалов – познавательного и преобразовательного [9]. Взаимодействие идеологии и науки может быть положительным как для самой науки, приводя, по терминологии В. И. Вернадского, к «взрывам научного творчества», так и для всего общества. Скажем, идеология, вытекающая из адекватной реальности (структурированной и сконструированной в том числе научным познанием) национальной идеи, выступает как объективный фактор государственного бытия, самостоятельный источник и одновременно форма власти: в ее лице весь комплекс общественно-исторических ценностей соединяется в целостную систему общественно-государственной идентичности. Однако любая идеология стремится обосновать тот социальный и политический порядок, который она защищает через апелляцию к естественным законам природы и общества. И если начинает господствовать идеология аморальная, выражающая исключительно эгоистические интересы некоего меньшинства, то научное знание (не являющееся само по себе рефлексивным мировоззрением) легко искажается и используется, интерпретируется таким образом, что превращается во зло, в инструмент манипуляции, размывания базовых ценностей.

Именно такое положение вещей в полной мере характерно для современного мира. *Управленческое сообщество*, в которое входят ослабевшее государство, окрепшая международная бюрократия, финансовая власть, ТНК и крупный бизнес, заботится об управляемости своей системы, предлагая индивиду, в виде так называемого «формируемого общественного мнения», предопределенную «картину будущего», выводимую в том числе из «научной» статистики эмпирических наблюдений и ссылок на «истинные» (на самом деле – лженаучные) концепции. Совокупность исторически меняющихся лженаучных концепций позволяет: а) размывать, нивелировать и менять нравственные установки и принципы (будучи их постоянным «провокатором»), б) устранять в массовом сознании крайне необходимую для манипуляторов разницу между знанием и информацией, в) вызывать перманентную социальную неустойчивость, приводящую к деградации системообразующих социальных институтов, ослаблению суверенных политико-цивилизационных образований.

В этой связи не случайным представляется то обстоятельство, что модным трендом теоретической социологии последних десятилетий стало рассмотрение современной социальной системы как «общества знания» и/или «сетевого общества». Обе концепции практически во всех своих разновидностях явно восходят к более ранним теориям постиндустриального общества (иначе – современного индустриального, информационного общества, общества «третьей волны», «общества четвертой формации» и др.), уже полвека выступающим на Западе в качестве мейнстрима развития общества.

Момент рождения образа будущего мира, ставшего мировоззренческой базой постиндустриального подхода в западной социологии, можно отнести к рубежу 1950-х – 1960-х гг. Именно тогда социологи США и Европы утвердились в выводе, что никакие политические, идеологические и социальные различия в современных условиях не могут считаться более важными, чем фактор технологического прогресса. Выход в 1973 г. книги **Д. Белла** «Грядущее постиндустриальное общество» вызвал взрыв интереса к постиндустриальной проблематике, став своеобразным рубежом, за которым последовала волна работ и концептуальных вариаций. В итоге концепция постиндустриального общества получила свое развитие в трудах *З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, Р. Катца, М. Маклюэна, Е. Масуды, О. Тоффлера, А. Турена* и др.

Согласно постиндустриальной теории, общество независимо от политических систем и культур неизбежно в своем развитии проходит последовательно одинаковые фазы, критерий которых заключается в технологических аспектах организации общественного производства: *аграрную* (господствует первичный сектор производства), *индустриальную* (приоритет вторичного промышленного сектора производства) и *постиндустриальную* (приоритет сектора сервиса/услуг). Принцип доминирования определенного сектора производства определяет степень развитости и провозглашаемый тип того или иного общества.

Теоретики постиндустриализма неустанно убеждают человечество, что под воздействием НТР (комплексная автоматизация, электронизация и т. д.) неуклонно и закономерно идет формирование общества, в экономике которого преобладает инновационный сектор экономики с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, высокой долей в ВВП высококачественных и инновационных услуг, конкуренцией во всех видах экономической и иной деятельности, а также более высокой долей населения, занятого в сфере услуг, нежели в промышленном производстве. Эффективная инновационная промышленность насыщает потребности всех экономических агентов, потребителей и населения, постепенно снижая темпы своего роста и наращивая качественные, инновационные изменения. Научные разработки становятся главной движущей силой экономики – базой индустрии знаний. Наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и творческий подход работника. Главным интенсивным фактором развития постиндустриального общества объявляется **человеческий капитал** – профессионалы, высокообразованные люди, наука и знания во всех видах экономической инновационной деятельности.

Безусловно, теория постиндустриального общества, или постиндустриализма, – это интересное и по-своему значимое явление в гуманитарной науке. Но это – *интересный миф*, происхождение которого, как полагают Г. В. Осипов и С. Г. Кара-Мурза, было обусловлено глубоким кризисом западного общества, не сводящегося к кризису индустриализма как технологического и экономического уклада, но выступающего кризисом *мировоззренческой матрицы*, на которой было собрано и в течение четырех

веков воспроизводилось западное общество [10, с. 6]. В рамках постиндустриалистских теорий даже на простой логический вопрос – «если почти все занимается сервисом, то откуда берутся *всё расширяющиеся и множасьщиеся* материальные блага?» – ответа не получить. То есть объяснительная модель постиндустриализма элементарной проверки на логическую достоверность не выдерживает. Предлагая определенный объяснительный и прогностический потенциал для понимания особенностей развития современного мира, она одновременно демонстрирует и признаки политического проектного и манипулятивного содержания.

Как отмечают авторы коллективной монографии «Постиндустриализм. Опыт критического анализа», конкретно недостоверность и манипулятивность постиндустриализма заключается в следующем [13, с. 24, 260–261]:

Во-первых, категориальный аппарат «теории» является релятивистским и довольно безответственным. Скажем, что считать сервисом (в русском переводе – услугами). В этом вопросе очевидна размытость и противоречивость. Кроме бытовых услуг (которые вообще-то были всегда), а также интеллектуальной, в частности научной и образовательной деятельности, здесь есть еще почти не упоминаемые, но главные виды: торговля, банкинг, финансы. То есть в рамках сферы сервиса возникает столкновение двух образов жизни – трудового и паразитического. Именно на область финансовых спекуляций, регулярно потрясающих мировую экономику и разоряющих целые страны и народы, приходится львиная доля современного ВВП. Нетрудно представить себе степень мотивации в стремлении увековечить паразитический порядок вещей. Нетрудно представить себе степень цинизма и преступности в этом устремлении. Нетрудно представить себе уровень ресурсов, которые бросаются на увековечение, трансформацию, осовременивание механизмов воплощения паразитизма. Нетрудно представить себе возможности мобилизации, покупки для этого выдающихся умов, целенаправленного построения мировых механизмов манипуляции и силового охранительства паразитизма. Игра для бенефициаров мирового паразитизма стоит свеч.

Во-вторых, игнорирование пространственных динамических перераспределений позволяет в рамках этой теории говорить о линейном фронте мирового развития и его универсальной стадиальности. Иной, а именно – цивилизационный концепт развития мира в виде локальной вариативности отбрасывается. Следовательно, право остального мира на «незападный» путь развития, на политическую и культурную самобытность отрицается или не признается в принципе на основании «научных» данных.

В-третьих, игнорируется значимая эмпирика. Утверждение о сокращении индустриального материального производства не подтверждается на мировом статистическом материале. Оно видоизменяется, но объемы материальных ресурсов – продуктов питания, одежды, лечения, энергетики, жилья, транспорта, коммуникаций, потребляемых людьми, только растут. Произошел перенос индустриальных и аграрных производств в развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки. Происходит неуклонное сокращение высокооплачиваемых рабочих мест, снижение уровня оплаты труда,

размывание «среднего класса». Растет и потребление нематериального продукта. Однако подверстывая в общий зачет сервиса, приходящего «на смену» индустриальному и аграрному материальному производству, и производство знаний, информации и финансовую деятельность, объявляя это благим и неизбежным процессом, универсальной дорогой прогресса человечества, авторы таких теорий преследуют показанную выше цель и заинтересованность. Заключается она в воспроизводстве *глобального механизма эксплуатации мира* – **неоколониализма**, когда финансовая деятельность – это сервис, а мировая держава – долларовый эмитент – на 80 % свою экономику формирует с помощью подобного сервиса.

По сути, *постиндустриальное общество* – это самоназвание современного Запада. Это достаточно широкое рамочное понятие, объединяющее в себе такое количество концепций, что некоторые из них опровергают сами основы постулатов, выдвинутых Д. Беллом и др. Бездумное употребление этого понятия неизбежно вызывает терминологическую путаницу. С одной стороны, постиндустриальное общество – это вполне конкретная теория развития общественных систем; с другой – это совокупность представлений о будущем, которое также именуется постиндустриальным обществом.

У Д. Белла уже нашла отражение и идея «**общества знания**». Основами же концепции «knowledge society» выступили сформулированные **Р. Лэйном** (создателем данного понятия), **Ф. Махлупом**, **П. Друкером** положения о превращении знания в главнейший, по сравнению с землей, рабочей силой и капиталом, экономический ресурс и о формировании так называемого посткапиталистического типа общества. Впервые «знание» было определено не как гносеологическая сущность, инструмент познания мира, но как основание развития общественного и экономического устройства – самоценный товар, услуга, капитал и, в конечном счете, детерминанта развития общественных отношений. Ключевым стал тезис об эффективном взаимодействии производства знания с созданием материального продукта. В дальнейшем *Н. Штер*, *П. Вайнгарт*, *Р. Хатчесон*, *М. Кастельс* указали на эволюцию под воздействием расширяющегося производства знаний социальной структуры (доминирование интеллектуальных профессий) и ценностных ориентаций (приоритет творчества, духовного потребления), а также демократизацию и рационализацию всей системы общественного управления. *Дж. Майер*, *Г. Ицковиц* развили мысль о том, что главнейшим институтом такого общества становятся университеты.

Поскольку концепция общества знания (далее мы будем использовать аббревиатуру КОЗ) является идеологическим порождением социокультурной системы Запада, способом его самоидентификации в современном мире, ее критика в западной научно-философской литературе (*Ф. Уэбстер*, *М. Маклюэн*, *Н. Луман* и др.) является большей частью умозрительной, не связанной с характеристиками отдельных стран и сводится, в основном, к выделению абстрактных «рисков» вроде искажения смысла знаний при их передаче, неспособности справиться с огромными объемами информации, невозможности учета случайных факторов, влияющих на процесс принятия

решений. Тем не менее, западные авторы признают, что вся совокупность идей общества знания не представляет собой целостную концепцию.

Интерес к теме общества знания в нашей стране обусловлен более всего системным кризисом, который переживает российская цивилизация. Большинство авторов, являющихся сторонниками базовых положений концепции общества знания (*И. Ю. Алексеева, В. Л. Иноземцев, В. Г. Юдин, В. Н. Шевченко* и др.), видят в обществе знания некий универсальный проект эволюции человечества и возрождения России, решения клубка глобальных проблем, прорыв к сверхмодерну. Тем самым российские философы и социологи признают, что по своей глубине и масштабу общество знания выступает проблемой цивилизационного порядка.

Наряду с апологией идей общества знания заметным становится и направление их трезвой критики, представители которого (*Д. В. Ефременко, В. А. Лекторский, Г. В. Осипов, С. Г. Кара-Мурза* и др.) исходят из того, что накопилось достаточно сигналов, позволяющих скорректировать этот проект, разработанный в обстановке технократических иллюзий 1970-х – 1990-х гг.

Первая группа замечаний в адрес концепции общества знания связана с ее недоработанностью и внутренней противоречивостью. Здесь речь может идти о нерешенности проблемы содержания исходного понятия: какое знание считать ценным, чем знание отличается от информации и т. д. Если пойти дальше исходного утверждения о сциентифицированном характере знания, то окажется, что критерием его ценности становится не просто научность, а экономическая эффективность, связь с действием, утилитарность (при том, что некоторые считают это признаками не знания, а информации).

Если «желтая» газета и научный журнал имеют одинаковую рыночную стоимость, то по этой логике получается – они одинаково «знаниеёмкие» и в равной степени двигают прогресс. В итоге даже сторонниками КОЗ признается, что не только научное знание играет важную роль. Своеобразие других видов знания, в том числе знаний, накопленных в процессе практической деятельности, результатов жизненных наблюдений, технических и «деловых» знаний, «не дотягивающих (и не обязанных «дотянуть») до статуса научных и теоретических – необходимо учитывать, чтобы понимать причины успеха инноваций в одних случаях и отрыва теории от практики в других» [1, с. 255]. Возникает и закономерный вопрос о месте и роли в будущем обществе мировоззренческого знания.

Недопустимость преувеличения объективности научного знания и переоценки его социальной релевантности уже общепризнана. Но даже если предположить, что общество будущего станет строиться исключительно на научном знании, все равно не удастся свести все разнообразие проявлений личности и культуры к знанию.

Не получила удовлетворительного решения проблема признаков будущего общества знания, определения того, считать ли его современным этапом «постиндустриального» и «информационного» общества или же качественно иным типом. Предлагаемые варианты черт не всегда стыкуются друг с другом, а многие из них, такие как замещение других форм знания наукой,

использование информационных технологий в экономике, трансформация источников социальных конфликтов, размыты и, строго говоря, признаками определенного типа общества не являются. Скептиками подчеркивается преувеличенность доли наукоемких отраслей, субъективизм деления по секторам: какие предприятия относятся к «сектору знаний», а какие – нет. Выраженное отличие общества знаний от предыдущего, условно говоря, либерально-капиталистического общества в плане сущности экономического и политического строя не обнаруживается.

Как отмечает, к примеру, Н. Н. Шамардин, трудности категоризации «общества знания» во многом связаны с тем, что новые компьютерные технологии качественно не меняют сущности знания. Радикально меняются только возможности получения, хранения, переработки и трансляции знаний, что приводит к беспрецедентному увеличению количества информации и ускорению ее циркуляции. Именно поэтому представляется спорным, что так называемое общество знания существенно отличается от предыдущих типов общества [12, с. 188]. Сюда же можно отнести важный «экономический нюанс». Поскольку знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром, постольку сложно определить затраты на их производство, их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание.

Вторая группа аргументов критики концепции общества знания вытекает из ее несоответствия реальным тенденциям социальной эволюции, усугубляемого игнорированием глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Здесь следует указать на усиление вместо предсказываемых автономизации и демократизации институтов политического контроля вследствие необходимости предотвращения системных угроз. Д. В. Ефременко полагает, что «если расширенное воспроизводство риска можно считать нормальным проявлением человеческой деятельности, то специфика ситуации, которую часто характеризуют как становление общества знания, состоит в скачке от аккумуляции к мультипликации риска» [4, с. 55] и переходе одних видов риска в другие, в том числе политические.

Однобокое видение прогресса (по принципу: чем больше знания, тем больше свободы и благополучия) породило у сторонников концепции общества знания непонимание того, что сама свобода в принципе невозможна без наличия в жизни некоторых зон неопределенности – пространства незнания. Вторжение науки в эти зоны чревато резким нарушением установившихся в социальном порядке равновесий. В результате место либеральной идеологии свободного обмена в современных обществах занимают программы возмещения убытков, ориентированные на социальные последствия не института рынка, но государственной деятельности. Система политики возвысилась над трудом, экономикой, техникой и самим обществом.

Рассуждения о росте прогресса и креативности явно противоречат реальным тенденциям культурной эволюции «усредненной» личности и общества. Здесь очевидно наблюдается усиление господства массовой

культуры, упрощенной рациональности, массовая люмпенизация и деполитизация населения. Капитализм осознал возможности своего выживания, превратив лишних на производстве людей в тех, кто нужен потреблению (причем отнюдь не научных знаний), которое стало коллективной мечтой масс и способом их времяпрепровождения.

Особое внимание следует обратить на кризис системы образования, в первую очередь высшего. Постмодерн привел к принятию той точки зрения, что в современном мире не может быть единой образовательной идеологии, единого видения мира, ценностей. Знание стало специализированным, ставя перед каждым человеком дилемму: либо классический идеал образованности, включающий теоретико-мировоззренческий фундамент и глубокие знания в какой-либо профессиональной области, либо тот необходимый минимум, который обеспечит более-менее «успешный» социальный статус. В концепции общества знания само знание есть не обладание неким багажом, а способность «приводить нечто в движение». В этом контексте происходит смена «парадигмы целей» на «парадигму ролей», обеспечивающих включение человека в социокультурное пространство. Основной функцией университетов становится поставка обществу «игроков», «способных выполнять различные роли на постах, которые требуются институтам» [2, с. 8]. Человек стал субъектом лишь инструментальных действий, из личности он превращается в организм, выполняющий определенные функции.

Доступность больших объемов информации породила «парадокс информационной насыщенности». Вместо того чтобы интерпретировать информацию, сопоставлять ее с личным опытом и создавать новое знание, обучающиеся предпочитают брать готовое (допустим, в Интернете) и машинально трансформировать в ожидаемый от них результат. В итоге как раз и происходит подмена знания информацией. Исчезает навык критического анализа информации, способствующего формированию знания.

Многие составные части концепции общества знания явно не состыкуются с теми формами сознания, которые оперируют этическими ценностями. С. Г. Кара-Мурза отмечает, что *общество знания не является обществом совести*, в нем отдается приоритет эффективности, т. е. силе. Концепция общества знания фактически использует устаревший тезис о ценностной нейтральности науки и почти «не замечает» нравственных проблем, несмотря на очевидную невозможность «уловить» ценности научным методом. В ней игнорируется фундаментальное противоречие между научным знанием и этическими ценностями, то обстоятельство, что знание как таковое не всегда есть добро.

Добавим к этому, что в западной литературе, в которой концепт общества знания как «общества будущего» более разработан, он рассматривается *в отрыве от понятия «духовное производство»* как идеальной формы связи, отношений и определенного типа общения людей. Оно, собственно, и возникает из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми (что отмечали еще классики марксизма). Во-первых, духовное производство помимо традиционных видов духовной деятельности (наука,

искусство и пр.), включает в себя виды услуг, связанные с воспроизводством, хранением, распространением и потреблением интеллектуальной продукции. Причем эти границы подвижны, постоянно расширяются по мере сближения духовного производства с другими сферами общественной жизни людей. Во-вторых, это совокупность межличностных отношений в процессе производства, обмена, распространения и потребления ими духовных ценностей, которые получают свою институциональную форму выражения, организуются в систему социальных учреждений и норм поведения в социуме (институциональный аспект деятельности). Таким образом, налицо грубейшая методологическая ошибка!

Термин **«сетевое общество»** был введен в обращение норвежским социальным психологом *С. Бретэнном*, который, в свою очередь, опирался на понятия «сетевой город», «сетевая страна», применявшиеся социологами Торонтского университета. Распространение же словосочетание получило в 1990-е гг. благодаря книгам Я. ван Дейка и М. Кастельса.

Я. ван Дейк определяет «сетевое общество» как общество, в котором комбинация социальных сетей и медиасетей формирует и основной способ организации наиболее важных структур на всех уровнях (на личном уровне, коллективном и общественном). Он сравнивает этот тип общества с массовым типом общества, которое сформировано группами, организациями и сообществами, организованными в условиях физического соприсутствия.

Испанский социолог-постмарксист **М. Кастельс** рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого выступает даже не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, сетевые структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости. По мнению Кастельса, в современном мире сетевые принципы общественного устройства постепенно сменяют иерархические: если ранее сеть, сетевая организация была отображением лишь внутренней структуры общества, ее подсистем и объединений, зачастую невидимой, либо трудно распознаваемой, то в новейшем мироустройстве она играет ключевую роль и становится сознательно внедряемой внешней структурой общества, ее формой.

Адепты Кастельса (в том числе в нашей стране) характеризуют его работы («Информационная эпоха», «Галактика Интернет» и др.) как объяснение важных взаимосвязей между коммуникацией и отношениями власти и общества в новом технологическом контексте, вскрытие процессов трансформации общества в ходе деконструкции их институтов под давлением новых отношений власти и формирования новых институтов, позволяющих членам общества мирно сосуществовать друг с другом, несмотря на противоречивые интересы и ценностные ориентации. С пафосом заявляется, что концепция сетевого общества становится основополагающей концепцией, отображающей положение дел в современном мире, – практически все сферы жизни в той или иной степени принимают вид сетевой структуры [11].

В действительности здесь налицо явно идеологизированный подход, использующий для апологии некоего социального строя смысловую манипуляцию, а именно – подмену в рамках использования понятия «социальный институт» его определения как способа удовлетворения общественной потребности на словосочетание «способ коммуникации». Но способ коммуникации сам по себе еще не есть социальный институт (а всего лишь его элемент, хотя и важный), он даже не меняет радикально ни сущность социального института, ни его, выражаясь марксистским языком, классовые, формационные особенности. Сам М. Кастельс отмечает следующее: «Сети являются орудиями, подходящими для *капиталистической экономики* (курсив авт. статьи), основанной на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной, к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» [6, с. 37].

Итак, подавление пространства и уничтожение времени, ни больше ни меньше! Даже если не анализировать подобные метафизические утопии и сосредоточиться только на социальной действительности, то приходится констатировать, что в современном мире мы не видим ни исчезновения силовых ведомств, ни ослабления корпораций, ни увеличения реальной демократии. Наоборот, процессы носят противоположный характер. *Изменения происходят лишь для того, чтобы все осталось по-прежнему, а децентрализация остается симптомом разрушения, ослабления государственного суверенитета перед угрозой глобального сверхгосударства.* Экономика, политика, культура становятся все более управляемыми «сверху» (или «сбоку», центрами силы извне), но никак не «снизу». Появившаяся благодаря развитию информационных технологий новая ветвь социальной структуры не отменяет прежней стратификации. А информационно-компьютерные сети сами по себе не производят материальный продукт.

Уже сам анализ апологетической оценки концепции сетевого общества выдает ее пустоту. Вот что, к примеру, пишет о причинах влиятельности сетевой теории в современной социологической мысли Е. И. Князева: «На наш взгляд, это обусловлено тем, что, во-первых, сетевая теория позволяет выходить за рамки традиционных объяснительных схем, представляя структуру взаимодействий и ее эмерджентные свойства в качестве основной детерминанты социального поведения. Во-вторых, она дает возможность изучать связи всех уровней, начиная от межличностных отношений до мировой системы, тем самым представляя социальную реальность в виде сетевого пространства и устанавливая аналитическую связь между повседневной деятельностью индивидов и разнородными социальными изменениями. И, в-третьих, отличительные особенности сетевой теории – реляционистская направленность и концептуальная емкость – способствуют не только лучшему пониманию глубинных факторов, влияющих на эффективность социальной, экономической, интеллектуальной деятельности социальных субъектов, но и

наиболее точному определению места и функций социальных взаимодействий в общей архитектуре социальной системы» [8].

В представленной характеристике нет никакой конкретики, при использовании слов-призраков, претензии учения на универсальность, явном нарушении принципа финитизма. Что имеется в виду под «глубинными факторами», влияющих на эффективность социальных субъектов? Какие именно «эмерджентные свойства» открываются? Почему «реляционистская направленность», то есть, видимо, тенденция к пониманию власти как разновидности социального обмена (всего лишь одной из теорий власти и одного аспекта данного института) дает особые, ни с чем не сравнимые гносеологические преимущества? С каких пор «концептуальная емкость» стала признаком научности? В сущности же, влияние сетевого учения во многом определяется не тем, что оно «всесильно потому, что верно», а тем, что оно *удобно* субъектам глобального управления, поскольку оправдывает западнцентристскую глобализацию, также как брежневскому Политбюро было удобно учение о развитом социализме в условиях отсутствия ранее обещанного (В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Н. С. Хрущевым) коммунизма.

Важнейшая ложь концепции сетевого общества состоит в том, что, как утверждается, сети децентрализуют исполнение и распределяют принятие решения, они не имеют центра и действуют на основе бинарной логики: включение/исключение. К примеру, та же Е. И. Князева утверждает: «Все, что входит в сеть, полезно и необходимо для ее существования, что не входит – не существует с точки зрения сети и может быть проигнорировано или элиминировано. Если узел сети перестает выполнять полезную функцию, он отторгается ею, и сеть заново реорганизуется. Некоторые узлы более важны, чем другие, но они все необходимы до тех пор, пока находятся в сети. Не существует системного доминирования узлов. Узлы усиливают свою важность посредством накопления большей информации и более эффективного ее использования. Значимость узлов проистекает не из их специфических черт, но из их способности к распределению информации. В этом смысле главные узлы – это не центральные узлы, а узлы переключения, следующие сетевой, а не командной логике» [7]. По приведенной цитате видно, что традиционный для постиндустриализма грубый технологический детерминизм, утверждение, что законы технического развития имеют имманентную логику и целиком и полностью определяют социальное развитие без воли человека, находит здесь свое полное, законченное выражение.

Таким образом, «общество знания» и «сетевое общество» не только не являются реально существующими формами социального устройства, но и не представляют собой социальных проектов, осуществление которых явилось бы итоговым результатом современных тенденций цивилизационного развития. В целом данные псевдонаучные (и псевдофилософские!) концепции выступают как современные модификации постиндустриалистского мифа, идеологические продукты, созданные в целях защиты западного социального уклада (как якобы демократического и горизонтально управляемого), сложившегося мирового разделения труда и геополитического расклада сил. Следует согласиться с теми

отечественными авторами, кто полагает, что данные учения «претендуют лишь на то, чтобы легитимировать “неизменный”, “естественный” характер капиталистической эксплуатации человека и человечества и маскируют суть дела» [3, с. 110]. Причем сами их «гуру» представляют «информационное», «знаниевое», «сетевое» общество как развитое капиталистическое общество. П. Друкер говорит о доминировании информационного капитализма, М. Кастельс – об информациональном капитализме, информационализме и т. д. Информация и средства ее распространения удовлетворяют, в первую очередь, нужды капиталистической системы. Главное же подлинное призвание новейших модификаций постиндустриализма состоит в том, чтобы, переключив внимание интеллигенции с реальных проблем на мнимые успехи, открыть возможность для полного торжества модели **либерального тоталитаризма**, черты которого все явственней приобретает современный западный социум (в этом, на самом деле, и состоит его качественная специфика).

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Общество знаний и гуманитарные технологии // Философия науки. – Вып. № 16: Философия науки и техники: сборник / отв. ред. В. И. Аршинов, В. Г. Горохов. – М.: ИФ РАН, 2011. – С. 253–262.
2. Багдасарьян Н. Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе // Педагогика. – 2008. – № 5. – С. 3–9.
3. Бондаренко Е. А. Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал в исторических системах духовного производства: диссертация на соискание учёной кандидата философских наук. – Белгород, 2014. – 166 с.
4. Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–61.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 685 с.
6. Кастельс М., Киселёва Э. Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века: тезисы доклада международной конференции. – М., 1998. – С. 36–48.
7. Князева Е. И. Концепция сетевого общества М. Кастельса // Учебные материалы – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?id=2622&option=com_content&task=view (дата обращения: 18.08.2016).
8. Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Электронная библиотека БГУ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (дата обращения: 18.08.2016).
9. Наука и идеология // Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/ideology/nauka-i-ideologija> (дата обращения: 18.08.2016).
10. Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г. Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 368 с.

11. Саенко Л. А., Егоров М. В. Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций // Дискуссия. – 2014. – № 7(48). – С. 88–93.

12. Шамардин Н. Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия Философия. Социология. Право. – 2015. – № 14 (211). – Вып. 33. – С. 185–192.

13. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Кара-Мурза С. Г., Деева М. В., Сафонова Ю. А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.

References

1. Alekseeva I. Yu. (Arshinov V. I., Gorokhov V. G. Eds.) Knowledge Society and Humanitarian Technologies [Obschestvo znaniy i gumanitarnye tekhnologii] *Filosofiya nauki. Vypusk № 16: Filosofiya nauki i tekhniki: sbornik* (Philosophy of Science. Issue 16: Philosophy of Science and Technology. Collected Articles). Moscow, IF RAN, 2011, pp. 253–262.

2. Bagdasaryan N. G. The Value of Education in Modernizing society [Tsennost obrazovaniya v moderniziruyuschemsya obschestve]. *Pedagogika* (Pedagogy), 2008, № 5, pp. 3–9.

3. Bondarenko E. A. Intellectuals, Intellectual Labour, and Cultural Capital in Historical Systems of Intellectual Production. Dissertation for Ph. D. Degree in Philosophy [*Intellektualy, intellektualnyy trud i kulturnyy kapital v istoricheskikh sistemakh dukhovnogo proizvodstva: dissertatsiya na soiskanie uchenoy kandidata filosofskikh nauk*]. Belgorod, 2014, 166 p.

4. Efremenko D. V. A Concept of Knowledge Society as a Theory of Social Transformations: Achievements and Problems [Kontseptsiya obschestva znaniya kak teoriya sotsialnykh transformatsiy: dostizheniya i problemy]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2010, № 1, pp. 49–61.

5. Kara-Murza S. G. Mind Manipulations [*Manipulyatsiya soznaniem*]. Moscow, Algoritm, 2000, 685 p.

6. Castells M., Kiseleva E. Russia and the Network Society [Rossiya i setevoe obschestvo]. *Rossiya v kontse XX veka: tezisy doklada mezhdunarodnoy konferentsii* (Russia at the End of the XX Century: International Conference). Moscow, 1998, pp. 36–48.

7. Knyazeva E. I. The Theory of the Network Society by M. Castells [*Kontseptsiya setevogo obschestva M. Kastelsa*]. Available at: http://pravmisl.ru/index.php?id=2622&option=com_content&task=view (accessed 18 August 2016).

8. Knyazeva E. I. Network Theory in Contemporary Sociology [*Setevaya teoriya v sovremennoy sotsiologii*]. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (accessed 18 August 2016).

9. Science and Ideology [*Nauka i ideologiya*]. Available at: <http://rusrand.ru/tv/ideology/nauka-i-ideologiya> (accessed 18 August 2016).

10. Osipov G. V., Kara-Murza S. G. Knowledge Society: The History of Modernization in the West and in the USSR [*Obschestvo znaniya: Istoriya*

modernizatsii na Zapade i v SSSR]. Moscow, Knizhnyy dom “LIBROKOM”, 2013, 368 p.

11. Saenko L. A., Egorov M. V. Network Society in the Context of Modern Social Transformations [Setevoe obschestvo v kontekste sovremennykh sotsialnykh transformatsiy]. *Diskussiya* (Discussion), 2014, № 7(48), pp. 88–93.

12. Shamardin N. N. “Knowledge Society”: Philosophical and Methodological Critique of Concepts [“Obschestvo znaniy”: filosofsko-metodologicheskaya kritika ponyatiya]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* (Belgorod State University Scientific Bulletin. – Philosophy. Sociology. Law), 2015, № 14 (211), Issue 33, pp. 185–192.

13. Yakunin V. I., Sulakshin S. S., Bagdasaryan V. E., Kara-Murza S. G., Deeva M. V., Safonova Yu. A. Post-industrialism. The Experience of Critical Analysis [*Postindustrializm. Opyt kriticheskogo analiza*]. Moscow, Nauchnyy ekspert, 2012, 288 p.

УДК 173; 304.2

Духовно-нравственные права человека как основа семьи и русской культуры*

Гузенко Святослав Сергеевич – муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя татарско-русская общеобразовательная школа № 57» Кировского района г. Казани, Россия.

E-mail: sergei-zsk@mail.ru

420076, г. Казань, пос. Залесный, ул. Алтынова, д. 2,
тел.: +7(843)-555-96-70.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Семья издавна составляла основу человеческого общества. Поэтому ее духовно-нравственные основы развивались вместе с цивилизацией и образуют важнейший пласт культуры любой социальной системы.

Результаты: Человек и семья существуют на основе многослойной, исторически развивающейся системы норм, обычаев и традиций. Так, можно выделить пять поколений (этапов формирования) концепции прав человека. Моральные нормы изначально были тесно связаны с религией. На Руси происходил синтез взаимно дополнявших друг друга духовных традиций христианства, выраженных, прежде всего, в десяти заповедях, и морально-нравственных норм, выработанных древними славянами (например, законы Сварога). К решению проблем современного общества Россия подходит с большой исторически сформировавшейся и проверенной системой правовых и нравственных норм.

Выводы: Семья является носителем важнейших для народа правовых и моральных традиций, традиций русской культуры. Она – фундамент любого общества и требует постоянной поддержки государства.

Ключевые слова: человек; семья; права человека; культура; духовно-нравственные ценности.

Moral Human Rights as the Foundation of a Family and Russian Culture

Guzenko Svyatoslav Sergeevich – Average Tatar-Russian secondary school № 57 of the Kirov district of Kazan, Russia.

E-mail: sergei-zsk@mail.ru

2, Altynova str., Zalesnaya village, Kazan, 420076, Russia,
tel: +7(843)-555-96-70.

* © С. С. Гузенко, 2016.

Abstract

Background: The Family has long constituted the basis of human society. So its spiritual and moral foundations have evolved along with civilization and form the most important layer of culture of any social system.

Results: Person and family are based on the multi-layered, historically developing system of norms, customs and traditions. So, we can distinguish five generations (stages of formation) of human rights. Moral norms were originally closely connected with religion. In Russia the synthesis of mutually Supplement each other of the spiritual traditions of Christianity, expressed primarily in the ten commandments and moral norms, worked out by the ancient Slavs (for example, the laws of Svarog). To the solution of the problems of modern society Russia is coming with a large historically accumulated baggage of legal and ethical norms.

Conclusion: The family is the most important media for the people the legal and moral traditions, traditions of Russian culture. It is the Foundation of any society and requires constant support of the state.

Keywords: people; family; human rights; culture; moral and spiritual values.

Основу любого общества и государства составляют человек, семья, благодаря которой происходит становление личности и формирование человека [4, с. 161–163].

Под семьёй следует понимать объединение влюблённых мужчины и женщины, желающих растить детей, а также объединение людей, основанное на браке или кровном родстве, связанных общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

В любом государстве главным правовым документом является конституция, в которой закрепляются основные права и обязанности граждан.

Во главе 2 Конституции Российской Федерации отражены следующие группы прав человека и гражданина: 1. Гражданские (личные) права (статьи 19–28, 45–54); 2. Политические права и свободы (статьи 29–33); 3. Социальные и экономические (статьи 36–42); 4. Культурные права (статьи 43–44) [9].

Каждая семья обладает всем этим указанным набором прав и свобод.

В Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства (часть 1 статьи Конституции Российской Федерации).

Мы привели так называемую традиционную классификацию прав и свобод человека и гражданина, которая присутствует и в международном праве (например, в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года).

Существует также классификация прав человека, основанная на генерационном основании, которая включает в себя «пять поколений» прав и свобод человека, которая, по нашему мнению, является наиболее полной.

Права человека «первого поколения» были провозглашены в конце XVIII века в ходе буржуазных революций (принятие французской Декларации прав и свобод человека и гражданина и Декларации независимости США). К ним относят гражданские и политические права (право на жизнь, свобода слова,

свобода прессы, право на справедливый судебный процесс, презумпцию невиновности, право участия в общественных организациях, право голосовать на выборах или добиваться своего избрания (право голоса), право защиты от политической и социальной дискриминации и другие права).

Права человека «второго поколения» связаны с процессом социализации общества, происходящим в конце XIX – начале XX столетия. Это экономические, социальные и культурные права и свободы (право частной собственности и наследования, право на труд и оплату труда, право на забастовки, право на безопасные условия труда, право на образование, право на пользование культурными ценностями и результатами научного прогресса, право на социальную защиту и пенсионное обеспечение, право на материнство и защиту детства и другие).

Права «третьего поколения» связаны с интернализацией. К этим правам относятся такие права, как право на мир, на ядерную безопасность и другие.

Права человека «четвёртого поколения» были провозглашены в конце XX века. Это так называемые духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина, которые закрепляют духовные и нравственные ценности личности [7, с. 199–203].

К ним относят такие права и свободы, как уважение духовного и нравственного достоинства человека, право на творчество (духовно и морально-этическое творчество), право выбора и свобода воли, свобода совести и вероисповедания, право на духовное образование и воспитание, право на духовное и нравственное совершенствование, право на благоприятную окружающую среду и другие, которые вытекают из духовной и нравственной автономии человека.

Безусловно, что фундаментом любой семьи выступают духовные и нравственные ценности.

«Пятое поколение» прав человека связано с правами и свободами души и духа человека. Указанные права были провозглашены в начале XX века. К ним относят право на любовь, право на сотворчество и другие.

Любовь берёт своё начало в семье. Благодаря ей рождаются дети, живёт и развивается семья.

Четвёртое и пятое поколения прав являются основой любой семьи и противостоят духовно-нравственным деформациям общества и государства (алкоголизм, наркомания, проституция, аборты, половые девиации и прочие отклонения).

Любой человек и каждая семья обладают вышеперечисленными правами.

Как мы отмечали, к главным духовно-нравственным основам современной России, включая семью, относятся следующие духовно-нравственные явления:

1. Славянский миф (христианский миф);
2. Религия;

3. Четвёртое и пятое поколения прав человека, которые требуют к себе особого внимания, так как они по-новому и с позиции современной юриспруденции рассматривают духовно-нравственную сферу человека [3, с. 13–16].

Согласно энциклопедическим словарям, под духовностью понимается совокупность проявлений духа в мире и человеке, объединяющее начало общества, выражаемое в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных в религиозных учениях и практиках (религия), а также в художественных образах искусства.

Духовную сферу составляют миф, религия, культура, искусство и наука.

Нравственность – внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы.

Этические нормы исходят от религии.

По мнению Д. Л. Андреева, «во всех сферах жизнедеятельности человека наблюдаются два ряда различных явлений: духовный и интеллектуальный. Почти вся область науки и тем более техники принадлежит ко второму ряду; в него также входят философские (кроме духовной философии), правовые (право), эстетические и моральные построения. Сюда же относятся общественные объединения с различными организационно-правовыми формами, кроме религиозных, политические программы и партии, экономическая и социальная деятельность, даже искусство и художественная литература. Духовный же ряд состоит из человеческих проявлений. Сюда полностью относятся области религии, спиритуалистической или духовной Философии, метаистории, магии, высокой этики или нравственности и наиболее глубокие творения литературы, музыки, пространственных искусств, отражающих сферы духовных материй только светлых проявлений» [2, с. 223].

Религия – (от лат. *religio* – набожность – святыня, предмет культа), мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основаны на вере в существование Бога или богов, сверхъестественного [11].

Различают следующие разновидности религий:

1. Духовное мировоззрение – естественная религия;
2. Астральная религия – мифология как составная часть естественной религии [12, с. 32; 392–393].

Со временем астральная религия трансформировалась в астрологию, отделив от себя мифологию как культурно-исторический феномен человечества.

Религия имеет свои корни в мифе – сказании, воспроизводящем в вербальной форме архаические верования древних (и современных первобытных) народов, их религиозно-мистические представления о происхождении Космоса, явления природы и события социальной жизни, деяния богов, героев, демонов, «духов» и т. д. [8].

Историческую основу нашего государства составляет славянская мифология, представляющая собой совокупность мифологических представлений древних славян (праславян) времени их единства (до конца 1-го тыс. н. э.) [10, с. 450–453].

Некоторые авторы полагают, что славянский миф вобрал в себя христианский миф [2, с. 143–145].

Существуют мировые религии: буддизм, христианство и ислам, которые в течение столетий выступали главным мерилем духовности, нравственности и Добра.

Духовное развитие Киевской Руси связывают с Крещением в конце X века князем Владимиром Святославичем и установлением государственной религии – христианства (православия). В «Повести временных лет» об этом событии сказано так: «Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший её крещением святым».

Крещение Руси способствовало развитию зодчества, живописи, письменности и разнообразного народного фольклора.

Христианство принесло славянам основные заповеди Бога (Десять Божественных заповедей), которые стали основой духовной и нравственной жизни каждого человека.

Десять Божественных заповедей имеют следующее содержание:

1. Я есть Господь Бог твой, и нет других богов, кроме Меня.
2. Не сотвори себе кумира и никакого изображения; не поклоняйся им и не служи им.
3. Не поминай имени Господа Бога твоего всуе.
4. Шесть дней работай и делай всякие дела свои, а седьмой есть день отдохновения, который посвяти Господу Богу твоему.
5. Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долголетен.
6. Не убий.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не укради.
9. Не лжесвидетельствуй.
10. Не пожелай ничего чужого.

Десять Божественных заповедей вошли в государственные законы Древней Руси: «Русская правда», «Стоглав», «Соборное уложение» и «Судебник».

С развитием Российского государства Божьи заповеди всегда составляли и составляют основу действующих законов.

В современном понимании Божьи заповеди – это «золотое правило нравственности» [5].

Базисными духовно-нравственными ценностями Святой Руси были любовь, вера в Бога, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность, которые также составляют основу культуры нашей страны.

До Крещения Древней Руси духовно-нравственную основу жизни славян составляло наследие Русских Вед, в которых были изложены Законы Бога Всевышнего или Законы Сварога [1, с. 220–230]. Эти Законы можно назвать праславянской религией, элементы которой дошли и до наших дней (проводы весны, масленица, святки и пр.).

Законы Сварога содержат морально-нравственные нормы, которым должны были следовать наши предки при общении с Богом, друг с другом и окружающей природой.

Православие стало дополнять праславянскую религию, органично вбирая ее идеи и нравственный потенциал. Семейные ценности теперь могли опираться на долгие исторические традиции, выработанные различными религиозными конфессиями и опытом повседневной жизни.

Рассматриваемые права человека и перечисленные духовно-нравственные явления, согласно статье 3 Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», отнесены к культурным ценностям Российской Федерации.

Т. В. Даниленко точно подметила, что «современное информационное общество существенно преобразовало социальную и духовную природу человека, его ценности и представления» [6, с. 81–90].

Таким образом, из вышеизложенного видно, что именно человек и семья являются носителями права на любовь и духовно-нравственных ценностей, то есть выступают фундаментом любого общества и государства. Следовательно, государство должно больше уделять внимание семье и создавать необходимые условия для её укрепления, что существенно и позитивно скажется на российской культуре.

Список литературы

1. Асов А. И. Русские веды. Песни птицы Гамаюн. Изборник «Книги Коляды». – М.: Амрита, 2011. – 256 с.
2. Андреев Д. Л. Роза Мира. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К°», 1993. – 304 с.
3. Гузенко С. С. Духовно-нравственная основа современной России // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. – С. 13–16.
4. Гузенко С. С. Духовно-нравственные права человека. Семья // Исследовательская деятельность студента как фактор развития и реализации потенциальных и творческих возможностей специалиста: сборник материалов студенческой научно-практической конференции с международным участием / под ред. Л. А. Кочемайкиной. – Омск: Изд-во АНО ВО «Омский экономический институт», 2016. – С. 161–163.
5. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 208 с.
6. Даниленко Т. В. Человек в информационном обществе (аксиологический аспект) // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 23. – С. 81–90.
7. Ивентьев С. И. Классификация прав и свобод человека и гражданина // Казанская наука. – 2010. – № 3. – С. 199–203.
8. Ивин А. А. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – 1074 с.

9. Конституция Российской Федерации // Российская газета, 25 декабря 1993 г.

10. Мифы народов Мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – Т. 2. К–Я. – 719 с.

11. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов: под ред. проф. Л. И. Скворцова – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2011. – 736 с.

12. Философский энциклопедический словарь / ред.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 570 с.

References

1. Asov A. I. Russian Veda. The Songs of the Bird Gamayun [*Russkie vedy. Pesni ptitsy Gamayun*]. Moscow, Amrita, 2011, 256 p.

2. Andreev D. L. The Rose of the World [*Roza Mira*]. Moscow, Tovarischestvo “Klyshnikov-Komarov i K^o”, 1993, 304 p.

3. Guzenko S. S. (S. S. Chernov Ed.) Spiritual and Moral Basis of Modern Russia [*Dukhovno-nravstvennaya osnova sovremennoy Rossii*]. *Kultura. Dukhovnost. Obschestvo: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Culture. Spirituality, Society: Collected Works of the IV International Scientific and Practical Conference). Novosibirsk, ООО Agentstvo SIBPRINT, 2013, pp. 13–16.

4. Guzenko S. S. (L. A. Kochemaykina Ed.) Spiritual and Moral Human Rights. Family [*Dukhovno-nravstvennye prava cheloveka. Semya*]. *Issledovatel'skaya deyatel'nost' studenta kak faktor razvitiya i realizatsii potentsialnykh i tvorcheskikh vozmozhnostey spetsialista: sbornik materialov studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (The Research Activity of a Student as a Development and Realization of Potential and Creative Specialists' Abilities Factor. Collected Works of the Scientific and Practical Students Conference with International Participation). Omsk, ANO VO “Omskiy ekonomicheskiy institut”, 2016, pp. 161–163.

5. Guseynov A. A. The Golden Rule of Morality [*Zolotoe pravilo nravstvennosti*]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1982, 208 p.

6. Danilenko T. V. A Person in Information Society (Axiological Aspect) [*Chelovek v informatsionnom obschestve (aksiologicheskiy aspekt)*] *Kultura. Dukhovnost. Obschestvo* (Culture. Spirituality, Society), 2016, № 23, pp. 81–90.

7. Iventev S. I. The Classification of the Human and Citizen's Rights and Liberties [*Klassifikatsiya prav i svobod cheloveka i grazhdanina*]. *Kazanskaya nauka* (Kazan Science), 2010, № 3, pp. 199–203.

8. Ivin A. A. Philosophy: Encyclopedia [*Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow, Gardariki, 2004, 1074 p.

9. Constitution of the Russian Federation [*Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii*]. *Rossiyskaya gazeta* (Russian Gazette), December 25, 1993.

10. Tokarev S. A. (Ed.) Myths of Nations of the World: Encyclopedia. In 2 Vol. Vol. 2 [*Mify narodov Mira. Entsiklopediya: v 2-kh t. Tom 2. K–Ya*]. Moscow, Rossiyskaya entsiklopediya, 1994, 719 p.

11. Ozhegov S. I. (Ed.) Explanatory Dictionary of the Russian Language [*Tolkovyy slovar russkogo yazyka*]. Moscow, Oniks, Mir i obrazovanie, 2011, 736 p.

12. Gubskiy E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. (Eds.) Encyclopedia of Philosophy [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow, INFRA-M, 2009. 570 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 18; 316.612

Креативный потенциал личности в субстанцировании традиции и становлении национального эстетического канона*

Максимович Валерий Александрович – Государственное научное учреждение «Институт философии Национальной академии наук Беларуси», исполняющий обязанности заместителя директора по научной работе, доктор филологических наук, доцент, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: valery.maximovich@gmail.com

220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2,
тел.: +375(17)284-18-63.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Существует необходимость более дифференцированного, комплексного подхода к определению механизма субстанцирования (кристаллизации) традиции. Решающую роль в нем играет субъективный фактор – человек как сознательный и созидающий агент, субъект познания и действия. В последнее время исследователи все чаще делают акцент на раскрытии внутренней сущности личности, тесно увязывая ее с когнитивными структурами сознания, способностью задавать и формировать ценностные ориентиры.

Результаты: В научном творчестве русского философа П. А. Флоренского и в поэзии классика белорусской литературы Максима Богдановича похожим образом исследуются два пути передачи традиции – путем идентичного сохранения образца, канона и путем создания, творческого усвоения и развития нового качества канона. Мировоззренческая и эстетическая система Богдановича предлагает путь соединения традиции и инновации художественными средствами. Его основной творческий принцип – космополитизм, универсализм, использование традиций мировой культуры – позволяет выработать особый мировоззренческий синергизм, соединить в единое целое разные культурные феномены. Человек выступает и как субъект, и как объект мирового бытия. Художественный метод М. Богдановича является важнейшей составной частью национального эстетического канона.

Выводы: Новое содержание национального эстетического канона создается и культивируется в результате взаимодействия по самому широкому спектру и направлениям – межкультурному, межрегиональному, межкультурному. Личностное присвоение и творческое развитие чужеродного явления (художественного конструкта, артефакта, культурной инновации) выступают и своеобразной формой культурной инициации,

* © В. А. Максимович, 2016.

имеющей решающее значение в развитии и человеческих, и межкультурных, и междивилизационных отношений.

Ключевые слова: эстетический канон; субъект; духовная трансмиссия; коммуникация; синергизм; традиция и инновация; космос культуры; культурный консерватизм.

The Creative Personality Potential in Tradition Establishment and National Aesthetic Canon Formation

Maximovich Valery Alexandrovich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Acting Deputy director on research activities, Dr. of Letters, Associate Professor, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: valery.maximovich@gmail.com

1, Surganova str., building 2, Minsk, Republic of Belarus, 220072

tel.: +375 17 2841877.

Abstract

Background: There is a need for a more differentiated, integrated approach to the determination of the mechanism of tradition establishment. A crucial role in this respect plays the subjective factor, human as a conscious and creative agent, the subject of cognition and action. In recent years, researchers have revealed the inner essence of the personality, relating it to the cognitive structures of consciousness, the ability to cherish and foster moral values.

Results: In the academic works of the Russian philosopher P. A. Florensky and in the poetry of the classic of Belarusian literature M. Bogdanovich two methods of transmitting tradition are studied in a similar way, firstly, by maintaining identical sample or canon, and secondly, by understanding, formation and development of some new quality of this canon. Philosophical and aesthetic system formulated by Bogdanovich suggests a way to connect tradition and innovation by means of art. His main creative principle, namely, cosmopolitanism, universalism, traditions of world culture usage, makes it possible to develop some special philosophical synergy, to combine different cultural phenomena. The personality acts as a subject and as an object of world existence. The artistic method of M. Bogdanovich is an important part of the national aesthetic canon.

Conclusion: A new content of the national aesthetic canon is created and cultivated as a result of interaction between intercultural, interregional and intercivilizational spheres. Personal appropriation and creative development of an alien phenomenon (artistic construct, artifact, cultural innovation) act as a peculiar form of cultural initiation, crucial in the development of human, intercultural and intercivilizational relations.

Keywords: aesthetic canon; subject; spiritual transmission; communication; synergy; tradition and innovation; culture cosmos; cultural conservatism.

В последнее время исследователи все чаще и не без оснований делают акцент на раскрытии внутренней сущности личности, тесно увязывая ее с когнитивными структурами сознания, способностью задавать и формировать ценностные ориентиры, выстраивать довольно разветвленную систему отношений в пространственно-временном континууме. «Человек как субъект, — отмечает А. В. Брушлинский, — это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознательного и бессознательного. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов активности» [4, с. 31]. Именно от человека — конкретного носителя, воспроизводителя и интерпретатора — зависит адекватная, полноформатная передача и сохранение всего универсума культуры с бесконечным разнообразием его уровней, форм, видов и т. д. Сам акт трансляции (или трансмиссии) культурной традиции понимается не только как передача, усвоение социального опыта, знаний, представлений, верований, норм, аккумулированного фонда «культурных артефактов», системы оценочно-интерпретативных суждений о мире, которые можно отнести к разряду эмпирических категорий, имеющих явно выраженную интегральную социальную интенцию. Существует, на наш взгляд, необходимость более дифференцированного, комплексного подхода к определению механизма субстанцирования (кристаллизации) традиции, что непосредственно связывается с субъективным фактором, а именно человеком как сознательным и созидающим агентом и субъектом познания и действия. Иначе говоря, объективированное, предметно-объектное содержание традиции с необходимостью дополняется фактором человекообразным, становясь в итоге духовно и личностно значимым, что дает основание говорить о традиции как о многоуровневой, многоступенчатой, сложно организованной, многопланово дифференцированной целостности, имеющей социоантропогенную направленность. Именно с человеком как носителем живой активности и субъектом осознанной деятельности связана перманентно воссоздаваемая, возобновляемая сущность традиции. Благодаря этому и происходит «превращение “костной материи” в *деятельность*, которая не исчерпывается ни предположенными свойствами предмета, ни той формой движения, которую они обуславливают. Должен вмешаться субъект, способный обратить материальные предпосылки действия в объект своей целенаправленной деятельности, чтобы раскрыть во внешнем предмете свойства, присутствующие в нем лишь в виде возможности» [7, с. 25].

Человек в силу своей осознанной и целеполагающей деятельности становится субъектом социокультурного действия, носителем особой культуротворческой интенции, придавая традиции особый антропологический статус. Наиболее заметно это проявляется в процессе коммуникации, в связи со спецификой деятельности человека, в которую он включен с учетом его определенно выраженной профессиональной, религиозной, культурной, национальной и иной идентификации. Антропологический характер традиции

может проявляться в самых незначительных, почти не заметных и вербально трудно передаваемых моментах общения, речевого дискурса или языкового самовыражения. Даже обычная пауза, умолчание могут приобретать ситуационно насыщенную смысловую, символическую коннотацию на уровне ментальных структур. Этот момент дает основание говорить о существовании некоего невидимого энергетического поля традиции, фиксируемого органами чувств адресата взаимодействия. Именно информационно-коммуникационный акт помогает сформировать определенный механизм узнавания и самоузнавания, выделить отличительные черты *своего*, генетически родственного мира как органически приемлемой среды существования, способствующей присвоению, освоению и воспроизводству традиционных форм общежития. «Человек традиции, – замечает в этой связи В. В. Малявин, – никогда не индивид, но всегда как бы сверхиндивидуальная сущность двух лиц: учителя и ученика, предшественника и последователя, отца и сына. <...> Наследуется в традиции, разумеется, не только некое предметное содержание опыта, не идеи или понятия, не образы или ощущения, но самое качество переживания, опыт “жизни поверх жизни”, “жизни изобильной” ... извечно оживляемой и всегда другой» [5, с. 30]. И это лишний раз подтверждает тот факт, что человек является центральным звеном в духовной трансмиссии социокультурного опыта, в системе и общественных, и межличностных отношений.

Живая, непосредственная коммуникация позволяет воспринимающему субъекту испробовать себя во все новых коммуникационных позициях и ситуациях, не только приобрести и укрепить навыки межличностного общения, но и сформировать свой устойчивый стереотип мироузнавания и мироосвоения, позволяющий безошибочно ориентироваться в разных культуро- и традициомерных проекциях. Другими словами, личностный модус, родово-генетическое измерение открывает возможность самообнаружения и самопозиционирования себя не только в рамках идентификационно близкого сообщества, но и вне его, в иных социальных микросистемах и сетях. Именно в субъекте, носителе традиционной культурной парадигмы, происходит накапливание и кристаллизация (материализация) духовного опыта в различных своих стереотипных и модельно-программных формах и проявлениях. Речь идет не просто о факте формального «родового» наследования, преемственности, но о наследовании самой модели смыслопостижения, смыслодействия, смыслоразличения через призму нациоангажированного конструкта. «Костная (генная) материя» традиции как бы формирует собственно алгоритм внутреннего действия, деятельности и развертывания системно значимых связей, отношений, открывающих простор для раскрытия потенциальных возможностей личности.

Традиция помогает организовать, обустроить духовное пространство человека, сделать его более комфортным, упорядоченным, уравновешенным, позволяющим жить в согласном взаимодействии с окружающей средой. При этом она латентно сдерживает, сбавляет спонтанные, трудно контролируемые инстинкты, желания, агрессию, тем самым внутренне дисциплинируя человека,

способствует сохранению душевной цельности и равновесия, взвешенному контролю действия и поступка. Невзирая на это, традицию никак нельзя отнести к разряду некоего директивного предписания, нормы, «закона», регламентирующих отношения человека и общества и предписывающих целый ряд ограничений, допущений, рекомендаций, которыми он должен руководствоваться. Традиции чуждо декларирование, императивность, ограничивающие свободу выбора и волеизъявления в силу того, что это – по своей глубинной сути – *духовный инструмент*, позволяющий поддерживать генетическую программу саморазвития, самоусовершенствования. Традиционный духовный тезаурус способствует формированию личностно и социально значимых представлений, образцов, ценностей, помогает освоению онтологического содержания человеческого опыта, способствуя тем самым духовному возвышению, возмужанию. Он служит гармонизации, упорядочиванию, согласованности разных органов единой живой системы – личного и сверхличного, единичного и всеобщего, выступает в качестве действенного условия для подлинного взаимопонимания личностей, их консубстанциальности. Кроме того, духовный тезаурус способствует восприятию сферы чувственности «другого» (сенсорных полей), т. е. осуществлению своеобразного синергетического сближения. Это незаменимый фактор внутреннего роста, способный вывести человека на иную, более высокую ступень духовного прозрения, открыть путь к познанию глубинной сущности вещей, ощутить подлинную радость от осознания своего живого участия в жизни – радость человеческого общения.

На уровне идеального сознания традиция как бы латентно, имманентно содержит в себе «просветительскую» целевую программу, включающую в себя определенный реестр навыков, знаний и представлений, в том числе – социокультурные установки и ментальные архетипы. Все они актуализируются, проявляют себя прежде всего на уровне личностного восприятия, переживания, вчувствования. Главное, чтобы эти связи не заменялись формальной коммуникацией, не виртуализировались, не профанировались. Иными словами, чтобы общение не приобретало механистический характер, а было тесно связано с психолого-суггестивными, релаксационными стратегиями.

В этом контексте новое когнитивное значение обретает теория архетипов коллективного бессознательного К.-Г. Юнга. Именно архетипы, проявляющие и обнаруживающие себя на уровне бессознательного, формируют содержание наследования, усвоения и трансмиссии жизнеприобретенного опыта. Благодаря этому у людей появляется возможность сохранять и укреплять свою идентичность, самотождественность на протяжении исторически продолжительного отрезка времени. С архетипами связана и восстановительная способность культуры, ее генеративный потенциал. В данном случае не имеется в виду собственно процесс механического замещения, возобновления недостающих элементов, утраченных или ослабивших свое влияние в ходе культурно-исторической редукции. Подобная регенерация предполагает и в известной степени модернизацию элементов, символов и моделей традиции с

учетом ее социально-динамической природы, возможности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Известный русский философ и богослов П. А. Флоренский неслучайно уделял большое внимание «генеалогическим отношениям», «концепции родословия». Свои взгляды на природу традиции в ее связи с родословным, генеалогическим, наследственным началом он раскрыл в книге «Имя рода» (1916) и в главной своей работе по теории эстетики «Иконостас» (1922). По его мнению, в процессе усвоения традиционно-наследственных форм важную роль играет глава рода – охранитель и транслятор традиции, обладающий строго организованной конституцией, соответствующими личностными характеристиками, что в наибольшей степени влияет на степень полноты охвата транслируемого материала, подлинной традиции. «Комментатор, – подчеркивает В. С. Семенцов, – передает ученику не абстрактную (“объективную”), а живую, личностную истину; вместе с истиной учитель передает ученику самого себя» [8, с. 116]. В данном случае важна природная, внутренняя сущность учителя как передающего, вещающего субъекта, образующего возле себя особый, ментально значимый мир – мир отношений, усиливающий возможность осознавать себя его органической, неразрывной частью. Степень усвоения во многом обусловлена моментом эмпатии (сопереживания, вчувствования), что делает традицию как бы непосредственно осязаемой, живой.

При этом не каждое частное проявление «родовой» коммуникации можно отнести к разряду традициозначимого. «Отдельный стереотип, для того чтобы его можно было назвать традиционным, – отмечает В. Аверьянов, – должен нести ответственность за свой сегмент всеобщего смысла. <...> Одно удачно подобранное слово становится той “последней каплей”, которая наполняет чашу понимания традиции, делает традицию живой. В конечном счете традиция как полная система несет в себе весь язык образов и стереотипов, но несет и каждое слово этого языка в масштабе, соразмерном этому слову» [1, с. 50]. Именно присутствие личности учителя, наставника, предводителя рода позволяет усваивать и воспроизводить глубинную, системную сущность традиции, осознавать ее миссийную и жизнестойкую силу, быть уверенным в ее несокрушимости. Это методологически и мировоззренчески важный момент, потенциально способный создать эксклюзивную личностно-эмоциональную, духовную ситуацию, которая как нельзя лучше призвана служить усвоению и регенерации культурных символов и архетипов, поведенческих (адаптационных) и ценностно-мировоззренческих модусов, позволяющих легче ориентироваться в исторически изменяющемся, динамически развивающемся обществе.

Особенную значимость данное обстоятельство приобретает в ситуации нарастания мировоззренческого кризиса, «обмельчания масштаба человеческой личности». Нельзя не согласиться с русским философом И. А. Ильиным, полагавшим, что в основе традиции лежит «передача строения внутреннего духовного акта», ретранслирующего не столько смыслы, значения, принципы,

сколько само «актовое строение» духовного опыта, напрямую связанное с сакрально-диалогическим, возвышенным.

Важно при этом заметить, что не всякая диалогичность призвана способствовать обогащению традиции, выступать в качестве ее благодатного зерна, могущего дать здоровые всходы. Любая потенциально возможная форма сопричастия, соприложения к традиции должна иметь позитивную обращенность – мироустроительную, мирозидательную. Необходимым условием достижения по-настоящему действенного, синергийного эффекта при соприкосновении с традицией как целостностью, несводимой к составляющим ее частям и имеющей отношение к когнитивным структурам, является установка на гармонизацию, слаженность, упорядоченность, что, в итоге, оказывает положительное влияние на эмоционально-психологическое состояние человека. Достигнуть органической, пневматологической (пневматология – от греч. *пнеума*, дух) связи с традицией возможно прежде всего в результате овладения профессиональным мастерством, приобретения устойчивых навыков в разных областях творчества, спорта, образования, воспитания и т. д. Это убедительное свидетельство того, что традиция как духовная эманация – не догма, не застывший, закоряченный экспонат, а живой организм, способный к диалектическому развитию, усовершенствованию, гармонизации посредством развития творческого потенциала человека. Возобновление, «воспроизведение» традиционных форм происходит путем как копировального повторения, так и творческого видоизменения, обновления (откровения). Эти формы диалектического подхода подметил П. Флоренский, говоря о копиистах, тиражирующих добытый в истории канон, и о создателях и обновителях канона, духовидцах, получающих откровение и транслирующих его в тело традиции, а через него далее – в «мир» [9].

Художественными средствами в чем-то сходная ситуация описана в стихотворениях классика белорусской литературы Максима Богдановича «Летапісец» и «Перапісчык». К постижению «истории» оба героя идут разными путями: первый – путем идентичного сохранения образца, канона, второй – путем творческого усвоения, «приукрашивания» материала, создавая, в итоге, новое качество традиции. Но оба, в конце концов, становятся единомышленниками, устроителями, законодателями Традиции в самом высоком значении этого слова. Свою задачу летописец видит в том, чтобы рассказать:

«Што тут чынілася ў даўнія гады,
Што думалі, чаго жадалі мы тады,
За што змагаліся, як баранілі веру, –
Хай зведаюць усе патомкі праз паперу!» [2, с. 86].

Гарантией того, что все оставленные летописцем свидетельства прочтут потомки, является его признание – «І бачанаму мной – я годны веры сведак» [2, с. 86], – которое он делает с чувством неподдельной гордости, выполняя свой гражданский долг, свою историческую миссию. Для переписчика первостепенное значение приобретает не сам факт механического переписывания, а процесс его художественно-эстетического оформления,

своеобразной художественной транскрипции, перевода, где важно все: цвет, окаймровка букв, «спляценні завіткоў», «шматфарбныя застаўкі і канцоўкі». Он – настоящий художник, творец, демиург, для которого сама эстетика слова приобретает не просто содержательное, а смыслосодержательное, концептуальное значение, в котором объективно заложены основания традиции. По утверждению Т. Чабан, М. Богданович ставит здесь важную проблему – «проблему национальной особенности искусства, без чего произведения будут не “живой красой”, а всего лишь холодной мертвой копией...» [10, с. 493].

Произведением, которое носит поистине манифестирующий характер, где ставятся вопросы сущности и назначения искусства, осмысливаются соотношения формы и содержания, взаимодействия в творческом процессе традиции и новаторства, может служить «Апавяданне аб іконніку і залатару...». В нем в стилизованной форме развиваются идеи предыдущих стихотворений М. Богдановича. В центре диалога героев «рассказа» – та же проблема соотношения традиционного и инновационного, канонического и идущего в разрез с установленным, общепринятым образцом. Иконник Роман Якубович – сторонник традиционализма, который связывается с неизменностью, консервативностью формы выражения, с буквальным следованием принятому канону. Золотарь Антон Корж, наоборот, сторонник искусства новаторского, экспериментального, что является, по его мнению, свидетельством настоящего художественного таланта. Основным камнем преткновения в их споре является вопрос допустимости или недопустимости нововведения в принятый, освящённый традицией канон. Если Якубович позиционирует себя непреклонным приверженцем старого, унаследованного, консервативного, то позиция Коржа более гибкая, взвешенная, в которой недвусмысленно усматривается его одобрение поиска и эксперимента в области формы и содержания. «...Не варт... рэч якую-небудзь толькі таму ганіць, што яна для нас за навіну прызнацца павінна. Бо ўсё тое, што цяпер навіною завецца, праз час які старою мае быць, для людзей усіх станаў – звыклай, а ўшанавання і абароны годнай», – утверждает Корж. Симптоматично, что критерием высокой художественной ценности произведения искусства, согласно убеждению Коржа, выступает красота, прекрасное («краса»). Вот почему он твердо убежден в том, что «вартасць малюнка толькі ад хараства ў выкананні яго залежыць...» [3, с. 62].

Своими произведениями классик белорусской литературы поставил вопрос о соотношении традиций и инноваций в художественном творчестве, акцентируя внимание на методологической значимости этой проблемы в процессе художественного познания реальности. Согласно художественной концепции поэта, инновации представляют собой необходимое слагаемое творчества, его органическую часть. Инновационные, новаторские вкрапления, по мысли автора, не являются проявлениями разрушительных интервенций, а выступают в качестве носителей художественной ценности, одним из способов моделирования новой художественной реальности. Они, наряду с традицией,

составляют двуединый процесс создания художественного произведения, придающего последнему смысловую и эстетическую ценность.

Очень показательно, что в творчестве М. Богдановича со всей очевидностью обнаруживается присутствие многочисленных контекстов и культурных эпох, что можно отнести к одной из форм инновационных художественных трансформаций. Античная и национальная мифология, классические традиции мировой поэзии, новые этико-философские открытия литературы рубежа XIX–XX вв. – все это (и многое другое) формировало общую мировоззренческую и эстетическую систему белорусского поэта. Своеобразно трансформируя и комбинируя известные и малоизвестные мотивы, сюжеты, темы, приобщая их к потребностям собственной литературы, Богданович оставляет за собой право на субъективное восприятие и трактовку их смысла, делая едва уловимые зашифрованные указания на первоисточники. Подобными знаками-распознавателями становятся не только эпиграфы к некоторым стихам. Внутреннее сходство и смысловая близость поэзии Богдановича с темами, мотивами, наконец, идеями мировой и, прежде всего, русской литературы наблюдается даже на уровне поэтики, самой формы стиха, идентичности «стилевого мышления». И в этом выразило себя не только стремление показать жизнь во всей ее многогранности и гармоничности, направить внимание на весомость, значимость и неповторимость созданных человеком эстетических ценностей. Главный смысл усилий поэта, по словам Т. Чабан, заключался в том, чтобы раскрыть, засвидетельствовать свою индивидуальность, свое на удивление развитое чувство индивидуальности, уникальность своей судьбы, неповторимость духовного мира [10, с. 470], «магическое ощущение причастности к мировой тайне» (И. Богданович). М. Богдановича ничто так не привлекало и не волновало, как загадка души человека и своей собственной души. Распознать ее глубинный, сокровенный смысл или хотя бы приблизиться к его разгадке было заветной мечтой поэта.

Основным творческим принципом поэта было стремление к универсализму, космополитизм («космос культуры»), свободное использование всех мыслимых образов, мотивов и традиций мировой культуры. Художник оригинального таланта, Богданович сумел мастерски синтезировать на национальной почве культурные достижения разных народов, приблизить искусство белорусского слова к лучшим образцам мировой литературы, открыть широкие магистрали для идейно-эстетического возвышения белорусской поэзии. «Космополитизм» поэзии Богдановича – это одна из ступеней на пути постижения национального духа. Но это и важное условие постижения целостности бытия, творения подобного «образа мира» в себе, путь возвращения к себе на более высоком духовном уровне.

Поэт целенаправленно отбирает поэтические формы, ранее не известные белорусской поэзии. Белорусское средневековье, античность, Ренессанс, рококо, готика, сербская, украинская, японская, скандинавская, испанская и другие традиции нашли свое заметное место в его художественной практике. В использовании различных художественных доктрин, целых культурных пластов Богданович нисколько не уступает модернистам, для которых не

существовало никаких культурных, временных или пространственных барьеров. Однозначным остается одно: мировоззрение М. Богдановича формировалось под влиянием различных причин и факторов, которые находились не только в состоянии тесной взаимообусловленности, но иногда и в резком контрасте. Основопологающим моментом в творческой эволюции поэта можно считать своеобразный мировоззренческий синергизм, который заключался в психологической адаптации культурного опыта человечества на новой жизненной основе, – синергизм, охватывающий самые разные направления его духовных и эстетических поисков. Сложная и разветвленная система ассоциативных связей и заимствований ведет к универсализации каждого образа и мотива и превращает поэзию Богдановича в своего рода антологию человеческой истории и культуры, позволяет осуществить абсолютную полноту поэтической свободы в пределах даже самого узкого культурно-исторического канона.

Впрочем, нельзя однозначно указать на источник поэтического вдохновения поэта: абсолютизация какой-то одной ипостаси не даст полного понимания и адекватного восприятия удивительно богатой поэтической мистерии Богдановича в поисках высшей истины жизни. Координаты мировоззренческих и эстетических поисков поэта – самые разные, самые неожиданные, начиная от классически-онтологических форм и кончая формами символическими. Эстетизированный мир поэзии Богдановича есть вместилище напряженной работы мысли и духа, тесно связанной с европейской и национальной традицией, с центральной духовной проблематикой, специфически трансформированной и адаптированной к собственно национальной эстетической топике. Поэт обладал способностью увидеть близкое, родное себе в других культурах, найти всегда там отклик для своей души. Чуткость к «чужому» как своему, диалогичность – характерная особенность его поэтики, художественного мышления, творческого стимула и способа восприятия традиций. Думается, в данном случае как нельзя лучше подходит выражение «причаститься мировой культуры», что адекватно характеризует отмеченный феномен, основанный на идее соучастия, соотнесенности, аналогии и непосредственно связан с более общей идеей культурно- и духовностроительства. Подобный творческий полифонизм, как это ни парадоксально, продиктован в большой степени трагическим видением мира, что влечет за собой не столько смену, сколько принятие существующего положения вещей, сохранение своеобразного статус-кво. В этом, вероятно, есть что-то и от жизненного фатализма, но фатализма скорее оптимистического, чем пессимистического.

Бесспорным остается одно: М. Богданович является приверженцем символического поэтического канона, созданного на основе художественного синтеза разных культурных миров, образцов мировидения и мироощущения. Уникальные поэтические картины, созданные его творческой фантазией и имеющие в основе своей мистическую, символическую направленность, сродни поэтическому откровению, воплощающему духовный мир бытия. Для Богдановича не имеет большого значения, что становится предметом его

художественных рефлексий – мир предметный, реальный или мир выдуманный, созданный его фантазией или почерпнутый из разных книжных источников. Оба они обладают одинаковой степенью *реальной представленности, внушительности* в виду того, что имеют по своему происхождению субъектно-субъективную природу. Если экстраполировать философские воззрения ранее упомянутого нами русского религиозного мыслителя П. Флоренского на природу творчества, то художественное наследие М. Богдановича можно представить в виде символического иконостаса, который объединяет в себе эти два мира (мир видимого и невидимого). Поэт творит по законам иконописной традиции, в которой нет ничего случайного, и каждый образ (и даже его мельчайшие детали) заключает в себе определенный символический смысл. Вот почему для него так важна идея синтеза, воплощающая органическую связь узнаваемого, реально существующего универсума культур. И сама книга М. Богдановича «Венок» строится по принципу откровения, где каждый искушенный читатель как бы идентифицирует свой духовный опыт, выверяет его по нему и восполняет утраченные и недостающие звенья с его помощью. Можно предположить, что Богданович ставил себе утопическую задачу создать соборный поэтический канон разных культур и цивилизаций, который сочетал бы и примирял в себе эти культуры. Как и Флоренский, Богданович искал соответствия, которые могли бы свидетельствовать о едином «корневом» начале становления мировой духовной культуры. Тем самым он подчеркивал идею *духовного единства человеческих культур и священных историко-культурных символов*, застывших в канонических формах. Вот почему и в самой книге «Венок» так сильно каноническое начало, где явственно проступает желание поэта создать поэтический «канон канонов», заключающий в себе тезаурус всей культуры и замыкающий на себя весь ее смысл, который способен бесконечно обогащаться новыми интерпретациями.

Как на одну из самых главных особенностей поэзии Богдановича исследователи указывают на ее связь с новейшими открытиями мировой литературы, причастность к универалистской парадигме творчества. Это проявляется прежде всего в подчеркнутом рационализме, интеллектуализме его поэзии, в трансформации образных моделей разных эпох, тотальном панэстетизме, культе Красоты и др. Поэт сознательно обращался к классическо-совершенной (парнасской), почти рафинированной поэтической форме стиха. Неоклассицистские штудии Богдановича, в отличие, к примеру, от авангардистских, не носили деструктивного характера, не имели целью полное отрицание предыдущего культурного опыта, а были своеобразной формой его консервации, канонизации. Неоклассицизм творчества Богдановича проявился, прежде всего, в способе *модернизации культуры путем культурного консерватизма*, адаптации в рамках национальной традиции поэтических форм, почти неизвестных ей. С учетом этого можно говорить не только о своеобразной школе поэтического мастерства, но и о факте внутренней эволюции художественной системы поэта, об особенностях его эстетических принципов. Все это лишний раз свидетельствует о новаторском, универсальном

характере его поэзии и позволяет глубже постичь роль поэта в развитии национальной литературы.

Преломление многих философско-эстетических и общественно-политических доктрин в творчестве поэта свидетельствует о том, что для Богдановича нет другой идеологии, кроме идеологии его сознания, которое воспринимало культурный и философский опыт человечества как единое и неделимое целое. Заимствования из чужих культур и литературных эпох у Богдановича имело в высшей степени творческий характер: чужое проходило этап глубокой внутренней адаптации в соответствии с характером своего национального культурного ядра и в органической связи с целостностью собственной художественной системы. Сложная и разветвленная система ассоциативных связей, реминисценций, аллюзий ведет к универсализации каждого образа и мотива и превращает поэзию Богдановича в своего рода антологию человеческой истории и культуры.

При осязательном влиянии различных художественных стилей и школ, направлений и течений, эстетик и форм поэзия самого Богдановича выглядит довольно стройной, четко структурированной системой, где есть своя художественная логика, оправданность, завершенность, где самые разнообразные историко-культурные феномены соединяются в завидное единство, в высокое эстетическое совершенство. Богданович является настоящим примирителем противоположностей. В лице белорусского певца красоты счастливо сочетался экуменистический и универсальный дух. Проявлением экуменистических устремлений выступает и попытка поиска объединительного начала в сфере чувства, идеала, даже если этот идеал находится в отдаленной ретроспективе, обладающей, тем не менее, большой энергетической притягательностью, коммуникативной жизнеспособностью. Это объединяющее начало Богданович видит не в религиозном, божественном, а в открытой культурной секуляризации «божественной святости», в приобретении ею конкретного, «телесного», близкого, осязательного смысла, который создается благодаря настоящей, живой, а не эфемерной общности чувств. Духовное просветление возможно через *любовь и красоту*, данных человеку в чувствах. Богдановичевская *«высокая краса»*, *«живы абраз ядыны»*, *«выгляд мацеры ды з воблікам дзяўчыны»* не имеют ничего общего с какими бы то ни было абстрагированными догмами, с «имманентной трансцендентностью». Поэту близок и дорог мир жизненной, земной гармонии, материально существующее «здесь и сейчас», пусть и в далеко не совершенном виде, – глубоко прочувствованный, увиденный в реальной жизни идеал, благодаря которому происходит преобразование, видоизменение духовного мира поэта. Богдановичевская *«краса и сила»* рождается с непоколебимой и радостной жизнеутверждающей надеждой на вечное созерцание земного, не эфемерного очарования, – очарования в пределах обычной повседневной – чувственной – жизни, без нагнетания искусственного аскетического напряжения. Она обладает непреходящими свойствами, имеющими в своей основе гармоническое начало и находящимися в тесной коррелирующей связи с

ценностно-смысловыми и смыслообразующими концептами национальной традиции.

«Краса и сила» – это название одноименной статьи Богдановича. По сути, в ней определенным образом закодирована взаимозависимая связь философских категорий «эстетическое и этическое», «чувственное и духовное». Более того, само название невольно тяготеет к сфере внутренней духовной экзистенции личности, составляя ее базисный центр. В самом названии как бы гармонично слиты воедино противоположные сущности в соответствии с поэтическим душевным строем, мироотношением поэта, что обнаруживает в нем человека чувственного, в чем-то сентиментального, открытого, для которого стало правилом доверять голосу внутреннего побуждения. Вообще же, «краса и сила» воспринимается не просто как поэтическая формула, знак наивысшего совершенства, гармонии, но, что не менее важно, и как момент возвышения человеческого духа, когда человек может предстать во всем своем духовном величии. Само название можно квалифицировать как основу и путь духовного и физического раскрепощения и возвышения человека красивого, здорового, целеустремленного, не знающего границ для своего самосовершенствования.

Все эти размышления дают основания для постижения собственно ценностно-антропологического содержания стихов М. Богдановича. Проблему человеческого бытия классик белорусской литературы стремился перевести из плана внешнего в план внутреннего созерцания, а самого человека воспринимал и в качестве объекта, и в качестве субъекта мирового бытия, видел в нем носителя самоценной духовности, отличительного типа духовности. Именно поэзия становилась для него надежным инструментом для удержания вечности, способом реализации внутренней установки на гармонизацию и синхронизацию проявленного опыта посредством его избирательной трансформации (кристаллизации, десублимации) в пределах собственной автономной художественной системы. Ему была близка идея, связанная с пониманием личности как субъекта культуры, имманентно осваивающего, расширяющего и преобразующего духовно-творческим актом границы культурного, созидającego пространства по законам гармонии и красоты.

Закрепляя за творческой личностью право на творческий эксперимент, который потенциально содержит в себе инновационные признаки, М. Богданович тем самым, по сути, признавал за ней и право быть основоположником традиции. Задействование, притяжение в сферу культуротворчества инновационных техник, их активное тиражирование в многочисленных контекстах создает предпосылки того, что со временем созданный инновационный продукт войдет в живую ткань культуры, способствуя обновлению ее ценностно-смыслового ядра. Совершенно ясно: чтобы стать традицией, имеющей все шансы приобрести довольно внушительное распространение среди носителей определенного ментального и социокультурного кода, инновация должна соответствовать условию включенности в историко-культурный контекст, стать частью целостности,

придающей ей общезначимый статус. А для этого она должна обладать огромным внутренним потенциалом, выражающим свойство «сознательного бытия» и имеющим все предпосылки для созидания новой социокультурной реальности или, по меньшей мере, быть ее важной структурообразующей частью.

Процесс зарождения инновационных форм и практик и постепенного перехода их в разряд традиции предполагает наличие не просто субъекта, а субъекта, занимающего действенную и активную позицию и тесно включенного в социокультурное пространство – свое и чужое. Вопрос о первопричинности, обусловленности «культурного взрыва», его детерминированных стимулирующих источниках, векторах направленности, механизме развертывания «сетевых связей», имеющих своим результатом постепенное складывание стереотипных форм и моделей внедрения, обретающих качество традиции, представляется довольно сложным. Надо понимать, что сама традиция не является строго единичным, инвариантным продуктом, а имеет ряд модификационных ответвлений, как бы дочерних субститутов, привносящих в ядро традиции дополнительную смысловую коннотацию. Поэтому можно говорить о продуцированном множестве традиций, точнее, традиционных форм, создаваемых в процессе культурогенеза – культурного, в том числе межличностного взаимодействия как по линии синхронии, так и по линии диахронии.

Как мы не единожды подчеркивали, новое рождается на перекрестье, на границе схождения и расхождений – ослабления старых связей и усиления новых, притяжения в сферу актуального опыта наличествующих инородных сегментов, деталей, форм с целью их смыслового переформатирования в условиях актуальной культуры. Присвоение это обуславливается наличием потенциальной возможности понимания этой «формы» представителем инокультурной реальности. В любом случае новое создается и культивируется в результате взаимодействия по самому широкому спектру и направлениям – межкультурному, межрегиональному, межкультурному. Не надо сбрасывать со счетов и межличностные контакты, момент субъективности, связанный с выражением симпатии, особого пиетета к усвояемому, личностно воспринимаемому артефакту инонациональной культуры. Этот момент помогает снять противоречие между отжившей, исчерпавшей себя формой, субъективно-творческими предпочтениями субъекта и нововоспринятым явлением, с необходимостью присвоенным и адаптированным к условиям генетически и культурно родственной среды. Личностное присвоение чужеродного явления (художественного конструкта, артефакта, культурной инновации) выступает и своеобразной формой культурной инициации, приобретает важный смысл в развитии и человеческих, и межкультурных, и межкультурных отношений.

Список литературы

1. Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. (Издательская серия ИДК). – М.: Институт динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012. – 696 с.
2. Багдановіч М. Поўны збор твораў: У 3 т. – Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 752 с.
3. Багдановіч М. Поўны збор твораў: У 3 т. – Т. 2. Мастацкая проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзії і нататкі, чарнавыя накіды. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 600 с.
4. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. – М.: Институт психологии РАН, 1994. – 109 с.
5. Малявин В. В. Молния в сердце. – М.: Наталис, 1997. – 364 с.
6. Розин В. М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2002. – 445 с.
7. Сайко Э. В. Субъект и субъектная составляющая в становлении и культурно-историческом выполнении пространственно-временного континуума социума // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2002. – 445 с.
8. Семенцов В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. – 236 с.
9. Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2). – М.: Мысль, 2000. – 623 с.
10. Чабан Т. Космас «Вянка»: Літаратурны каментарый да «Вянка» Максіма Багдановіча // Багдановіч М. Поўны збор твораў: У 3 т. – Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – С. 463–518.

References

1. Averyanov V. V. Tradition and Dynamic Conservatism [*Traditsiya i dinamicheskii konservatizm*]. Moscow, Institut dinamicheskogo konservatizma, ООО “Tsentralnyy izdatelskiy dom”, 2012, 696 p.
2. Bagdanovich M. Complete Works: In 3 Vol. [Poyny zbor tvoray: U 3 t]. T. 1. Vershy, paemy, peraklady, nasledavanni, charnavyya nakidy (Vol. 1: Poems, Translations, Imitations, Drafts). Minsk, Navuka i tekhnika, 1992, 752 p.
3. Bagdanovich M. Complete Works: In 3 Vol. [Poyny zbor tvoray: U 3 t]. T. 2. Mastatskaya proza, peraklady, litaraturnyya artykuly, retsenzii i natatki, charnavyya nakidy (Vol. 2: Narrative Prose, Translations, Literary Articles, Reviews and Notes, Drafts). Minsk, Navuka i tekhnika, 1993, 600 p.
4. Brushlinskiy A. V. Problems of the Psychology of the Subject [*Problemy psikhologii subekta*]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 1994, 109 p.
5. Malyavin V. V. Flash in the Heart [*Molniya v serdtse*]. Moscow, Natalis, 1997, 364 p.
6. Rozin V. M. (Sayko E. V. Ed.) Personality as a Founder and a Manager of “Itself” and as the Subject of Culture [*Lichnost kak uchreditel i menedzher “sebya” i*

subekt kultury]. *Chelovek kak subekt kultury* (A Person as a Subject of Culture). Moscow, Nauka, 2002, 445 p.

7. Sayko E. V. (Sayko E. V. Ed.) A Subject and Subjective Component in Formation and Cultural and Historical Implementation of Society's Space-Time Continuum [Subekt i subektnaya sostavlyayuschaya v stanovlenii i kulturno-istoricheskom vypolnenii prostranstvenno-vremennogo kontinuumu sotsiuma] *Chelovek kak subekt kultury* (A Person as a Subject of Culture). Moscow, Nauka, 2002, 445 p.

8. Sementsov V. S. Bhagavad Gita in Tradition and Modern Scientific Criticism [*Bkhagavadgita v traditsii i sovremennoy nauchnoy kritike*]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985, 236 p.

9. Florenskiy P. A. Works. In 4 Vol. Vol. 3(2) [*Sochineniya. V 4 t. T. 3(2)*]. Moscow, Mysl, 2000, 623 p.

10. Chaban T. The Space of "The Garland": Comments to Maxim Bogdanovich's "The Garland" [Kosmas "Vyanka": Litaraturny kamentaryy da "Vyanka" Maksima Bagdanovicha] *Poyny zbor tvoray: U 3 t. T. 1. Vershy, paemy, peraklady, nasledavanni, charnavyya nakidy* (Complete Works: In 3 Vol. Vol. 1: Poems, Translations, Imitations, Drafts). Minsk, Navuka i tekhnika, 1992, pp. 463–518.

УДК 792(47)(091)

Национальные театры Петрограда – Ленинграда в системе советских учреждений культуры (1917–1941 гг.)*

Смирнова Тамара Михайловна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mokva@inbox.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: 8(812) 708-42-05.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В многонациональном Петербурге действовали различные этнокультурные организации, призванные удовлетворять потребности национальных меньшинств. Многие национальные группы создавали свои драматические коллективы, часть из которых выросла до полупрофессиональных и профессиональных театров. Однако театральная традиция национальных меньшинств города в разные исторические периоды изучена недостаточна.

Результаты: В рамках советской государственной культурной политики 1920–1930-х гг. в Петрограде – Ленинграде была создана система культурно-просветительной работы среди национальностей, важной составной частью которой стали театры, сыгравшие определенную роль в становлении национального театрального искусства разных народов страны.

Выводы: Национальный театр, как специфическая форма художественного самовыражения и освоения действительности, в многонациональном русскоязычном социуме в советский довоенный период – сложная и неоднозначная проблема, требующая комплексного изучения. Система управления национальными театрами в период их широкого бытования в Петрограде – Ленинграде зависела от политической и социально-экономической обстановки в стране, находилась в русле национальной политики РКП(б)-ВКП(б). К концу 1930-х гг. в Ленинграде были ликвидированы практически все театры национальных меньшинств (кроме еврейского).

Ключевые слова: национальные театры; национальные меньшинства; Петербург – Петроград – Ленинград; Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос, или НКП); Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац); Комиссариат по делам национальностей (Комнац); Театральный отдел (ТЭО) НКП; Пролеткульт; профессиональный союз работников искусств (Сорабис, или Рабис).

* © Т. М. Смирнова, 2016.

National Theatres of Petrograd – Leningrad in the System of Soviet Cultural Institutions (1917–1941)

Smirnova Tamara Mikhaylovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Letters, Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: mokva@inbox.ru
15, Gastello st., Saint Petersburg, Russia, 196135,
tel: +7(812)708-42-05.

Abstract

Background: In a multinational Petersburg had been various ethnic and cultural organizations, designed to meet the needs of national minorities. A national group created their drama groups, some of which were grown to semi-professional and professional theatres. However, the theatrical tradition of the national minorities of the city in different historical periods is studied insufficient.

Results: In the framework of the Soviet state cultural policy of the 1920s – 1930s in Petrograd – Leningrad was a system of cultural-educational work among the nationalities, an important part of which was the theater that played a role in the development of national theatrical art of different peoples of the country.

Conclusion: The national theatre, as a specific form of artistic expression and exploration of reality, in a multiethnic Russian society in the Soviet pre-war period is a complex and controversial issue that requires complex study. Management system national theatres in the period of their widespread existence in Petrograd – Leningrad depended on the political and socio-economic situation in the country, was in line with the national policy of the RCP(b)-VKP(b). By the end of the 1930s in Leningrad were eliminated almost all the theatres of national minorities (except the Jewish).

Keywords: national theatre; national minorities; the Petersburg – Petrograd – Leningrad people's Commissariat of education (Narcompros, or NCP); the people's Commissariat for nationalities (Narkomnats); the Commissariat for nationalities (Komnats); the Theatre division (teo) of NKP; Propaganda; trade Union of workers of arts (Sorabis, or Rabis).

Великий русский драматург А. Н. Островский писал: «Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же как и академии, университеты, музеи. Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык – значительный и незначительный, самостоятельный и несамостоятельный» [1, с. 160].

Любительские спектакли на разных языках ставились в многонациональном Петербурге силами диаспор уже в последней трети XIX века. Постановка пьес прежде всего национального репертуара давала возможность реализовать в организованных формах богатый творческий потенциал, не находивший выхода в доминирующем культурном окружении, придать публичность культурной жизни национальных диаспор, вывести ее из

узких рамок преимущественно конфессионального и семейного круга на обозрение широкой общественности, в том числе иноязычной и инациональной. Собственное приобщение участников и творцов спектаклей к национальной культуре в этом случае приобретало и просветительный характер, привлекало к культурной работе всех компатриотов-земляков. С другой стороны, богатая русская и западноевропейская драматургия – как классическая, так и современная – побуждала к расширению репертуара, стимулировала не просто знакомство с другими культурами, но и их творческое освоение. Постановка актуальных социальных пьес, как оригинальных, созданных на родном языке, так и переводных, эмоционально-психологически включала национальные диаспоры в общий контекст происходящих событий. Именно национальные любительские, а впоследствии полупрофессиональные и профессиональные труппы и театры в самой естественной и доступной форме способствовали преодолению относительной культурной замкнутости национальных меньшинств и включению их культуры в общегородскую, формированию общей, национально многокомпонентной петербургской культуры.

В феврале 1873 года эстонский общественный деятель, писатель и композитор К. А. Херманн поставил в Петербурге пьесу немецкого драматурга А. В. Иффланда «Холостяки» в вольной переработке («эстонизации») применительно к своему времени под названием «В городе и деревне» [2, с. 83]. С начала 1870-х годов в Петербурге, в Финском клубе ремесленников, устраивались и театральные представления на финском языке [3, с. 37–38]. Первый любительский спектакль в Петербурге на грузинском языке состоялся в начале 1880-х годов: в Клубе художников была поставлена пьеса З. Антонова «Затмение солнца в Грузии» [4, с. 252]. В 1883 году в Петербурге был основан польский театр, большинство спектаклей которого труппа давала в Павловске. Драматические коллективы любителей работали при многих польских обществах [5, с. 33]. С 1892 года в Петербурге действовало литовское любительское театральное объединение (руководитель Л. Винклер) при Литовско-жмудском благотворительном обществе, в представлениях участвовало до 50 человек [6, с. 330; 7, с. 549]. В 1907 году состоялся первый спектакль на латгальском наречии по пьесе классика латышской литературы Р. Блауманиса «Воры», сыгранный силами театрального кружка при латгальском Музыкальном собрании латышей [8, с. 29]. Самодеятельные спектакли на белорусском языке ставили члены Белорусского литературного кружка студентов Петербургского университета, и одной из первых постановок в феврале 1913 года стала «Павлинка» Я. Купалы [5, с. 12].

В годы Первой мировой войны в связи с наплывом беженцев из западных губерний России значительно активизировалась культурная жизнь национальных меньшинств Петрограда. Эвакуировались и большие творческие силы, иногда даже целые коллективы, и основная их часть оседала в Петрограде, пополняя культурный актив национальных диаспор. К осени 1917 года в Петрограде работали два польских театра – любительский Народный театр под руководством Б. Болеславского и профессиональный Художественно-

литературный театр во главе с С. Кедржиньским; Новый петроградский латышский театр во главе с А. Амтманом-Бриедитом; два литовских любительских театральные объединения – студия «Летучий театр» под руководством Ю. Вайчука и Петербургский артистический кружок под управлением К. Глинкиса; Эстонское культурное бюро при Петроградском комитете эстонских солдатских депутатов, ставившее актуальные одноактные пьесы-агитки, и полупрофессиональные театральные труппы под управлением О. Петерсона, Д. Пыдрам-Таго, Д. Отсинга, в ноябре 1917 года объединившиеся в Эстонское театральное общество с намерением создать профессиональный театр [2, с. 96; 6, с. 323, 328, 330–331; 9, с. 284–285]. Действовали также многочисленные драматические кружки при различных национально-культурных обществах.

* * *

Февральская революция 1917 года открыла шлюзы для социального и художественного творчества рабочих и солдатских масс. На Первой Петроградской пролетарской просветительской конференции 16–19 октября 1917 года, в которой приняли участие 208 делегатов от всех пролетарских культурно-просветительных организаций, в том числе национальных, среди других документов была принята и специальная резолюция «По театру». Конференция признавала необходимым учредить Центральный социалистический театр, который объединил бы все рабочие и солдатские театры Петрограда и пригородов и репертуар которого мог бы «пробудить в массах творческую энергию, радостные восприятия жизни, бодрость, жажду к неустанной борьбе за лучшее будущее» [10, с. 4].

Развитие и углубление революции, превращение народных масс в субъектов – непосредственных творцов истории – усиливало интерес к сценическому искусству. Увлечение театром было повсеместным: практически при всех клубах национальных меньшинств Петрограда работали драматические кружки или любительские театральные труппы, одних эстонских музыкально-драматических кружков в 1919–1920 годах в Северной области было около пятидесяти [11].

Григорий Авлов в 1922 году писал о «безудержно-стихийной тяге широких масс к театру» в революционную эпоху, когда «в театральные залы буквально вломился новый зритель» [12, с. 15]. В первые послереволюционные годы театр стал самым массовым и наиболее распространенным искусством. Люди, активно стремившиеся переустроить свою жизнь по идеалам справедливости, нуждались в активном, деятельном искусстве, и театр воспринимался ими как часть революционной действительности. Захватывающее сценическое действие было интересно и понятно самым широким слоям населения, втянутым в круговорот исторических событий начала XX века в России, а положительные персонажи на сцене воспринимались как представители революционного народа из зала. Воздействие театральных представлений на неискушенных зрителей было таким глубоким, что вызывало даже ассоциации с религиозным действием. Любопытно свидетельство М. И. Калинина в его речи на 5-м

Всесоюзном съезде работников искусств 25 мая 1925 года: «Помнится, было это лет пять назад. Я был на квартире у Владимира Ильича, и там мы разговорились о том, чем заменить религию? Владимир Ильич мыслил так, что, пожалуй, кроме театра, нет ни одного института, ни одного органа, которым мы могли бы заменить религию. Ведь мало религию уничтожить и тем освободить человечество совершенно от страшнейших пут религиозности, надо религию эту чем-нибудь заменить, и тов. Ленин говорит, что место религии займет театр. Отсюда видно, какое огромное значение придавал Владимир Ильич театру» [13, с. 3].

* * *

После Октябрьской революции новая государственная власть взяла театральное дело под свою эгиду: 9 (22) ноября 1917 года декрет Совета народных комиссаров передал театры в ведение Государственной комиссии по просвещению, преобразованной вскоре в Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос). В январе 1918 года был учрежден Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса, на который возлагались обязанности «давать местам директивы общего характера по управлению театральным делом» [14, с. 140–143]. Одним из важных шагов ТЕО НКП стало опубликование в феврале 1919 года обращения «Ко всем национальностям России», в котором провозглашалось: «В свободной России нет более понятия национальностей угнетенных или хотя бы второстепенных; многообразие всех национальных культур отныне достаточно места на широкой русской равнине». В качестве практической задачи отдела ставилось «создание условий для возникновения и процветания театра и драматургии и среди тех национальностей России, которые до сих пор находились либо в стесненном положении, либо вовсе театра еще не имели», для чего при ТЕО была образована особая Коллегия национальных меньшинств, призванная на практике проводить идеи революционного театра на национальных языках. Обращение завершилось призывом: «...станемте дружно работать во славу искусства, да будет театр не одно праздное зрелище, но и всех объединяющая высокая радость» [15, с. 3].

Принятые тогда же «Основные положения о Театральной коллегии национальных меньшинств при Театральном отделе Народного комиссариата по просвещению» конкретизировали ее задачи: инициировать создание национальных театров, содействовать объединению творческих и научных сил в области театра, готовить кадры, формировать репертуар (как национальный, так и переводной) и обеспечивать техническую сторону дела (перевод, печатание пьес, а также их переделка, адаптация «для постановки в самых глухих местах наиболее выдающихся произведений классического репертуара»), издавать литературу по театру на родных языках нацменьшинств и т. д. Коллегия состояла из отдельных самостоятельных национальных секций [16, с. 8].

Создание Театральной коллегии национальных меньшинств (в 1921 году преобразована в подотдел, в ведение которого входили украинский, латышский, польский, финский, еврейский, белорусский, эстонский,

башкирский и армянский театры РСФСР) [17, с. 4] было давно назревшим, даже несколько запоздалым решением, учитывая массовую и повсеместную тягу к театру, что делало его искусством «по самому существу ... наиболее революционным и актуальным», как вполне обоснованно сказано в обращении ТЕО НКП «Ко всем национальностям России».

Театральное дело на Северо-Западе Российской Федерации в 1918–1919 годах находилось в ведении Отдела театров и зрелищ Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области (СКСО). Отдел был создан 11 октября 1918 года в Петрограде – центре Северной области – и возглавлялся комиссаром, эту должность занимала известная актриса и общественный деятель Мария Федоровна Андреева. Для решения творческих вопросов при отделе функционировал Художественный совет, в состав которого входили Максим Горький, Федор Шаляпин, нарком просвещения А. Луначарский, художники А. Бенуа, М. Добужинский и другие [18, с. 2–3].

Несмотря на различные организационные преобразования советских учреждений, театр оставался в компетенции Народного комиссариата по просвещению (Управление петроградских (ленинградских) государственных театров Наркомпроса РСФСР, 1917–1937 годов) и его местных подразделений. В Петрограде – Ленинграде с 1919 года театры стали подведомственны губернскому (с 1927 года – областному) отделу народного образования (Губоно – Облоно), в системе которого существовали специальные организации по руководству театрами: Петроградское (Ленинградское) театральное управление Губернского отдела народного образования (1919–1925), Театральный совет при Облоно, Управление театрально-зрелищных предприятий при Облоно, Ленинградский совет по делам искусств (Ленискусство), Ленинградское управление передвижными театрами, Ленинградское областное управление театрами, Ленинградский областной трест театров и другие. В 1936 году были созданы Управления по делам искусств Ленинградских городского и областного исполнительных комитетов Советов депутатов.

* * *

Самыми распространенными и доходчивыми формами художественного воздействия на массы в период революции были концерты-митинги и театрализованные представления на актуальные темы. Эти массовые, во многом стихийные представления, в которых почти стиралась грань между участниками и зрителями, теоретически обосновывали деятели Пролеткульта – организации, возникшей в сентябре 1917 года, а затем находившейся при НКП как «добровольная организация пролетарской самодеятельности» во всех областях культуры, в особенности в литературе и театре. Основной постулат Пролеткульта – создание новой, чисто пролетарской культуры самим пролетариатом – в области театра трансформировался в идею нерасчлененности сцены и зала, артистов и зрителей: вся масса людей, приходящая на спектакль, должна объединиться в театральном действе, одновременно и творя, и воспринимая его [6, с. 199]. Не будучи государственной организацией, Пролеткульт претендовал на идейную

монополию в новой культуре, а организационно – на автономность, и эти обстоятельства не устраивали власть. Что же касается классовой идеологии, то она была общей и для Пролеткульта, и для советских государственных органов. Так, в 1918–1919 годах национальные отделы Комиссариата по делам национальностей (Комнаца) Союза коммун Северной области (СКСО), центром которой был Петроград, ставили задачу преобразовать театр, «искореняя в нем все буржуазное», и создать из рабочих группы любителей «для концертов-митингов и музыкальных вечеров в строго революционном духе», а также сетовали на бедность «классово выдержанного» репертуара, из-за чего театральные труппы были вынуждены ставить «глупые фарсы» [19; 20]. Газета Наркомнаца «Жизнь национальностей» 25 мая 1919 года в статье «Значение национальных комиссариатов» специально указывала на важную задачу – «бороться с влиянием национальной романтики, националистической поэзии... контролировать работу театральных деятелей».

В 1918 году в Петрограде одновременно работали и старые, дореволюционные, и новые советские национальные театральные коллективы. Их деятельность дополняла друг друга, создавая многоцветную картину культурной жизни национальных меньшинств. Часть национальных театров, сформированных из эвакуированных во время Первой мировой войны актеров, возвращалась на родину (польские театры, Новый петроградский латышский театр). Две литовские петроградские труппы – студия «Летучий театр» в 1918 году и Петербургский артистический кружок в 1919 году – переехали в Вильнюс, затем в Каунас, где в январе 1920 года сложились в профессиональный национальный театр драмы [6, с. 330–331, 333]. В этот же период петроградские подразделения Наркомпроса и Наркомнаца, а также созданные в 1918 году национальные Пролеткульты – латышский, эстонский и литовский – стремились реорганизовать ранее созданные театры, пополнить профессиональными актерами новые рабочие и красноармейские театры, добиться постановки только революционного или четко социально направленного репертуара, осуществлять общее руководство труппами.

Эстонская труппа О. Петерсона летом 1918 года была преобразована в Театр эстонского пролеткульта. В сентябре того же года латышская театральная студия превратилась в Петроградский латышский рабочий театр. Оба театра проработали год, а затем были закрыты из-за отсутствия финансирования. В 1921 году они были воссозданы в качестве национальных агиттеатров, тогда же был образован и Финский театр. В 1920–1921 годах работала театральная студия при латгальском клубе «Виниба». Вскоре, в условиях нэпа, все они превратились в драмкружки при домах просвещения.

В 1918–1921 годах многие советские театральные коллективы Петрограда были пролеткультовскими как по идеологии и репертуару, так и по формам своего существования и сценической выразительности и в этом качестве вполне соответствовали и уровню основной массы зрителей, и агитационным задачам момента – театр должен был стать рычагом революционного воздействия на массы, возбуждать их революционный энтузиазм. Такой театр был естествен на митингах, на фронте, на революционных народных празднествах, то есть в

чрезвычайных условиях революционного переворота и народного триумфа, но мало подходил для мирной жизни, повседневного труда, воспитания чувств. Бескомпромиссно отвергая старую «буржуазную» культуру, деятели Пролеткульта отсекали и национальную составляющую «пролетарской» культуры (кроме языка), что было особенно опасно для национальных меньшинств, так как неоправданно ускоряло их культурную ассимиляцию. Доминирование агитации над художественным творчеством, с одной стороны, а также авангардистские формы творчества, с другой, мало способствовали культурному просвещению масс.

Упрощенный пролеткультовский подход к принципиальным вопросам преемственности культуры уже в 1920-е годы вызывал серьезную критику. В 1922 году в «Еженедельнике Петроградских государственных академических театров», в юбилейном номере, посвященном пятой годовщине Октябрьской революции, была опубликована передовая статья наркома просвещения А. В. Луначарского. В ней подчеркивалось: «Ни на минуту не отказываясь от того положения, что пролетариат в культуре произведет величайшие изменения, что культура будущего будет носить на своем челе его печать и превзойдет все, что знало прошлое человечество, мы, вместе с тем, твердо полагаем, что пролетариат лишь постепенно, во всяком случае, в годы и в годы, созреет в России для такой роли и что в промежуточный период ему надо будет напряженно учиться старой культуре, умело просеивая ее и критически ее усваивая, осторожно строя свои собственные выводы, свое собственное творчество, начиная с фундаментальных камней его. Народный комиссариат по просвещению с самого начала стоял на этой точке зрения и считал очень важным, во-первых, сохранить лучшие достижения старой культуры и, во-вторых, приблизить ее к пролетариату» [21, с. 5]. О необходимости воспринять в качестве наследства величайшие общечеловеческие ценности, которые «по духу своему не являются привилегией одного какого-либо класса», писал и Г. Авлов этом же номере «Еженедельника» [12, с. 15].

* * *

Однако даже в период самой высокой активности Пролеткульта и его относительной автономии от других советских организаций культуры (до конца 1920 года) [22, с. 197–200] его влияние не распространялось на все национальные театры Петрограда. Речь идет о еврейском (создан в 1918 году) и украинском (создан в 1919 году) театрах.

К началу 1920-х годов постоянное население национальных меньшинств Петрограда располагало различными культурно-просветительными учреждениями (школы, курсы, клубы, библиотеки), но среди них недоставало профессиональных художественных коллективов. Кроме евреев и украинцев, другие национальные группы не имели в тот период своих театров, хотя неоднократные попытки их создания свидетельствуют о сильной потребности в такой форме художественного самовыражения. Интересно намерение властей создать для зрителей разных национальностей общий театр. В декабре 1920 года «Жизнь искусства» сообщала, что с 1 января 1921 года Украинский театр

(пр. Володарского, д. 51) преобразовывается в Театр национальных меньшинств, в котором будут проходить спектакли на украинском, польском, латышском и эстонском языках [23, с. 3]. Через две недели появилось сообщение, что с января 1921 года в Украинском театре еженедельно будут проходить спектакли на латышском языке [24, с. 3]. Однако это намерение не было осуществлено, и в феврале 1922 года в той же газете вновь появился анонс об открытии такого театра, но теперь спектакли в нем предполагались на литовском, финском, латышском и польском языках [25, с. 7]. По отчету Петроградского отдела Наркомнаца, на 1 сентября 1921 года в Петрограде работали четыре национальных театра и три студии [ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10681. Л. 4]. В документе они не названы, но речь, скорее всего, идет об украинском, финском, эстонском, латышском театрах, а также о польской, еврейской и латгальской студиях.

В начале 1920-х годов в Петрограде появилось много цыган, выступавших в театрах миниатюр. «Жизнь искусства» отмечала в 1922 году, что «в искусстве цыган произошла некоторая эволюция. Они выступают не только как хоровые коллективы, но и в качестве драматических актеров. Недавно в одном из театров шла пьеса “Цыганская свадьба”, разыгрываемая цыганами. Конечно, сценическая техника цыган довольно еще примитивна, но все же *“театр национальных меньшинств”* обогатился еще одним – цыганским» [26, с. 7].

В силу главным образом материальных затруднений начала нэпа, а также сомнительной обоснованности объединения всех национальных трупп единый театр национальных меньшинств Петрограда не состоялся, но часть профессиональных национальных коллективов продолжали свою деятельность. Кроме того, при всех петроградских-ленинградских национальных клубах и домах просвещения работали драмкружки или самостоятельные театральные студии. Некоторые из них оказались весьма жизнеспособными и получали административную и материальную поддержку властей. Это зависело также от непосредственной социально-политической и демографической ситуации (большой наплыв татар и башкир из голодающего Поволжья в начале 1920-х годов, позже – рост татарского населения города, привлекаемого на стройки пятилеток, пребывание польских военнопленных в 1921–1922 годах), но всегда находилось в русле проводимой в тот или иной период политики в национальном вопросе.

* * *

Введение в 1921 году нэпа сильно отразилось на состоянии культурных учреждений в стране в целом. Резко сократилось государственное финансирование, вследствие чего многие клубы и театры закрылись, а оставшиеся в основном переводились на хозрасчетные отношения. Огромное число работников культуры, в первую очередь художественной интеллигенции, стали безработными. Социально-экономическую поддержку и организационно-хозяйственное обслуживание художественной интеллигенции в Советской России, затем в СССР осуществлял профессиональный союз работников искусств Рабис (Сорабис), созданный в 1919 году как Всероссийский, а с 1924

года ставший Всесоюзным. Эта игравшая важную роль добровольная профессиональная организация стала жизненно необходимой в годы нэпа. Для борьбы с безработицей среди работников искусств создавались специальные секции Рабис – Секрабисы, которые напрямую сотрудничали с биржами труда и губернскими (с 1927 года областными) отделами труда. Их деятельность состояла в регистрации безработных художников, актеров, музыкантов для последующей организации официальных трудовых коллективов. Такие коллективы работали под контролем отделов труда и местных отделов Рабиса, пользовались правами юридического лица (уменьшение налогов и других обложений), им должно было оказываться всяческое содействие (получение помещения, реквизита, костюмов, транспортных средств и т. п.). Трудовые коллективы избирали из своей среды ответственного руководителя или правление, которое утверждалось и смещалось местными секрабисами по соглашению с Союзом работников искусств. Вознаграждение за труд члены коллективов получали в размере, установленном правлением и утвержденном союзом Рабис. Трудколлективы имели право также на получение финансовой помощи от профсоюза.

Секция работников искусств при Петроградской бирже труда была образована на основании постановления Наркомата труда СССР от 26 октября 1923 года № 127. Через год, 21 октября 1924 года на базе этой секции было создано Посредническое бюро по найму работников искусств Ленинградского губернского отдела труда (Ленпосредрабис). 1 марта 1926 года Посредбюро было ликвидировано с передачей его функций Секции работников искусств Ленинградской биржи труда, которая с 1 января 1928 года была реорганизована и переименована в Северо-Западное отделение Центрального посреднического бюро по найму работников искусств Наркомата труда СССР. (В обиходе это учреждение по-прежнему именовалось Ленинградским Посредрабисом, о чем свидетельствуют публикации в журнале «Рабочий и театр» еще и в 1930 году). Отделение было ликвидировано в 1931 году [ЦГАЛИ СПб. Ф. 110. Оп. 1. Справка] в связи с официальным искоренением безработицы в стране.

Северо-Западное отделение Центропосредрабиса находилось на набережной Мойки, д. 83. Во главе отделения долгое время стоял Х. В. Керве.

При реорганизации Ленпосредрабиса в марте 1926 года некоторые театральные трудколлективы перешли в ведение Объединения предприятий и коллективов из безработных при Ленинградской бирже труда (Кронверкский пр., д. 49), образовав коллектив «Рабис», работавший до 1930 года. Уполномоченным Управления коллектива «Рабис» был И. И. Казик, заведующим художественной частью – М. М. Давыдов [27, с. 205].

В сентябре 1925 года на учете в Ленинградском Посредрабисе состояло 2810 человек, из них эстрадников 210, артистов экрана 81, оркестрантов 569, пианистов 15, дирижеров 3, артистов оперы 219, артистов драмы 920, художников 274, научных работников 90, технического персонала 290 человек. За пять месяцев, с мая по сентябрь 1925 года, Посредрабисом было организовано 44 трудовых коллектива с участием свыше 650 человек [28, с. 22].

В начале 1929 года в Ленинграде из 12 тысяч членов Профсоюза работников искусств 4 тысячи были безработными [29, с. 11].

Трудовые коллективы были временными, зарабатывали мало, часто распадались, а театральные вообще создавались на один сезон или на период гастролей, после чего расформировывались. Не имея достаточного заработка, лица творческих профессий искали другие источники существования. В случае нахождения работы по найму они переставали быть безработными и считались самозакрепившимися, а занятия репетиторством, работой по договору, временной подработкой и т. п. могли быть отнесены даже к частному предпринимательству. Во всех этих случаях они снимались с учета в Посредрабисе и не могли рассчитывать на помощь в трудоустройстве.

Постоянно работающие комиссии при областных Театральных советах регулярно пересматривали списки театральных трудколлективов, допуская к работе одни и запрещая другие. Большинство театральных коллективов Рабис представляли собой передвижные театры, положение которых было самым уязвимым. Коллегия Наркомтруда от 8 октября 1928 года признала необходимым в дальнейшем «с бóльшим вниманием отнестись к трудколлективам Рабис и констатировала их безусловное право на получение дотационных сумм как трудовой помощи». В 1927/28 финансовом году такая дотация по всем коллективам Ленинградского Рабиса составила 57,4 тысячи рублей. Весной 1929 года в Ленинграде работали 39 передвижных театральных трудколлективов, объединявших 736 человек [29, с. 11]. Созданная при Ленинградском областном театральном совете специальная комиссия по пересмотру театральных коллективов в новом сезоне допустила к работе лишь 29 из них [30, с. 15]. Однако Театральный совет утвердил список только из 25 театров, и среди них Этнографический и Украинский театры, а остальные должны были быть расформированы. Совет руководствовался следующими критериями отбора: «Считаются ликвидированными и распущенными бесчисленные халтурные коллективы и ансамбли, зачастую состоявшие из “громкого названия, ловкого администратора и группы ничего не умеющих людей”... Впредь организация передвижных коллективов допускается только при управлении трудколлективами и только по инициативе Посредрабиса, с согласия Облотнодела Союза и утверждения Областного театрального совета». Трудовая судьба остальных была бесперспективной: «Всем клубным, домпросветовским, военным и жактовским площадкам категорически запрещается приглашать коллективы и ансамбли, не вошедшие в список» [31, с. 13].

В марте 1930 года Областной совет по делам искусства и литературы (Ленискусство) был реорганизован в художественный сектор Облоно с постоянным инспекторским аппаратом для наблюдения за работой на местах [32, с. 14].

В октябре – ноябре 1930 года Ленинградский Посредрабис провел массовую проверку-чистку состоявших на его учете художественных сил. Принимались во внимание «художественная квалификация проверяемых, их общественное лицо, актуальность жанра, действительный источник средств к

существованию и др.». Результаты «превзошли все ожидания»: из проходивших проверку 3422 человек к концу года было снято с учета 1453, у 109 человек была снижена категория. Из 634 артистов драмы на учете было оставлено только 189 [33, с. 14; 34, с. 16].

* * *

Особенно сложным было положение актеров театров национальных меньшинств, ограниченная численность и языковая специфичность зрительской аудитории которых не позволяли им нормально работать без дотаций из бюджета. И все же петроградские-ленинградские еврейские и украинские театральные трудовые коллективы, распадаясь и организуясь вновь, продолжали свою деятельность на всем протяжении 1920-х годов. Только татарско-башкирская (мусульманская) труппа (1922–1923) в чрезвычайных условиях голода в Поволжье имела особый статус театра при Петроградской комиссии Помгола (помощи голодающим). Другие национальные театры в условиях нэпа перешли в разряд драмкружков при соответствующих домах просвещения и продолжали свою работу в качестве любительских коллективов разного художественного уровня. Потенциал некоторых из них был достаточно высоким, чтобы претендовать на статус профессиональной труппы, и к началу 1930-х годов они становились театрами при ДПР – эстонский, финский, татарский, латышский театры, польская театральная студия, еврейский театр рабочей молодежи.

«Коренной перелом» в развитии страны, связанный со свертыванием нэпа и началом форсированного строительства социализма, потребовал более внимательного отношения к национальным проблемам в целом, в том числе в области искусства. В мае 1929 года в журнале «Жизнь искусства» появилась передовая статья его главного редактора Гайка Адонца «Больше внимания национальному театру!», в которой автор констатировал большие успехи в культурной революции у различных национальностей СССР, развитие или зарождение национального театра. «Правда, национальный театр еще слаб, он делает лишь первые шаги, он еще элементарен, примитивен, бесконечно далек от формальных и художественных достижений русского и некоторых других театров, он еще очень беден репертуаром и еще беднее – квалифицированными силами. Он еще очень молод, но в самой молодости его много хорошего, положительного: он не поражен традициями и недугами, свойственными его старшим братьям, ему не суждено быть на службе у отмирающего, упаднического класса – буржуазии. Питаясь здоровыми соками народного творчества, призванный к жизни волею трудовых народных масс, ведущих великую социалистическую стройку, он не рискует заболеть старыми театральными недугами, а может прямо шагать по путям, проложенным и прокладываемым советским послеоктябрьским театром». Однако молодость национального театра требует особой заботы: «...он еще слишком слаб, чтобы обходиться без забот и внимания со стороны как государства, так и широкой советской общественности, не только национальных республик и областей, но и всего Советского Союза», иначе он может «не только захиреть, но и – что,

пожалуй, еще хуже – пойти по линии наименьшего сопротивления – засориться чуждыми тенденциями, *попасть под влияние классово-чуждых групп*, все еще достаточно активных для того, чтобы не упустить ни малейшей возможности использовать такое могучее орудие, как театр» (курсив мой. – Т. С.). Особенно сложное положение было у театров национальных меньшинств вне национальных республик и областей: «...до сих пор не сделано абсолютно ничего для упорядочения и оздоровления дела театрального обслуживания ряда национальностей, распыленных по всему Советскому Союзу». Статья заканчивается призывом: «Вопросы национального театра, вопросы театрального обслуживания национальных меньшинств должны быть постоянно в центре внимания советской общественности» [35, с. 1].

7 октября 1930 года Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление о перестройке системы руководства театрами, где был специальный пункт о расширении и укреплении сети национальных театров [36, с. 2]. В Ленинграде на основании этого постановления финский, эстонский, татарский и китайский драмкружки при соответствующих домах просвещения (китайский – при Доме народов Востока) в 1930–1932 годах были преобразованы в профессиональные театры.

27 декабря 1932 года Президиум Ленинградского облисполкома и Ленсовета принял постановление «О театрально-художественном обслуживании области», пункт первый которого гласил: «В целях планомерного развертывания театрально-художественного обслуживания силами профессиональных театров создать при Облоно Ленинградское областное управление театрами “ЛОУТ” как хозрасчетную единицу». Среди семнадцати театров, подведомственных новой структуре, были три ленинградских национальных театра – Финский, Эстонский и Татарский [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 31. Л. 101]. Они получили статус передвижных колхозных театров, хотя продолжали базироваться в своих национальных домах просвещения.

Через год директор ЛОУТ И. Кацман подал докладную записку о реорганизации работы в области; в ней содержались предложения и по национальным театрам. «Особого внимания заслуживают нацментеатры (татарский, финский, эстонский), которые ведут свою работу среди населения, слабо владеющего русским языком, расположенных в районах группы А (приграничные территории. – Т. С.), на новостройках и на Дальнем Севере. Однако этим театрам не уделяется достаточного внимания, в том числе и со стороны ЛОУТ, поэтому их работа страдает как отсутствием репертуара, необходимых квалифицированных кадров, а также материальной базы. ЛОУТ считает необходимым принять ряд мер по созданию условий для дальнейшей работы нацментеатров. Особенно финского путем укрепления кадрами, привлечения нацменсекции Орг. Комитета писателей к созданию репертуара и улучшения материальной базы этих театров» [там же, л. 105].

Финансирование национальных колхозных театров осуществлял ЛОУТ, но часть средств они зарабатывали сами. Несмотря на востребованность этих театров, они были финансово убыточными и не могли работать без дотаций. За

1933 год убыток Финского театра составил почти 54 тысячи рублей, Эстонского – 45 тысяч, Татарского – ок. 48 тысяч. Ожидаемый убыток в 1934 году достигал 50,2 тысячи рублей для Финского и по 30 тысяч для двух других театров. Эти суммы были включены в справку по дополнительному финансированию ЛОУТ [там же, л. 106]. Финский театр давал самый большой убыток в связи со значительным превышением численности финского населения (128 тысяч человек) по сравнению с другими национальными меньшинствами области. Планировавшееся снижение убыточности объяснялось наличием уже подготовленного репертуара и, следовательно, уменьшением расходов на новые постановки, а также улучшением работы театров.

Преемником ЛОУТ в 1937 году стал Ленинградский областной театральный трест (ЛОТТ), в состав которого входили Финский и Эстонский театры (Татарский был ликвидирован осенью 1935 года).

В 1933 году открылся Еврейский ТРАМ, в 1934 году получила статус профессионального коллектива Польская театральная студия, в 1935 году – Латышский театр-студия. Эти театры финансировались (хотя и недостаточно) массовым отделом Ленсовета, курировавшим национальные дома просвещения. Латышскому театру оказывало весомую поддержку Всесоюзное латышское просветительное общество «Прометей». В целом нацменсектор массового отдела Ленсовета ходатайствовал перед Наркомпросом РСФСР о дотации национальным театрам города в сумме 192 тысячи рублей [ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 7. Д. 1. Л. 8 об.].

Особняком стоит Государственный Украинский театр «Жовтень» (1930 – январь 1932) – единственный национальный театр Ленинграда, имевший статус государственного и созданный преимущественно из профессиональных актеров разных театров Украины. Театр находился в ведении Совета национальных театров Наркомпроса РСФСР [см.: 37].

В Ленинграде работали также уникальные театры, официально именуемые «театрами особых форм». Это Интернациональный театр (Интерн-театр) (1930) при МОПРе, спектакли в котором ставились на пяти языках, а его аудиторией в основном были иностранные специалисты и рабочие, занятые на ленинградских предприятиях. Это Этнографический театр Русского музея (1930–1932 и 1934–1936) с несколькими национальными труппами, постановки которого были основаны на фольклоре – преимущественно русском и цыганском. Первым в истории театром малочисленных народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока был «Театр тайги и тундры» при Институте народов Севера (1930–1936) [см.: 38] Своеобразную попытку творческого использования традиций классического китайского театра для постановки революционного репертуара предпринял полупрофессиональный Китайский театр при Доме народов Востока.

В 1936 году в системе Ленинградского управления передвижными театрами было создано Объединение этнографических и национальных ансамблей (Красная ул., д. 33), в которое входили три коллектива: Этнографический ансамбль песни и пляски народов Сибири и Дальнего Востока (художественный руководитель Б. Н. Сальмонт), Закавказский

ансамбль песни и пляски Грузии, Армении и Азербайджана, Ансамбль цыганской песни и пляски (художественный руководитель А. Д. Николаев-Шевырев) [39, с. 50].

С конца 1920-х годов Ленинград стал одним из центров подготовки национальных актерских кадров в специальных национальных студиях Ленинградского художественного политехникума, впоследствии Театрального училища, Техникума сценических искусств и далее – Театрального института. Первой такой студией была финская (1928–1931) под художественным руководством К. Тверского, педагогом в которой был будущий основатель Финского театра в Петрозаводске Рагнар Нюрстрем, сам писавший пьесы под псевдонимом Р. Руско. За время учебы студенты поставили «Идущие впереди» Л. Гренлунд, «Учитель» Р. Руско, «Хлеб» В. Киршона. В 1930-е годы в Ленинграде работали также коми студия (1932–1936, худрук Н. Комаровская), казахская (1934–1938, худрук В. Меркурьев), белорусская (1933–1937, худрук Б. Жуковский) [40, с. 170]. Все они вносили ощутимый вклад в культурную жизнь своих национальных диаспор, сотрудничали с домами просвещения, а финская также давала выездные спектакли в Ленинградской области.

В 1937 году была набрана юго-осетинская студия (худрук Л. Вивьен), в 1938 году – карело-финская (руководители Б. Сушкевич, О. Альшиц, Е. Головинская), в 1939 году – хакасская (худрук И. Фрид). Тогда же впервые на профессиональной основе стали готовить кадры для ненецкого (ненецкая студия, 1938–1940, худрук Л. Макарьев) и якутского (якутская студия, 1940–1942, руководители Е. Лепковская и Л. Макарьев) театров [40, с. 170–171].

* * *

Уже в начале 1920-х годов обнаружилась «жгучая» проблема советского театра – жесточайший репертуарный кризис: «...театр, как наиболее действенное искусство, должен был стать и проводником новых идей, для чего требовал новую литературу, а она не поспевала» [13, с. 16]. Нехватка оригинального (на родном языке) драматургического материала, соответствовавшего политической конъюнктуре и социальному заказу времени, особенно ощущалась в национальных театрах, и эта ситуация в 1920–1930-е годы была практически перманентной. Искусство в условиях культурной революции неизбежно было политизированным и классово ориентированным, и к театру предъявлялись повышенные требования. В мае 1928 года в Москве прошло партийное совещание по вопросам театра, одна из директив которого указывала на необходимость «установления большей связи с пролетарской и широкой советской общественностью» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 16. Л. 13]. В постановлении СНК РСФСР «Решительно перестроить систему руководства театрами» (1930) констатировалось, что «...театры недостаточно еще выполняют свое назначение служить орудием совершающейся в стране культурной революции», а среди поставленных задач был пункт: «Обеспечить рост советской драматургии и еще более приблизить ее произведения к требованиям социалистического строительства» [36, с. 2]. При этом агитация часто доминировала над художественным творчеством, что отнюдь не

способствовало восприятию декларируемых постулатов, о чем предупреждал в 1929 году А. В. Луначарский: «Неумелая потуга воспользоваться художественным языком для пропаганды идеи может чрезвычайно скомпрометировать эту идею» [41, с. 11].

Но сначала национальный репертуар следовало накопить и обеспечить его систематизированное хранение. В первые послереволюционные годы (1918–1920) фонд драматургической литературы в Центральной библиотеке русской драмы (ныне Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека) количественно значительно вырос, причем он пополнился многочисленными изданиями и рукописями на разных языках, ранее не представленных в библиотеке. Справка библиотеки свидетельствует, что «книжный инвентарь» (видимо, не названий, а экземпляров) русского репертуара за этот период увеличился с 16 532 единиц до 63 225, немецкого – с 3860 до около 6000. А других иноязычных пьес в библиотеке в 1918 году просто не было, количество их экземпляров дается по состоянию на 1920 год, чаще всего в приблизительных цифрах в связи с тем, что их не успели полностью описать, а также из-за недостатка работников, знающих эти языки. На польском и эстонском языках в библиотеке было примерно по одной тысяче экземпляров, на украинском – около 700, на еврейском – около 400, шведском – около 100, на армянском – 36, грузинском – 24, литовском – 14, татарском – 52, якутском – 1 и эсперанто – 5 экземпляров. Каталог латышской (с латгальским наречием) драматической литературы (около двух тысяч экземпляров) составил латышский писатель и драматург Р. Блаумант, и предполагалось опубликовать его «ввиду экстренно встретившейся надобности». Было закончено описание финской литературы (около двухсот экземпляров). Собрание библиотеки состояло преимущественно из рукописей, часто автографов [42, с. 294–295].

Контроль за репертуаром советских театров осуществлял Главный репертуарный комитет (Главрепертком) Наркомпроса. 12 февраля 1926 года он разослал всем губернским, областным и краевым цензурным комитетам циркуляр под грифом «секретно». На основании полученных отчетов с мест, афиш и корреспонденций в театральных журналах Главрепертком пришел к выводу, что «к делу выдачи разрешений на постановку новых пьес места относятся иногда слишком легко и сплошь и рядом разрешают такие пьесы, которые, будучи идеологически невыдержанными, а зачастую и вредными, срывают проведение единой последовательной линии в области контроля над репертуаром на периферии». В связи с этим Главрепертком постановил, что ни одно произведение театрально-музыкального характера, не числящееся в списках разрешенных комитетом пьес, «не может быть разрешено к постановке до получения разрешения от ГРК». При этом «новыми» считались «все рукописные пьесы безусловно, а печатные издания – 1923 года и позже». Отдельным пунктом оговаривалась необходимость проверки пьес «на языках нацменьшинств»: в Главрепертком следовало присылать лишь написанные на немецком, польском, еврейском, белорусском, украинском, латышском, эстонском и мордовском языках [ЦГАЛИ СПб. Ф. 31. Оп. 2. Д. 34. Л. 42].

19 июня 1928 года Коллегия НКП заслушала отчет о деятельности Главреперткома и одобрила его линию «в политике регулирования репертуара театра и кино, сводящуюся к пресечению попыток проникновения на сцену враждебных пролетариату влияний, элементов упадничества и антипролетарских настроений». Была подтверждена правильность подхода Главреперткома «к оценке художественных произведений, сводившейся к недопущению на сцену и экран произведений, насыщенных и агитирующих за:

- а) классовое примирение,
- б) мелко-буржуазный пацифизм,
- в) анархо-индивидуализм,
- г) бандитизм и романтику уголовщины,
- д) идеализацию хулиганства,
- е) апологию пьянства и наркомании,
- ж) бульварщину (дешевая “сенсация”, адюльтер, богема, “высший свет”, судебные процессы),
- з) обывательщину (идеализация “святости” мещанской семьи, уюта, рабства женщины, частной собственности и т. д.),
- и) упадничество и психопатологию,
- к) порнографию и сексуализм,
- л) *дешевую примитивную советскую агитацию, дающую обратный эффект* (курсив мой. – Т. С.),
- м) извращение и карикатуру на советский быт,
- н) культивирование буржуазной салонщины,
- о) кулацко-народническую идеализацию старой и новой деревни,
- п) идеализацию исторического прошлого в классово-неприемлемом духе.

В основу оценки произведений был положен принцип их социально-политической значимости. В связи с этим принципом Главрепертком устанавливал новый метод оценки разрешенного репертуара, вводя следующие категории: «литера А – рекомендуемые [произведения], Б – по своему идеологическому и художественному качеству, не встречающие возражений к постановке, В – развлекательные, социально наименее значимые, идеологически недостаточно выдержанные, Г – агитационные, для деревенского и клубного репертуара» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 16. Л. 13].

Из пьес национального репертуара в 1928 году в списке запрещенных пьес значилась еврейская комедия «Поташ и Перламутр», но были разрешены с литерой А комедия на идиш «Ша! Дер Ребе фурт» Б. Юнгвица и с литерой В – одноактная пьеса «Коммунист» неизвестного автора «на древнееврейском языке»; украинская пьеса Я. Мамонтова «Республика на колесах» была разрешена с литерой Б «с купюрами», а по поводу пьесы Н. Шаповаленко на польскую тему «Альбина Мегурская» решили «вопрос о литеровке оставить до просмотровой репетиции» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 16. Л. 21; Д. 24. Л. 41, 49, 50 об., 65, 117 об.; Оп. 2. Д. 6. Л. 3 об.].

С середины 1930-х годов в условиях изменения советской национальной политики репертуар национальных театров особенно тщательно стали анализировать с идеологической точки зрения, «помня слова тов. Сталина о

том, что драматургия в настоящее время является самым могучим орудием воздействия на психологию широких масс» [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. Л. 118]. Осуждалась постановка разрешенных, но признаваемых критикой «аполитичными» и «националистическими» пьес, к каковым стали относить, по существу, всю национальную драматургию, созданную до 1917 года и тем более те редкие в репертуаре театров пьесы современных авторов, которые жили в буржуазных (со второй половины 1930-х годов их уже называли фашистскими) Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше. Возобладало мнение, что в основе репертуара должны быть «советские пьесы – только они воспитывают зрителя в духе советского патриотизма, в коммунистическом духе» [ЦГАИПД СПб. Оп. 8. Д. 345. Л. 26].

* * *

Финский, Эстонский, Латышский и Китайский театры продолжали работать до конца 1937 года, но тучи над ними сгущались – ведь это были культурные учреждения так называемых «зарубежных национальных меньшинств», рассматриваемых советской государственной машиной как «пятая колонна» враждебных СССР государств. Особенно подозрительным было наличие в составе этих театральных коллективов иностранных граждан, политэмигрантов и перебежчиков, а также лиц, родившихся за границей или имевших там родственников. Степень владения русским языком служила еще одним мерилom благонадежности, а далеко не все сотрудники национальных театров (особенно финны и китайцы) его знали. Развертывание репрессий по национальному признаку, появление в 1937 году особых «национальных приказов» НКВД предрешили судьбу этих учреждений культуры.

* * *

Художественные коллективы других этнических меньшинств, не имевших «своих» иностранных государств, а потому считавшихся «советскими нацменьшинствами», имели шанс продолжать работу, хотя их статус чаще всего снижался до кружков самодеятельности. Но все национальные организации подозревались в пропаганде буржуазного национализма, а желание национальных меньшинств, живших дисперсно, сохранить свой язык и значимые элементы культуры стало расцениваться как контрреволюционное сопротивление партийной линии на сближение наций и народностей СССР. Именно этим обосновывалась ликвидация специализированных культурно-просветительных учреждений – национальных домов просвещения, служивших базой для театров, театральных студий, художественных ансамблей, – что на практике означало ликвидацию всех этих коллективов.

Партийные документы свидетельствуют, что политическая кампания по уничтожению организованных форм культурной жизни национальных меньшинств Ленинграда шла в обстановке настоящей социальной истерии. Тексты заполнены не просто обвинениями национальных организаций в самых страшных идеологических и политических грехах, не только в шпионаже и диверсионной работе, но и саморазоблачительными констатациями: мол, никто

не контролировал и не направлял их работу (чего не могло быть по определению), и поэтому они превратились в «гнезда контрреволюции». Спрашивается, а где же были и чем занимались вездесущие партийные кураторы?

4 октября 1937 года бюро горкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О политической и культурно-просветительной работе среди трудящихся нацменьшинств». В принятом постановлении отмечалось, что эта работа «крайне запущена, а в ряде важнейших звеньев (немецкий, польский и финский национальные Дома просвещения) оказалась захваченной шпионскими, вредительскими и диверсионными элементами, длительное время безнаказанно проводившими подрывную работу. Партийные, профсоюзные, комсомольские и советские организации самоустранились от этой важнейшей работы. *Политическое и культурное обслуживание нацменьшинств целиком было передоверено национальным домам просвещения* (курсив мой. – Т. С.), что приводило к искусственному обособлению нацменьшинств от всей массы трудящихся и облегчало деятельность шпионских, вредительских и националистических элементов». В связи с этим было принято решение все существовавшие на тот момент национальные ДПР домпросветы – финский, еврейский, эстонский, польский, немецкий, татарский, латышский и народов Востока – ликвидировать [ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 878. Л. 3].

Осенью 1937 года секретарь обкома ВКП(б) В. Цветков направил второму секретарю А. А. Кузнецову «Предложения о ликвидации национальных культурно-просветительных учреждений, являющихся рассадником буржуазного национализма» [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2215. Л. 36–40]. В этой докладной записке констатировалось, что «национальные учреждения, школы, детские дома, газеты и издательства, передвижные театры, ансамбли и т. д. превратились в очаги подрывной буржуазно-националистической работы врагов народа, направленной к ослаблению единства народов СССР и играющей на руку японо-германской фашистской агентуре». Художественные национальные коллективы характеризовались как находившиеся вне какого-либо руководства и контроля, в силу чего «были использованы троцкистско-бухаринской и националистической агентурой фашизма для спланирования контрреволюционных националистических элементов, шпионажа и вредительства». В связи с этим Ленсовету предлагалось «немедленно ликвидировать латышские, эстонские, финские, китайский и армянский драмколлективы, передвижные театры и ансамбли, являющиеся рассадниками буржуазного национализма и очагами враждебной работы» (п. 5) и «обсудить вопрос о необходимости существования национальных художественных коллективов и ансамблей, а именно: еврейского, татарского, казахского, цыганского, народов Кавказа, китайского детского и т. д.» (п. 6).

Эти предложения были поддержаны членами бюро горкома (протокол № 10 от 11 ноября 1937 года) [ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2-а. Д. 35. Л. 2] и вошли в проект постановления бюро обкома ВКП(б) от 20 декабря 1937 года «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях» в следующей редакции: «Предложить Облисполкому и Ленинградскому Совету

РК и КД к 1 января 1938 года ликвидировать латышские, эстонские, финские, китайский драмколлективы и передвижные театры» (п. 7) [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2(II). Д. 2092. Л. 63]. В справке «О ликвидации национальных школ и других культурно-просветительных учреждений» от 8 марта 1938 года указано, что их ликвидация произошла по решению Облисполкома от 25 февраля 1938 года [там же, л. 57].

Многие актеры, режиссеры и другие сотрудники национальных художественных коллективов в 1937–1938 годах были репрессированы.

Летом 1939 года в связи с новой политической обстановкой был создан Ленинградский государственный ансамбль еврейской комедии, проработавший до осени 1941 года, а затем эвакуированный в Уфу. Другие национальные театральные коллективы не возродились.

Многие национальные театры 1930-х гг. имели большой творческий потенциал, массового зрителя не только в Ленинграде и области, но и в других регионах России и СССР, были довольно крепкими профессиональными коллективами. Административное прекращение их деятельности, не вызванное обоснованными объективными причинами, прервало художественную традицию национальных меньшинств и нанесло урон ленинградской культуре в целом.

Происходящее в настоящее время возрождение национальной культурной жизни многоликого Петербурга опирается на богатый опыт разнообразных организаций и учреждений культуры, ранее работавших в нашем городе. Творческие вузы Петербурга продолжают подготовку художественных кадров для национальных республик Российской Федерации и ближнего зарубежья.

Список литературы

1. Островский А. Н. Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время // Полное собрание сочинений. Т. 12: Статьи о театре. Записки. Речи. 1859–1886. – М.: Гослитиздат, 1952. – 392 с.
2. Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // Старый Петербург: историко-этнографические исследования. – Л.: Наука, 1982. – С. 80–97.
3. Михайленко В. В., Романова Н. М. Национальные культурно-просветительные учреждения Санкт-Петербурга (XVIII–XX вв.): адресная книга. – СПб.: Единый научно-методический центр Комитета по культуре и туризму мэрии Санкт-Петербурга, 1993. – 70 с.
4. Горгидзе М. Грузины в Петербурге. Страницы летописи культурных связей. – Тбилиси: Мерани, 1976. – 408 с.
5. Михайленко В. В., Романова Н. М., Смирнова Т. М. Культура многонационального Петербурга: культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств. Вып. 2. – СПб., 1992. – 46 с.
6. История советского драматического театра: в 6 т. Т. 1. 1917–1920 / отв. ред. К. Л. Рудницкий. – М.: Наука, 1966. – 407 с.

7. Керзум А. П., Лейкинд О. Л., Северюхин Д. Я. Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918: историческая энциклопедия. – СПб.: Лики России, 2016. – 750 с.
8. Приедите И. Э. Общественно-культурные организации латышей-латгальцев в Петербурге // Этнография Петербурга – Ленинграда. – Л.: Наука, 1987. – С. 26–29.
9. Spustek I. Polacy w Petrogradzie 1914–1917. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. – 465 s.
10. Пролетарская культура // Известия. – 1918. – № 1.
11. Журнал «Жизнь национальностей». – М. – 1920. – 7 ноября.
12. Авлов Г. На переломе // Еженедельник Петроградских Государственных Академических театров. – 1922. – № 8.
13. Ленин и театр // Рабочий и театр. – 1929. – № 4. – 20 января.
14. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Выпуск 1. – М.: Государственное издательство, 1919. – 204 с.
15. Ко всем национальностям России: Обращение Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению // Театр. – 1987. – № 1.
16. Временник Театрального отдела Народного Комиссариата по просвещению. – Пг.–М. – 1919. – Выпуск 2 (февраль).
17. Театр и музыка // Петроградская правда. – 1921. – 13 января.
18. Газета «Жизнь искусства». – 1919. – 11 апреля.
19. Газета «Северная Коммуна». – 1918. – 25 августа.
20. Журнал «Жизнь национальностей». – М. – 1919. – 24 августа.
21. Луначарский А. В. Передовая статья // Еженедельник Петроградских государственных академических театров. – 1922. – № 8.
22. О Пролеткультах. Резолюция ЦК РКП(б) от 1 декабря 1920 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1924. – М.: Политиздат, 1970. – 544 с.
23. Хроника // Жизнь искусства. – 1920. – 7–8–9 декабря.
24. Хроника // Жизнь искусства. – 1920. – 24–25–26 декабря.
25. Хроника // Жизнь искусства. – 1922. – 7 февраля.
26. Двинский М. Негативы. Цыганский театр // Жизнь искусства. – 1922. – № 37 (19 сентября).
27. Театральный и музыкальный справочник на 1929 год по СССР. – М.–Л.: Теа-кино-печать, 1929. – 352 с.
28. Ленинградский Посредрабис // Жизнь искусства. – 1925. – № 37 (15 сентября).
29. Еще о передвижных театрах // Рабочий и театр. – 1929. – № 11 (10 марта).
30. Работа трудколлективов // Жизнь искусства. – 1929. – № 36 (8 сентября).
31. Отбор произведен // Рабочий и театр. – 1929. – № 37 (15 сентября).
32. Новости искусства // Рабочий и театр. – 1930. – № 16 (21 марта).

33. Итоги проверки безработных // Рабочий и театр. – 1930. – № 62–63 (20 ноября).
34. Итоги чистки Посредрабиса // Рабочий и театр. – 1930. – № 68–69 (21 декабря).
35. Больше внимания национальному театру! // Жизнь искусства. – 1929. – № 21 (26 мая).
36. Журнал «Рабочий и театр». – 1930. – № 58–59 (31 октября).
37. Смирнова Т. М. «Не так склалось, як ждалось»: Украинский государственный театр в Ленинграде (из истории советской культурной политики) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2015. – № 1. – С. 57–85 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1576> (дата обращения 01.09.2016).
38. Смирнова Т. М. «Театр тайги и тундры» – встреча двух миров // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2015. – № 4. – С. 12–25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=1929> (дата обращения 01.09.2016).
39. Театральный Ленинград. Сборник статей и информационных материалов по ленинградским театрам. – Л.–М.: Искусство, 1937. – 170 с.
40. Национальные студии ЛГИТМиК: сборник научных трудов. Выпуск 3. – Л.: ЛГИТМиК, 1988. – 177 с.
41. Луначарский А. В. Классовая борьба в искусстве // Искусство. – 1929. – № 1–2.
42. Центральная библиотека русской драмы // Бирюч Петроградских Государственных театров. – 1921. – Сб. II. – С. 292–300.

Архивные материалы

- ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.
- Ф. 16 – Ленинградский губернский комитет ВКП(б) (1917–1927).
- Ф. 24 – Ленинградский областной комитет КПСС (1927–1991).
- Ф. 25 – Ленинградский городской комитет КПСС (1931–1991).
- ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
- Ф. 31 – Ленинградский губернский отдел Главного управления по делам литературы и издательств Наркомпроса (1922–1927).
- Ф. 110 – Северо-Западное отделение Центрального посреднического бюро по найму работников искусств (Центрпосредрабис) Наркомтруда СССР (1924–1931).
- Ф. 258 – Национальные дома просвещения Отдела массовой политико-культурно-просветительной работы Ленсовета (1918–1937).
- Ф. 281 – Ленинградский областной и городской отдел по делам литературы и издательств Наркомпроса СССР (1927–1936).

References

1. Ostrovskiy A. N. A Note about the Situation in the Dramatics in Russia Presently [Zapiska o polozhenii dramaticheskogo iskusstva v Rossii v nastoyashee vremya]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 12. Stati o teatre. Zapiski. Rechi. 1859–1886* (Complete Works. Vol 12. Articles about Theatre. Notes. Speeches. 1859–1886). Moscow, Goslitizdat, 1952, 392 p.
2. Samoylov V. A. Estonian Theatre and Some Particularities of Cultural Life of Estonians in Petersburg (1873–1917 years) [Estonskiy teatr i nekotorye osobennosti kulturnoy zhizni estontsev v Peterburge (1873–1917 gg.)]. *Staryy Peterburg: istoriko-etnograficheskie issledovaniya* (Old Petersburg: Historical and Ethnographic Researches). Leningrad, Nauka, 1982, pp. 80–97.
3. Mikhaylenko V. V., Romanova N. M. National Cultural and Educative Institutions of Saint Petersburg (XVIII–XX Centuries): The Address Book [Natsionalnye kulturno-prosvetitelnye uchrezhdeniya Sankt-Peterburga (XVIII–XX vv.): adresnaya kniga]. Saint Petersburg, Edinyy nauchno-metodicheskiiy tsentr Komiteta po kulture i turizmu merii Sankt-Peterburga, 1993, 70 p.
4. Gorgidze M. Georgians in Petersburg. The Pages of Cultural Communications Chronicles [Gruziny v Peterburge. Stranitsy letopisi kulturnykh svyazey]. Tbilisi, Merani, 1976, 408 p.
5. Mikhaylenko V. V., Romanova N. M., Smirnova T. M. Culture of Multi-National Petersburg: Cultural and Educative Work among the Minorities. Issue 2 [Kultura mnogonatsionalnogo Peterburga: kulturno-prosvetitelnaya rabota sredi natsionalnykh menshinstv. Vyp. 2]. Saint Petersburg, 1992, 46 p.
6. Rudnitskiy K. L. (Ed.) History of Soviet Drama Theatre: in 6 Vol. Vol. 1: 1917–1920 [Istoriya sovetskogo dramaticheskogo teatra: v 6 t. T. 1. 1917–1920]. Moscow, Nauka, 1966, 407 p.
7. Kerzum A. P., Leykind O. L., Severyukhin D. Ya. Charity in Saint Petersburg 1703–1918: Historical Encyclopedia [Blagotvoritelnost v Sankt-Peterburge 1703–1918: istoricheskaya entsiklopediya]. Saint Petersburg, Liki Rossii, 2016, 750 p.
8. Priedite I. E. Socio-Cultural Institutions of Latgians in Petersburg [Obschestvenno-kulturnye organizatsii latyshey-latgaltsev v Peterburge] *Etnografiya Peterburga – Leningrada* (Ethnography of Petersburg – Leningrad). Leningrad, Nauka, 1987, pp. 26–29.
9. Spustek I. Poles in Petrograd 1914–1917 [Polacy w Petrogradzie 1914–1917]. Warsaw, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966, 465 p.
10. Proletarian Culture [Proletarskaya kultura]. *Izvestiya* (Reports), 1918, № 1.
11. *Zhizn natsionalnostey* (Magazine “Life of Nationalities”), Moscow, 7 November 1920.
12. Avlov G. On the Break [Na perelome]. *Ezhenedelnik Petrogradskikh Gosudarstvennykh Akademicheskikh teatrov* (Weekly Magazine of Petrograd State Academic Theatres), 1922, № 8.
13. Lenin and Theatre [Lenin i teatr]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1929, № 4 (20 January).
14. Collected Decrees and Resolutions of Workers’ and Peasants Government on National Education. Issue 1 [Sbornik dekretov i postanovleniy rabocheho i

krestyanskogo pravitelstva po narodnomu obrazovaniyu. Vypusk 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1919, 204 p.

15. To All Nationalities of Russia: The Theatre Department of the Ministry of Education Appeal [Ko vsem natsionalnostyam Rossii: Obrashchenie Teatralnogo otdela Narodnogo komissariata po prosvescheniyu]. *Teatr* (Theatre), 1987, № 1.

16. The Chronicle of the Theatre Department of the Ministry of Education [*Vremennik Teatralnogo otdela Narodnogo Komissariata po prosvescheniyu*]. Petrograd–Moscow, 1919, Issue 2 (February).

17. Theatre and Music [Teatr i muzyka]. *Petrogradskaya Pravda* (Petrograd Truth), 13 January 1921.

18. *Zhizn iskusstva* (Newspaper “The Life of Art”), 1919, 11 April.

19. *Severnaya Kommuna* (Newspaper “Nothern Commune”), 1918, 25 August.

20. *Zhizn natsionalnostey* (Magazine “Life of Nationalities”), Moscow, 1919, 24 August.

21. Lunacharskiy A. V. Peredovaya statya [Editorial]. *Ezhenedelnik Petrogradskikh gosudarstvennykh akademicheskikh teatrov* (Weekly Magazine of Petrograd State Academic Theatres), 1922, № 8.

22. About Proletarian Culture. The Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1 December 1920 [O Proletkultakh. Rezolyutsiya TsK RKP(b) ot 1 dekabrya 1920 g.]. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 2: 1917–1924* (The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Congress, Conferences and Plenums Decisions). Moscow, Politizdat, 1970, 544 p.

23. Chronicle [Khronika]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1920, 7–8–9 December.

24. Chronicle [Khronika]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1920, 24–25–26 December.

25. Chronicle [Khronika]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1922, 22 February.

26. Dvinskiy M. Negatives. Gipsy Theatre [Negativy. Tsyganskiy teatr]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1922, № 37 (19 September).

27. Theatre and Musical Guide Book in the USSR in 1929 [*Teatralnyy i muzykalnyy spravochnik na 1929 god po SSSR*]. Moscow–Leningrad, Tea-kino-pechat, 1929, 352 p.

28. Leningrad Posredrabis [Leningradskiy Posredrabis]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1925, № 37 (15 September).

29. Some More about Traveling Theaters [Esche o peredvizhnykh teatrah]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1929, № 11 (10 March).

30. The Work of Labor Collectives [Rabota trudkollektivov]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1929, № 36 (8 September).

31. The Selection Is Carries Out [Otbor proizveden]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1929, № 37 (15 September).

32. News of the Art [Novosti iskusstva]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 16 (21 March).

33. The Results of the Check-Up of Unemployment [Itogi proverki bezrabortnykh]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 62–63 (20 November).

34. The Results of the Posredrabis Clean-Up [Itogi chistki Posredrabisa]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 68–69 (21 December).

35. More Attention to the National Theatre! [Bolshe vnimaniya natsionalnomu teatru!]. *Zhizn iskusstva* (The Life of Art), 1929, № 21 (26 May).

36. *Rabochiy i teatr* (Magazine “Worker and Theatre”), 1930, № 58–59 (31 October).

37. Smirnova T. M. “Man Proposes, God Disposes”: The Ukrainian State Theatre in Leningrad (From the History of the Soviet Cultural Policy) [“Ne tak sklalosya, yak zhdalosya”: Ukrainskiy gosudarstvennyy teatr v Leningrade (iz istorii sovetskoy kulturnoy politiki)] *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2015, № 1, pp. 57–85. Available at: <http://fikio.ru/?p=1576> (accessed 01 September 2016).

38. Smirnova T. M. “The Taiga and Tundra Theatre” – Two Worlds Meeting [“Teatr taygi i tundry” – vstrecha dvukh mirov]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2015, № 4, pp. 12–25. Available at: <http://fikio.ru/?p=1929> (accessed 01 September 2016).

39. Theatrical Leningrad. Collected Articles and Information Materials about Leningrad Theatres [*Teatralnyy Leningrad. Sbornik statey i informatsionnykh materialov po leningradskim teatram*]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo, 1937, 170 p.

40. National Studios of LSITMC: Collected Works. Issue 3 [*Natsionalnye studii LGITMiK: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3*]. Leningrad, LGITMiK, 1988, 177 p.

41. Lunacharskiy A. V. Class Struggle in Art [Klassovaya borba v iskusstve]. *Iskusstvo* (Art), 1929, № 1–2.

42. Central Library of Russian Drama [Tsentralnaya biblioteka russkoy dramy]. *Biryuch Petrogradskikh Gosudarstvennykh teatrov* (Herald of Petrograd State Theatres), 1921, Part. II, pp. 292–300.

Archives

TsGAIPD SPb – Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg [*Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga*].

F. 16 – Leningrad Province Committee of All-Union Communist Party of Bolsheviks (1917–1927) [*Leningradskiy gubernskiy komitet VKP(b) (1917–1927)*].

F. 24 – Leningrad Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union (1927–1991) [*Leningradskiy oblastnoy komitet KPSS (1927–1991)*].

F. 25 – Leningrad City Committee of the Communist Party of the Soviet Union (1931–1991) [*Leningradskiy gorodskoy komitet KPSS (1931–1991)*].

TsGALI SPb – Central State Archive of Literature and Art of Saint Petersburg [*Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga*].

F. 31 – Leningrad Province Department of General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press under the People's Commissariat for

Education (1922–1927) [*Leningradskiy gubernskiy otдел Glavnogo upravleniya po delam literatury i izdatelstv Narkomprosa (1922–1927)*].

F. 110 – North-Western Department of the Central Artists Recruiting Mediatory Bureau of the People's Commissariat for Labour of the USSR (1924–1931) [*Severo-Zapadnoe otделение Tsentralnogo posrednicheskogo byuro po naymu rabotnikov iskusstv (Tsentrposredrabis) Narkomtruda SSSR (1924–1931)*].

F. 258 – National Education Houses of the Department of the Mass Political, Cultural and Educational Work of the Leningrad State Council (1918–1937) [*Natsionalnye doma prosvescheniya Otdela massovoy politiko-kulturno-prosvetitelnoy raboty Lensoveta (1918–1937)*].

F. 281 – Leningrad Regional and City Department for the Protection of State Secrets in the Press under the People's Commissariat for Education (1927–1936) [*Leningradskiy oblastnoy i gorodskoy otдел po delam literatury i izdatelstv Narkomprosa SSSR (1927–1936)*].

УДК 008 (103)

Консюмеризм и реклама в романе Ф. Бегбедера «99 франков»^{*}

Ильин Алексей Николаевич – федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра практической психологии, доцент, кандидат философских наук, Омск, Россия.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская 4а, ауд. 117,
тел: 8-950-338-15-73.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Общество потребления в целом и реклама в частности – предметы рассмотрения как ученых, так и деятелей искусства. Реклама – важный элемент инфраструктуры потребления. До сих пор нет единой теории рекламы, единого мнения о характере ее воздействия на личность и культуру.

Результаты: В романе Ф. Бегбедера «99 франков» описываются особенности функционирования рекламы и раскрывается ее манипулятивный характер. Проникновение рекламы в образовательные учреждения приводит к коммерциализации школы и к ряду негативных социокультурных явлений. Рекламный дискурс по своему содержанию иррационален. Абсурдизация характерна как для рекламы, так и для антирекламы. В целом реклама и антиреклама содержательно близки.

Выводы: Реклама не выдерживает моральной критики. Однако имеются психологические защиты, которые могут применять рекламисты при рефлексии своей деятельности. Роман Бегбедера весьма циничен, но именно своим цинизмом он дискредитирует цинизм, присущий рекламе.

Ключевые слова: Бегбедер; Октав; реклама; антиреклама; общество потребления.

Consumerism and Advertising in F. Beigbeder's Novel "99 Francs"

Ilin Alexey Nikolaevich – Omsk State Pedagogical University, Department of Applied Psychology, associate Professor, Ph. D (Philosophy), Omsk, Russia.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

Ap. 117, Partizanskaja st., 4a, Omsk, 644086, Russia,
tel: 8-950-338-15-73.

Background: The consumer society in general and advertising in particular are studied by both scientists and artists. Advertising is an important element of consumption infrastructure. There has not been any general theory of advertising so far, its impact on personality and culture.

^{*} © А. Н. Ильин, 2016.

Results: In his novel “99 Francs” F. Beigbeder describes some features of advertising functioning and reveals its manipulative character. The penetration of advertising into educational institutions results in school commercialization and in a number of negative socio-cultural phenomena. Advertising discourse in its content is irrational. The absurd characterizes both advertising and anti-advertising. In general, advertising and anti-advertising are closely connected in their content.

Conclusion: Advertising cannot withstand moral criticism. There is, however, psychological defense, which can be applied by advertisers as their activity reflection. Beigbeder's novel is quite cynical, but it is his cynicism that discredits the cynicism inherent in advertising.

Keywords: Beigbeder; Octave; advertising; anti-advertising; consumer society.

Современное общество потребления характеризуется мощнейшей пропагандой товаров и услуг, которая осуществляется коммерческой рекламой. Реклама стала неотъемлемой частью нашего бытия, проникая буквально везде. Мы ее видим по телевизору, в Интернете, в лифте, на баннерах и биллбордах, в транспорте – перечислять места локализации рекламных призывов можно почти до бесконечности, так как практически все антропогенное пространство пестрит призывами покупать. Специфика функционирования рекламы представлена во многих научных работах философов, психологов, социологов, культурологов. Также ей посвящен ряд художественных произведений.

Роман Ф. Бегбедера «99 франков» [2] проникнут весьма изощренной, отчасти вульгарной и пошлой, сатирой на рекламу, рекламистов и общество потребления. Реклама и консюмеризм вполне заслуживают любой критики – в том числе максимально вульгарной. И автор это понимает.

Роман построен так, что в нем минимум событийности и максимум нарративности. Вместо описания фактов, разговоров, действий акцент делается на потоке сознания главного героя – Октава Паранго, который работает в рекламной сфере, но ненавидит свое дело, поскольку считает его социально вредным. Размышления героя (если убрать многочисленные грубости и колкие шуточки) по содержанию весьма философичны. В них изредка встречаются отсылки к изречениям и теориям философов (Платон, Барт, Грамши, Дебор и др.), содержится много мыслей, которые вполне адекватно отражают реальную действительность общества потребления, его подлинную сущность; конечно, слово «подлинный» применительно к кишачему симулякрами и рекламной мифологией обществу потребления не звучит. Поэтому текст романа, как и текст «Глобального человекика» А. Зиновьева или текст «Хищных вещей века» братьев Стругацких (при всем их различии по манере изложения, глубине мысли и проблематике) имеют сходное содержание и похожие оценки потребительства. В книге отмечается всеобщая коммерциализация, монетарность чувств и отношений, продажность мира. Вообще, «99 франков» – постмодернистский проект, в котором сопрягаются в едином пространстве грубая, доходящая до порнографии пошлятина и философские измышления.

Октав откровенно рассказывает о рекламе как об институции, подстегивающей постоянную покупку все новых и новых товаров, возбуждающую желание покупать и покупать через актуализацию в душе человека зависти и алчности. Рекламист для него – лжец, который определяет желания и выбор людей, решает сегодня, что люди захотят завтра, запрещает скучать и мешает думать, определяет истину, красоту и добро. И он получает огромные деньги за антисоциальную деятельность, за свою ложь. Как верно замечает Октав, не креатор оправдывает свою зарплату, а зарплата оправдывает его, реклама же говорит, что ситуация нормальна, даже когда она ненормальна. Девиз потребителя представлен как «трачу – следовательно существую». Счастливые люди, по мнению Октава, не потребляют.

Как заметил персонаж «99 франков», раньше, пытая людей, кричали «Ты у меня заговоришь», теперь декларируют: «Ты у меня захочешь». Паранго сравнивает рекламу с осуществляемой немецкими нацистами пропагандой, а совещания по созданию рекламы – с подлыми и предательскими мюнхенскими сговорами. Нельзя сказать, что он заходит слишком далеко, нарушает социальные табу и формы приличия и преувеличивает. Геббельсовские фразы «Мы добиваемся не правды, а эффекта», «Чем ложь грубее, тем легче ей верят» вполне характеризуют современную рекламу. Реклама же – это законное преступление, тоталитаризм с очаровательной улыбкой. Современную эпоху Октав называет рекламным тоталитаризмом, разновидностью фашизма, которая более тонка по своему влиянию, чем классический тоталитаризм. Это первая в истории система господства человека над человеком, против которой бессильна свобода. Система, в отличие от других форм тоталитаризма, превратила свободу в своё оружие. Любые критика и памфлеты только льстят ей, усиливают иллюзию ее терпимости. Даже непослушание теперь – форма послушания. Здесь мы наблюдаем, что Бегбедер подметил тенденцию, согласно которой система консюмеризма умело интегрирует нападки на себя, превращая антиконсюмеристский дискурс во вполне продаваемый товар.

Весь образ рекламного ролика, вся исходящая от него аура подчеркивают то, что, купив данный товар, ваше довольство не будет знать предела. Поэтому вниманию реципиента предлагается товар в ложной форме, придающей ему свойства, которыми он не обладает или обладает в намного меньшей мере. Идеальность, изысканность и яркость формируются специально, посредством гротескности, искусственности, гиперболизации, экзальтированности и фальши. Так вместо конкретного продукта продаются мечта, престиж, надежда. Рекламные образы содержат в себе предложение предела человеческих мечтаний о красоте, здоровье, счастье. Банальное представляется как чудесное, и посредством такого представления реклама отрывается от настоящих свойств вещей. Понятно, что, покупая мыло или шампунь, потребитель не достигнет обещанной рекламой совершенной красоты. Приобретая зубную пасту, он не сделает свои зубы такими же белыми, а улыбку – неотразимой, как показано в ролике. Реклама – это предложение не столько товара, сколько его мифологизированного идеального образа, с помощью которого товар наделяется характеристиками, позволяющими разрешить проблему,

несоизмеримую с использованием данного товара. Предлагая мечту, реклама продвигает всего лишь вещь, мифологизируя вещь, создавая между ней и мечтой неразрывную связь. Возникает парадокс между позиционированными рекламой и реальными качествами продвигаемого товара. Вместо логики реклама использует манипуляции, подрывающие логическое мышление. Реклама прибегает к следующим манипулятивным методам: антропологизация предлагаемых вещей, гипертрофирование их свойств (эффект превышения возможностей), отождествление противоположностей, массовое подчеркивание индивидуальности, использование квазиадресности и псевдоавторитетности и т. д. Рекламное мифотворчество минимизирует рациональные аспекты потребления. Не-восприятие влияния как навязанного внешним давлением выступает мерой успеха самого влияния. Следовательно, обвинение Октавом рекламы во лжи вполне обоснованно. В романе приводится целый список товаров с «мифической» полезностью (назовем это так): зубная паста не очищает зубы, а только освежает дыхание; жидкости для мытья посуды совершенно одинаковые; кремы от солнца защищают от безобидного ультрафиолета типа Б, но не от вредного типа А.

Потребительские установки детерминируются инфраструктурой как произведенных товаров, так и произведенной рекламой этих товаров. Наиболее широкий спектр занимает не информирующая (рациональная), а манипулирующая (нерациональная) реклама, на которую обращает внимание читателя Ф. Бегбедер. Функция информирования ей инверсируется, заменяется «функцией» псевдоинформирования. Реклама – не просто способ продвижения товаров и услуг, а форма производства желания, метатехнология создания стандартов поведения, социально-психологических установок, стереотипов сознания, ценностной системы. Обществу потребления навязывается мыслить рекламными штампами. Социум, опутанный рекламными сетями и пронизанный мириадами рекламных сообщений, следует именовать обществом иррационального коммерческого внушения.

Один из персонажей романа Ф. Бегбедера говорит, что Nestle запатентовала слово «счастье» (счастье принадлежит Nestle), а Pepsi стремится застолбить синий цвет, приобрести в собственность. Она финансирует образовательные программы, детям ведутся уроки на компьютерах Pepsi, они привыкают читать слово «пить» на принадлежащем компании синем фоне, а когда они смотрят в небо цвета Pepsi, у них блестят глаза цвета Pepsi, и при падении с велосипеда на их коленках образуются синяки цвета Pepsi. Это – художественная фантазия, но она основана на реалиях. Вовсе неудивительно, если синий цвет будет использоваться только в одном контексте – в контексте рекламной компании конкретной фирмы, и его уберут из всего городского пространства, с флагов и эмблем, с упаковок различных товаров и продуктов, в общем, отовсюду. Он станет эксклюзивной собственностью. Несложно представить, что в рыночном мире с его культом непогрешимости частной собственности и вездесущим рекламно-манипуляционным проникновением в скором времени возникнет тенденция патента, допустим, тех же эйфорических рекламных слов, как «счастье», «радость», «любовь», «вкус». В итоге только

один производитель будет иметь право использовать слово «радость», только его товар будет ее приносить, а другие – нет.

В книге говорится, что «Colgate» дарит видеокассеты учителям, чтобы те рассказывали детям о необходимости чистить зубы только данной пастой. Здесь Бегбедер уловил важную особенность современной рекламы – ее проникновение в школьное пространство. Действительно, в школах западных стран логотипы известных фирм можно увидеть ... практически везде. В документальном фильме «Дети-потребители. Коммерциализация детства» рассказывается о том, что коммерческая реклама размещается на школьных стенах и автобусах, в классах, в актовом и спортивных залах. Во время поездки на школьных автобусах детям включается реклама. Под видом педагогической практики учеников возят по магазинам – это называется образовательным явлением. Рекламу даже размещают на обложках учебников, тетрадей и дневников. В том числе в вузах реклама находит пристанище на скамейках, в коридорах, библиотеках, туалетах и т. д. Помимо этого коммерческие структуры используют образовательное время на исследование вкусов и предпочтений школьников и студентов: анкетирование, тестирование, опросы, дискуссии и т. д.

То есть в местах, которые призваны развивать, воспитывать и обучать, появляется коммерческая дискурсивная практика, наоборот, стереотипизирующая мышление детей и отправляющая антивоспитательное воздействие. Там, где всегда формировали образованную личность, возникает явление, приводящее к противоположным результатам. Хитрые маркетологи не упускают возможности взаимовыгодного сотрудничества с частными школами и вузами. Так, при недостатке государственного финансирования учебных заведений их руководство не гнушается заключать договоры с компаниями, которые финансируют учебное заведение, а в обмен размещают в нем рекламу своих товаров.

В 1998 г. из школы в штате Джорджия исключили ученика за то, что он надел футболку с рекламой Pepsi в «День кока-колы в школах». 600 ученикам школы велели надеть футболки с рекламой кока-колы и скандировать это слово на лужайке. Компания, производящая напиток, обещала школе заплатить за проведенную акцию [3], [7]. Очевидно, что воспитательное воздействие школ не предполагает празднование «дня Кока-Колы». Вместо этого должны отмечаться действительно национально важные события исторического масштаба. Но постмодернистский мир характерен тем, что национально значимые события ставятся в один ряд (или даже их значение принижается) с событиями, значимыми только для определенных фирм. Последние нередко сопрягаются с патриотической риторикой и потому воспитывают ложный патриотизм – приверженность не стране, не народу, а бренду. Нередко воспитание потребительства и буквально сектантской привязанности к брендам именуется патриотической программой. Даже если эти бренды являются национальными, а не иностранными, все равно абсурдно апеллировать к патриотизму. Во-первых, преданность бренду связана с потребительством, которое сопряжено с индивидуализмом, вещизмом и не приемлет духовных

ценностей, в том числе любви к Родине. Во-вторых, нация, национальная культура, история страны явно не редуцируется до какого-либо бренда, независимо от его истории и рыночного охвата. Если когда-нибудь мир разделится на страны с названиями «Procter & Gamble», «Coca-Cola», «Microsoft» (о чем фантазируют некоторые аналитики), тогда, с иронией заметим, более убедительно будет рассматривать навязывание преданности бренду как программу патриотического воспитания. Н. Кляйн приводит разные примеры того, как бизнес в Америке нарушает границы школьного пространства. Но мы не будем на них останавливаться.

Обосновываются соответствующие преломления учебного процесса тем, что они познавательны, что таким образом можно заинтересовать учеников и вызвать у них энтузиазм. Очевидно, здесь мы наблюдаем инверсию сути обучения и воспитания, подмену действительного образования неким «маркет-образованием» (назовем так это явление). Да, так проще учеников заинтересовать. Но неужели у образовательного процесса интерес – сверхценность, наиглавнейшая цель, «священная корова», ради которой должны быть брошены все усилия? Конечно, вовлеченность школьников в учебный процесс значительно его облегчает и усиливает его эффективность. Однако требования предъявляются и к предмету изучения. При изучении только того, что априори интересно, возникает риск уйти от действительных целей образования. Если ученику интересно читать комиксы, то на уроках литературы подвергать осмыслению нужно только их? А куда денется вся мировая классика? Преподаватель – совсем не та фигура, которая должна развлекать. Основанное (только!) на интересе, да еще интересе к аспектам потребительства, идеологическое обоснование и соответствующая стратегия поведения школ – удар по педагогике, по вырабатываемым на протяжении тысячелетий принципам педагогической науки и практики. Образование призвано формировать совсем не потребителя, и даже не «квалифицированного потребителя» (такую цель образования провозгласил экс-министр А. Фурсенко). Образование должно формировать интеллектуально и морально развитую личность и, соответственно, здоровое общество. Гениальные педагоги обосновывали цели, задачи, принципы и методы образования. А тут пришли далекие от науки и педагогической практики корпорации и стали решительно отметать многое из великого педагогического багажа – естественно, ради своего личного интереса, а не в целях общественного развития. Их деятельность, направленная на школу и вуз, и общественное развитие – явления несовместимые.

Невелика образовательная цена учебных заведений, которые зарабатывают деньги, синтезируя даваемые детям знания с рекламной (псевдо)информацией. Такой синтез вообще неуместен. Коммерциализированное учебное заведение теряет свое образовательное пространство, оно вымещается под натиском корпоративного вмешательства. Утрачиваются не отдельные функции учреждения, а сама его суть. Таким образом, школа рискует потерять свою «школьность», а вуз – «вузовость».

Коммерциализация, помимо серьезного надлома детского и студенческого

сознания, возвращения консюмеризма и обеднения учебного процесса, чревата антидемократизацией, попранием свободы дискутировать, обсуждать. Школа, продавшаяся бренду, вынуждена функционировать в логике этого бренда и, соответственно, подавлять «непристойные» и «нежелательные» дискуссии относительно корпорации-спонсора. В самом широком контексте, а не только в сфере образования, корпорации Запада и США активно борются с демократическими принципами, лоббируя законы об авторском праве, преследуя тех, кто критикует (причем вполне обоснованно) их деятельность. Именно свобода обсуждения – необходимый элемент науки, образовательного пространства, и, конечно, демократического общества. Запреты на критику, на публикации, на обсуждения связанных с коммерциализацией проблем и вообще на афиширование этих проблем – удар по демократии и специфике научной и преподавательской деятельности, в которых ради достижения объективности необходим учет совершенно разных аргументов, точек зрения, позиций, фактов. Но корпорациям объективность не нужна. Она разменивается на голый коммерческий интерес.

Читатель может оправдать школьное руководство, сказав, что ему каким-то образом деньги зарабатывать надо для сохранения своего учебного заведения. Тем более постоянно требуется обновлять школьную инфраструктуру – делать ремонт, закупать учебные материалы, канцелярию, оборудовать компьютерные классы и т. д. Да, либеральный капитализм едва ли позволяет учебным заведениям другими, более приемлемыми, способами, функционировать и развиваться; государственная поддержка школам минимизируется, и администрации приходится привлекать спонсоров со стороны. В этом и заключен порок данной системы. Сначала происходит либерализация с характерными для нее дерегулированием и приватизацией, государство уходит из экономики. Затем, как следствие, сокращаются дотации учебным заведениям, средства массовой информации, музеям и другим учреждениям культуры. Они поворачиваются лицом к бизнесу, ища у него поддержки. Но бизнесу неинтересно поддерживать «культуру ради культуры», «образование ради образования», «науку ради науки». Ему нужно из культуры, образования и науки сделать инструмент для повышения собственной капитализации, поставить их в услужение себе. Поэтому следует констатировать, что отход государства от экономической сферы является автоматически отходом от культурной сферы. Либерализация ведет к тому, что на откуп бизнесу отдаются пространство масс-медиа, школ и культурных учреждений. В результате градус коммерциализации растет со всеми вытекающими отсюда последствиями. Коммерциализируются нормы, ценности, учебные планы, произведения искусства и т. д. Данные тенденции не уходят от внимания Бегбедера, который, пусть и поверхностно, но все же актуализировал проблему взаимосвязи школы и рекламы.

Бегбедер приводит много слоганов на грани фола типа: «оргазм в любое время суток от наших славных проституток» (реклама федерации по легализации публичных домов). Подобный феномен «рекламной чувствительности», абсурдизации мы видим в романе российского автора

В. Пелевина «Поколение “П”». Например, для Nescafe слоган звучит так: «братан развел его втемную, но слил не его, а всех остальных». В принципе, такой лозунг вполне укладывается в атмосферу бандитских 90-х. Или название «Пантин про Ви» ложилось на рифму «Господи, благослови». Для презервативов такие слоганы: «БМВ в мире гондонов», «мал, да уд-ал» (для презервативов алого цвета). Слоган для Tampax: «Tampax Ultra Safe – красные не пройдут». Слоган для Tide: «Мочу нельзя отмыть кровью». Слоган для похоронного бюро: «Diamonds are not forever» («Бриллианты – не навсегда»). Слоган для Panasonic: «Panasonic – япона мать». Для рекламы Gucci использовался следующий ролик: в деревенском туалете сидит мужичок с похмельным лицом, которого представляют литературным обозревателем. Он начинает рассуждать о Пушкине, но раздаётся треск, и мужичок обрушивается в яму. Камера показывает поверхность темной жижи, из нее выныривает голова мужичка, который продолжает, ссылаясь на Крылова и Чаадаева, говорить о том, что живет не в Европе. Но что-то дергает обозревателя, и он погружается на дно туалетной ямы. Голос за кадром: «Gucci for men – будь европейцем, пахни лучше». В рекламе мониторов Сталин спрашивает Горького о своей трубке. Горький отвечает, что выбросил ее, так как вождь мирового пролетариата должен пользоваться только трубкой Тринитрон плюс [9]. В последнем примере мы видим спекуляцию рекламы на совершенно антипотребительском образе – образе Сталина. В романе Ф. Бегбедера находим такой пример «абсорбирующего абсурда», как продающий компьютеры Apple Махатма Ганди – святой, который одевался по-монашески, ходил босиком и не признавал техники. Реклама использует в своих целях антирекламный и антипотребительский дискурс так, что он превращается в источник прибыли. Революционный символ капитализируется, огламуливается, становится модным трендом, утратившим революционный запал. Идеология превращается в деидеологизированный, продаваемый модный стиль. Как у Бегбедера, так и у Пелевина соответствующие слоганы позиционируются не в качестве издевки над рекламным нарративом, а, напротив, именно как достойное лингвистическое средство продвижения товара.

Нередко реклама и антиреклама настолько переплетаются, что грань между ними трудно различима. То, что, казалось бы, в силу своей экстравагантности и эпатажа может быть насмешкой, «стебом» над рекламой, в реальности выступает вполне допустимым слоганом для продвижения продукта. Во-первых, в ряде случаев коммерческие фирмы абсорбируют антирекламный и антикапиталистический дискурс для дальнейшего самопозиционирования. Так антикапиталистические практики обогащают рекламный нарратив. Во-вторых, обычно реклама сама по себе абсурдна, поэтому приведенные слоганы выглядят не принципиально другими, не подчеркнута антирекламными, а всего лишь обладающими чуть большим градусом абсурда, нежели «официально» конструируемые словесные обороты. Если антиреклама – издевательство над рекламой, то реклама – зачастую издевательство над здравым смыслом. Если реклама использует абсурдные высказывания, чтобы пролоббировать товар, то антиреклама прибегает к

абсурдизации, чтобы показать абсурдность рекламы. В обоих случаях мы наблюдаем схожую тенденцию. Похоже, за счет абсурда достигается максимальный рыночный эффект.

Для наглядности рекламы на грани фола приведу пример недавно увиденного буклета. На листовке банка «Восточный» изображен радостный молодой человек на фоне рассыпающейся стены. Судя по мимике, он испытывает настолько сильное чувство радости, которое в реальной жизни мало кто и редко когда действительно ощущает. Впрочем, это характерно для рекламы вообще: повсеместно «герои листовок» позиционируются радостными и счастливыми. Разрушение стены здесь символизирует освобождение от кредитов. Вверху надпись: «Вырвись из плена кредитов», а снизу указано: «Кредит наличными. Объедини в один и плати меньше! От 16 % под залог недвижимости». При обращении к идее освобождения от кредитов дается посыл брать не кредит, а кредиты, только объединять их в один. Во-первых, мы здесь наблюдаем спекуляцию рекламы на чем-то ином – на освобождении от кредитов. Во-вторых, абсурд очевидный, поскольку понятно, что взятие кредита во множественном числе вовсе не ведет к освобождению от кредитов, а, наоборот, закабальет в большей степени, чем взятие кредита в единственном числе. Правильным было бы написать не «Вырвись из плена кредитов», а «Интегрируйся в плен объединенного кредита». Но такой призыв, несмотря на его реалистичность, для рекламы неприемлем – именно благодаря реалистичности.

На одном из семинаров студентка представила проект продвижения фитнес-клуба для домохозяек, но не придумала слоган. У меня, естественно, без претензии на серьезность, возникла идея «надоели поварешки – так пойдی же попляши». Студенты, засмеявшись, оценили шутку. Но шутка ли? Ведь примерно так выглядят многие рекламные ролики, созданные совсем не ради шутки, а для продвижения некоего товара или услуги. Так же и персонажи романов Бегбедера и Пелевина выдумывали абсурдные рекламные вариации вовсе не для упражнения в остроумии. Да, можно сказать, что это всего лишь художественные произведения, а не учебные пособия, и их авторы имели целью далеко не научить читателя конструированию рекламных слоганов и сюжетов. Но – опять же – такая ирония над рекламой во многом близка самой рекламе и не является ее антиподом.

Октав, продолжая работать рекламистом и при этом чувствуя вредность своей профессии, пытается найти некий компромисс, разрешение этого когнитивного диссонанса. И он начинает предлагать формы интеллектуальной рекламы, в которых все-таки продвигается обычный коммерческий продукт. В одной из них персонажи (две красивые девушки на пляже) ведут дискуссии на темы философии или математики и отпускают весьма заумные фразы; в конце, правда, типичным манипуляционным образом делается связка между рекламируемым продуктом, с одной стороны, и красотой и умственным развитием – с другой. Однако по понятным причинам руководство отказывается принимать предлагаемые Октавом проекты. Мол, людей нельзя считать дураками. Но вместе с тем предлагается помнить, что они дураки, и,

соответственно, создавать максимально примитивные в интеллектуальном содержании рекламные ролики.

Подсознательно желая, чтобы его уволили, Октав нюхает кокаин, нарушает трудовую дисциплину. В книге представлен моральный дуализм обычного человека, связанный с осознанием того, что «профессиональная» деятельность противоречит морали. Только этот дуализм не носит драматический характер, здесь нет места лирике, сентиментальному самобичеванию. Скорее, он представлен в виде самоиронии и сарказма по отношению к своим коллегам, к начальникам, к их и своей деятельности. Нередко сарказм переходит в откровенно грубую форму.

В романе, помимо жесточайшей критики рекламы, фигурирует критический анализ современной капиталистической цивилизации в целом. Речь идет о том, что генетики скрещивают то, что логика и здравый смысл не представляет в качестве возможного (например, человека и помидор или ягоду и рыбу, чтобы ягода не мерзла). Стоит отметить, что, действительно, современная генетика, успешно создающая ГМО, опередила здравый смысл, буквально победила его.

Ради максимизации прибыли производители инициируют перманентное потребление вещей и закладывают в производство моральное и физическое устаревание. Первое обеспечивается посредством моды и рекламы, когда декларируется, что вчерашний мобильный телефон уже не моден, не является показателем высокого статуса, что пальма модного первенства перешла к новой модели мобильного. Второе осуществляется с помощью «низких» технологий, когда вещи специально делаются недолговечными. Как моральное, так и физическое устаревание обеспечивает постоянный оборот вещей. Но это сильно бьет по экологии, ибо вследствие такого перепроизводства, во-первых, происходит гиперэксплуатация ресурсов (которая намного превышает необходимую для удовлетворения нормальных потребностей людей эксплуатации), а во-вторых, умножается количество выбросов в окружающую среду мусора. Эта тема тоже затронута в книге. Октав в своих размышлениях приходит к тому, что капиталисты готовы жертвовать человеческими жизнями и состоянием окружающей среды. Он приводит следующие примеры: сверхпрочные стиральные машины никто не производит; патент на нервущуюся нить для чулок одна из фирм колготок выкупила и отказалась налаживать это производство; патент на вечные шины тоже не востребован производством, хотя на дорогах гибнет огромное количество людей; нефтяное лобби, несмотря на загрязнение природы нефтепродуктами, активно тормозит распространение электромобилей. Однако автор при описании последнего примера в качестве критического аргумента приводит ссылку на парниковый эффект, что нам представляется несостоятельным. Ведь до сих пор не доказана неизбежность глобального потепления.

Сегодняшняя потребительская роскошь завтра становится нормой, и состояние удовлетворенности постоянно ускользает от своей поимки. Как отмечал Г. Дебор, предмет, который был престижным в спектакле, становится пошлым, когда им овладевает один потребитель в то же время, что и другие [4].

Интересна также фраза героя романа «99 франков» о том, что гламур – это праздник, который всегда с другими, но не с тобой. Только потребитель лишь думает, что этот праздник с кем-то – ведь «стандарт роскоши» распространяется на максимально широкий круг людей, и ни для кого из них он не является подлинным стандартом, то есть неизменным по своей сути, а потому более или менее легко достигаемым. Также характерна мысль персонажа Бегбедера о том, что он как рекламист приобщает людей к наркотику под названием «новинка», а вся прелесть новинок состоит в их недолговечности. Тут же возникает следующая новинка, обращающая предыдущую в бросовое старье. Нет никакого укорененного стандарта соответствия. Стандарт – пожизненная погоня за стандартом. Жизнь консюмера полна потребительских побед, но Победы как таковой нет, поскольку априори не достигается окончательный триумф. Нет финишной черты, символизирующей окончание гонки. Или же, как отмечает З. Бауман, эта черта, это обещание благополучной жизни, всегда удаляется, опережая самых стремительных бегунов, и становится неуловимой; желание покупать – это навязчивость, которая превратилась в пристрастие и больше не воспринимается как навязчивость [1]. Для поддержания самооценки и самоидентичности как модного и продвинутого консюмера требуется постоянно потреблять. Самооценка зависит от количества, стоимости, модности и брендовости приобретенных товаров. Система производства и рекламы создает новые и отменяет старые стандарты и критерии для поддержания самооценки и самоидентичности. Вместо стандарта есть феномен «мобильности престижа». Возникает «отлаженная мода» вместо жизни в моде, в современности, в модерне. Передний фронт идеала постоянно смещается далее по шкале необъяснимого прогресса, и потребитель стремится догнать ту стадию современности, которая уже начала устаревать. «...Сакральный лозунг общества потребления наиболее точно выражен в постере: «Work, Buy, Consume, Die» (работай, покупай, потребляй, умирай)» [6, с. 397]. Но поскольку потребление базируется на производстве, для последнего характерен лозунг вроде: «создавай товар короткоживущим, чтобы обеспечивать оборот, несмотря на то, что с экологической точки зрения это – деятельность по расточительству ресурсов».

По аналогии с баумановской «текучей современностью» целесообразно постулировать «вещную текучесть», характерную для современности. Причем не знаковую, а именно вещную. Ведь характерные для культуры потребления знаки (статус, престиж, респектабельность, сексуальность и т. д.) остаются прежними. Их востребованность не теряется. Утрачиваются только вещи, несущие эти знаки, то есть продукты, некогда наделенные ими и, соответственно, указывающие на высокий статус их обладателя. Они в процессе своего модного устаревания теряют «статусные» знаки, и последние переходят к другим вещам. Так знаки остаются жить, значить и пользоваться спросом, но обладающие ими вещи постоянно меняются. Один и тот же «статус» как устойчивая потребительская ценность не остается в некогда купленной вещи, а «растягивается» в цепочку покупаемых вещей, уходит из

одной вещи и воплощается в другой, более новой, совершает путешествие по перманентно обновляемым вещам, нигде не задерживаясь надолго. Этим он напоминает злого духа из заурядного фильма ужасов, меняющего тела, в которые ненадолго вселяется.

Автор своим повествованием делегитимирует в глазах читателя рекламистов, копирайтеров, креаторов и прочих деятелей соответствующего «труда». Согласно роману, они за свою ложь и манипуляции получают огромные доходы и крайне высокомерно относятся к людям как к послушным рабам рекламы. Как говорится, в этом мире наглость приветствуется, донос оплачивается, поношения заказываются теми, кого поносят. При этом Бегбедер отмечает, что массовое сознание вполне благосклонно относится к рекламе и современной потребительской эпохе, так как человечество заменило Бога товарами широкого потребления. И действительно, все мы настолько привыкли к рекламе – даже самой абсурдной, – что она перестала вызывать негативные эмоции. Даже если рекламируется то, что некогда находилось за гранью дозволенного, это теперь воспринимается спокойно. Например, в советское время ростовщичество жестко порицалось, считалось нелегитимным, социально вредным видом деятельности. Несмотря на то, что времена изменились, и прежние ценности остались в прошлом, ростовщичество все равно является вредным для экономики и морали. Но современная мораль об этом забыла, и мы уже без всякого возмущения воспринимаем рекламу кредитов и ссуд.

Также персонаж Бегбедера вскрывает бездуховную суть большинства рекламистов: они, согласно Октаву, поголовно принимают наркотики, напиваются к середине рабочего дня, смотрят порно и вообще ведут аморальный образ жизни. Их сообщество в книге представлено как царство хамства и разврата. Видимо, автор обращением к быту и бытию рекламистов хотел усилить неприязнь читателя к ним, представить их в качестве каких-то скотов, способных даже убить человека просто в целях развлечения. Очевидно, что это уже передержка. Вряд ли данному «профессиональному» сообществу действительно свойственны все грехи тяжкие, как это показывается в книге. Их деятельность не связана с опасностью, постоянными стрессами и т. д., хотя Бегбедер ее описывает как стрессовую, даже стимулирующую к суициду. По крайней мере, в их «работе» стрессовости не больше, чем в других видах труда. Правда, любой труд накладывает соответствующие отпечатки, выраженные в профессиональных деформациях. Так, медикам, полицейским, военным, сотрудникам ритуальных агентств присущ свой профессиональный юмор, зачастую весьма циничный. Также и рекламистам наверняка свойственны свои «профессиональные» отклонения от норм общечеловеческой морали. Как говорится, не мы такие, работа такая.

Конечно, сама их «работа», не производя никакого блага, а конституируя манипулятивный вред, должна стимулировать появление чувства вины, депрессию и прочие дискомфортные переживания. Однако в современном обществе потребления давно не принято оценивать собственную деятельность в соответствии с социальным благом. Поэтому вряд ли представителям

псевдопрофессий (рекламист, банковский спекулянт, имиджмейкер и пр.) характерно рефлексировать таким образом относительно себя. Скорее, они воспринимают свою деятельность как норму. Она и есть норма в обществе потребления, где труд перестал восприниматься по критерию его пользы для общества. То, что в советском обществе считалось «профессиями», сейчас считается профессиями, или даже Профессиями. Нет никакого социального порицания ростовщиков, рекламистов и прочих манипуляторов. Их деятельность представляется законной и морально оправданной. Само понятие «моральная оправданность» утратило свою легитимность. Теперь любая деятельность оценивается только по критерию законности. Это тяжелая социальная девиация, дефективность, ставшая нормой. Но если дефективное нормально, то и дефективное общество или по крайней мере общество с критическим градусом дефектности тоже становится нормальным. Оно проявляет неоправданную с точки зрения здоровой нравственности толерантность к пороку, который уже не воспринимается как порок, а переходит в лоно повседневности. Следовательно, на рекламистов не оказывается социального давления, их не критикуют, не маргинализируют, не переводят на периферию социального бытия. Отсюда – у них снижается повод для самобичевания. Морально состоятельный человек вряд ли будет заниматься такими формами деятельности. Морально несостоятельный не станет рефлексировать и вглядываться в лицо социальной вредности своего «труда» – тем более, что в его распоряжении куча приемов психологической защиты и оправданий вроде «отстаньте, морализаторы, ведь меня общество не укоряет». Нет всеобщего давления – нет повода для морализации.

Октав упрекает современных мещан, что они совершенно ничего не делают для борьбы с этой цивилизацией абсурда. И, конечно, в книге прослеживается типичный «человеческий» дискурс, связанный с оправданиями рекламистов. Они говорят, мол, мы тут ни при чем, нам заказывают – мы делаем, потребители сами покупают сделанные индонезийскими рабами шмотки, нам самим многое в нашей деятельности противно, но мы обязаны думать о жене и детях. Развернем эту тему шире.

Распространенное «я ни в чем не виноват, я просто выполнял приказ» не является легитимным оправданием, так как выполнять или не выполнять приказ – выбор самого человека, а не того, кто отдавал приказы. Подобные слова – всего лишь типичная психоаналитическая рационализация. Когда послушник после выполнения какого-нибудь безнравственного или тем более бесчеловечного приказа выдавливает из себя похожее оправдание, он старается скрыть свою ответственность, которую он все равно несет. Под безнравственным давлением сверху человек готов выполнять безнравственные приказы, оправдываясь своим положением, которое якобы не оставило ему свободы выбора, а значит, и сняло с его плеч всякую ответственность. Социальная дисциплина заменяет личную ответственность. Наконец, гитлеровские убийцы и пиночетовские палачи «просто выполняли приказ».

Конечно, с тяжестью их преступлений не идут ни в какое сравнение дела рекламистов. Однако как те, так и другие могут быть объединены одним типом

оправдания, а безнравственность их поступков различается только степенью тяжести. Человек принимает решения свободно, но и несет ответственность за них. Человек, снимающий с себя ответственность за социально вредную деятельность, старающийся наделить себя неким алиби, теряет свою нравственную личность, и его бытие как личности разрушается. Он вовлекается в пустоту ложной бытийности и утрачивает ясную бытийную перспективу. Пассивная позиция, выраженная в социальной безучастности сознания и деятельности, бесконечно удаляет его от личностного долженствования. При анализе разных форм социально вредной деятельности следует вести речь о целой системе самооправдания, которая удерживает человеческий мир от необходимого уровня нравственности.

Человек свободный – это одновременно человек ответственный и, значит, этичный, морально состоявшийся. Поэтому волюнтаризм, возможность реализовывать свои интересы, нарушая права и интересы других, не имеет отношения к свободе. Гоббсовское «естественное» состояние, при котором человек имеет неограниченные претензии в стремлении реализовывать свои интересы любыми средствами, антагонистично свободе, так как безответственно, антисоциально и животноподобно. Ответственность – «мера принятия моральных обязательств за свои поступки перед собой, окружающими людьми и обществом в целом, а также просчитывание негативных последствий своих поступков для названных субъектов с целью непричинения или минимизации возможного вреда» [5, с. 77].

Одни люди охраняли высших фашистских функционеров. Другие использовалось оружие не в оборонительных, а в захватнических целях. Третьи работали на производстве отравляющих веществ, которые использовались как оружие геноцида. Четвертые следили за бесперебойной работой железных дорог, которая была включена в машинерию смерти, так как поезда возили узников в концентрационные лагеря. Пятые работают на транснациональные корпорации, закабаляющие мир экономическими удавками. Шестые помогают прийти к власти алчному политику с диктаторскими замашками. Седьмые занимаются манипулирующей рекламой, которая оказывает дегуманизирующее воздействие, возвращает потребительский эгоизм, индивидуализм и нарциссизм. Многие из них просто вытесняют из сознания деструктивные результаты своей деятельности, убеждая себя, что ничего «такого» в ней нет. Гораздо проще потопить корабль, не зная, что на его борту находятся люди. Работа на транснациональные корпорации не сопряжена с угрызениями совести, если не осознавать, что ТНК создают монополии, наращивают мощь, посредством которой оказывают сокрушительное влияние на государства и общества, способствуют снижению трудовых стандартов, а деятельностью по принципу «прибыль любой ценой» наносят непоправимый вред экологии. Культивированием ценностей потребительства, индивидуализирующих и атомизирующих социальные системы, они расшатывают эти системы.

Некоторые «банальные проектировщики зла» прекрасно осознают результаты своей деятельности, однако это осознание не препятствует их

готовности «просто делать свою работу». «Парадоксально именно то, – пишет В. В. Корнев, – что знакомство какого-нибудь пиарщика, рекламиста или политтехнолога с грязными истинами политической пропаганды или рекламной индустрии никак не мешает ему участвовать в обмане, не ставит перед дилеммами морального выбора, не ослабляет узы преданности господствующей идеологии» [8, с. 57]. Ничего парадоксального тут нет, ибо на любое действие есть свое оправдание. И рекламисту, пиарщику и политтехнологу вовсе необязательно относиться преданно к господствующей идеологии. Он может просто зарабатывать деньги, которые, как известно, не пахнут. Он может даже, осознавая вредность своей деятельности, относиться к ней как к творчеству, как пусть и порочному, но высокому мастерству, а потому еще и ощущать гордость за свой талант, профессионализм и «демиургичность» в плане управления массовым сознанием. Наконец, известно такое оправдание: «Если люди сами позволяют себя обманывать и манипулировать собой, я тут ни при чем, и не надо меня обвинять».

В некоторых случаях осознание вреда от своей деятельности наводит на мысль о незначительности своего вклада в общее дело; такая мысль тоже снимает муки совести и работает на самосохранение в условиях тотального отхода от нравственности – тем более, когда речь идет о всего лишь одном человеке, его вклад мал, значит, не так уж и деструктивен. Прибегающие к такому оправданию люди не задумываются о существовании бесконечно великого значения бесконечно малых величин. Каждая из них в отдельности не способна на какие-то гипермасштабные действия, но, когда их становится много, капля расширяется до океана. Часто оправданием выступает апеллирующая к отсутствию незаменимых работников фраза: «Если бы я отказался, это все равно выполнил бы кто-нибудь другой, и ничего бы не изменилось». Можно поступить по совести, а потом терзать себя исходящей от чувства выгоды жалостью о содеянном. Можно поступить сообразно чувству выгоды, а впоследствии испытывать муки совести (если она есть). А можно поступить по совести и чувствовать удовлетворение от своего пусть даже малого вклада в доброе дело.

Во времена геноцида людям внушали, что они убивают не людей, а недочеловеков, и это внушение, ослабляя угрызения совести, легитимировало поистине бесчеловечную деятельность. Рекламисты могут думать, что они никем не манипулируют, что реципиенты сами готовы обманываться, и грех не заработать на бездумном стаде. Здесь мы видим аналогичное расчеловечивание. *Человек реализует деструктивную деятельность не потому, что видит в ней конструктивные черты. Напротив, он усматривает в ней плюсы именно потому, что ее поддерживает.* Или, по крайней мере, видит в ней сугубо индивидуальные плюсы и вместо социального зла – просто отсутствие социальной пользы. Так он через оправдание деятельности оправдывает себя.

В конце концов Октав садится в тюрьму за убийство. Можно сказать, в инверсивном виде реализовалось его подавляемое и не доходящее до поведенческой реализации желание уйти из рекламного бизнеса. Автор, введя сцену, где Октав с товарищами убивают старушку, а после этого, доводя

развязку до расплаты за преступление, одновременно как бы подчеркивает степень морального разложения своего персонажа и наказывает его.

Думаю, роман Бегбедера вполне можно назвать очередным – и весьма неплохим – ударом по лицемерию и лживости рекламной индустрии. «99 франков» сам стал культовым и брендовым, как и книга Н. Кляйн «No Logo». Но это не снижает достоинства книги. Под достоинством я имею в виду не художественно-эстетические качества, не интеллектуальную или моральную составляющую. Именно цинизм – достоинство данного произведения. Цинизм как проявление состояния «наболело на душе», цинизм как наиболее сильная пощечина по рекламному цинизму. Этим книга и сильна.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бегбедер Ф. 99 франков. – М.: Иностранка, 2014. – 320 с.
3. Ванн Д., Нэйлор Т., Де Граф Д. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру: Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 392 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Логос, 1999. – 224 с.
5. Девиантность в обществе потребления: Коллективная монография. Под ред. Я. И. Гилинского и Т. В. Шипуновой. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 464 с.
6. Дворников В. В., Сидорков С. С. К вопросу об альтернативе обществу потребления // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. В. Н. Глазьева. – Воронеж, ИСТОКИ, 2015. – С. 393–400.
7. Кляйн Н. No Logo: Люди против брендов. – М.: Добрая книга, 2003. – 624 с.
8. Корнев В. В. Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания // Лабиринт. – 2014. – № 4. – С. 51–59.
9. Пелевин В. Generation «П». – М.: Вагриус, 1999. – 300 с.

References

1. Bauman Z. Liquid Modernity [*Tekuchaya sovremennost*]. Saint Petersburg, Piter, 2008, 240 p.
2. Begbeder F. 99 Francs [*99 frankov*]. Moscow, Inostranka, 2014, 320 p.
3. Vann D., Naylor T., De Graaf D. Consumerism. The Disease that Threatens the World [*Potreblyatstvo. Bolezn, ugrozhayuschaya miru*]. Ekaterinburg, Ultra. Kultura, 2005, 392 p.
4. Debord G. The Society of the Spectacle [*Obschestvo spektaklya*]. Moscow, Logos, 1999, 224 p.
5. Gilinskiy Ya. I., Shipunova T. V. (Eds.) Deviance in Consumer Society: A Collective Monograph [*Deviantnost v obschestve potrebleniya: Kollektivnaya monografiya*]. Saint Petersburg, Alef-Press, 2012, 464 p.

6. Dvornikov V. V., Sidorkov S. S. To the Auestion about an Alternative to the Consumer Society [K voprosu ob alternative obschestvu potrebleniya]. *Vlast i obschestvo: praktiki vzaimodeystviya i konflikty. Materialy Devyatoy regionalnoy nauchnoy konferentsii. Voronezh, 2 fevralya 2015 g.* (Power and Society: Practices of Interaction and Conflicts. The Ninth Regional Conference. Voronezh, February 2, 2015. Voronezh, ISTOKI, 2015, pp. 393–400.

7. Klein N. No Logo [*No Logo: Lyudi protiv brendov*]. Moscow, Dobraya kniga, 2003, 624 p.

8. Kornev V. V. Ideology after the End of Ideology: In the Labyrinths of Modern Political Consciousness [Ideologiya posle kontsa ideologii: v labirintakh sovremennogo politicheskogo soznaniya]. *Labirint* (Labyrinth), 2014, № 4, pp. 51–59.

9. Pelevin V. Generation “P” [*Generation “P”*]. Moscow, Vagrius, 1999, 300 p.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»

Уважаемые коллеги!

11–12 ноября 2016 года [Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения](#) совместно с [Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом \(Техническим университетом\)](#), [Михайловской военной артиллерийской академией](#) и сетевым журналом [«Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»](#) проводит четвёртую Международную научно-практическую конференцию **«Философия и культура информационного общества»**.

Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философские аспекты теории постиндустриального (информационного) общества и её оценка с позиций философского материализма. Предполагается затронуть широкий круг проблем: изменения философской концепции общества в информационную эпоху; компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие; изменения в культуре информационного общества; современные проблемы развития науки и образования; военная наука и военное образование в современной России.

В первый день планируется пленарное заседание, а также работа секций (список секций может быть дополнен в соответствии с предложениями участников конференции)

Доклады на пленарном заседании:

1. Д. филос. н., проф. Орлов С. В. Сущность информационного общества и философская онтология.
2. Д. т. н., проф. Игнатьев М. Б. Шестьдесят лет секции кибернетики как метанауки и современные киберфизические системы.
3. Д. филос. н., проф. Комаров В. Д. Русская идея как стержень общенациональной культуры России.
4. Д. соц. н., проф. Немировский В. Г. Образ общества в современной социологии.

Секции:

Планируется пленарное заседание, а также работа следующих секций (список секций может быть изменен и дополнен в соответствии с предложениями участников конференции):

1. Концепция информационного общества и материалистическая философия (руководитель – д. филос. н., проф. Орлов С. В., Санкт-

Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

2. Культура и искусство эпохи информационного общества (руководители – д. ист. н., проф. Смирнова Т. М., к. культурологии, доц. Выжлецова Н. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

3. Миропонимание на основе современной кибернетики и информатики (руководитель – д. т. н., проф., Заслуженный деятель науки и техники РФ Игнатъев М. Б., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

4. Концепт космоса в современном знании: гуманитарный аспект (руководитель – к. филос. н., доц. Коробкова С. Н., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

5. Проблемы гуманитарного образования в техническом вузе в контексте информационного общества (руководители – к. филос. н., доц. Быданов В. Е., к. ист. н., доц. Гуркин А. Б., Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет)).

6. Современные проблемы военной науки и военного образования (руководители – д. ист. н., проф. Мильбах В. С., д. филос. н., проф. Комаров В. Д., Михайловская военная артиллерийская академия).

Во второй день работы конференции предлагается провести **общую дискуссию** (можно вносить предложения по теме для обсуждения) и **круглый стол** для свободного обмена мнениями по научным проблемам, связанным с темой конференции.

Заявки на участие в конференции и тезисы выступлений объёмом до 8 страниц (вместо тезисов могут быть сразу представлены статьи для журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» объёмом до 2 п. л.) просим высылать **до 15 октября 2016 г.** по адресу: 190000, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 67, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, гуманитарный факультет, кафедра истории и философии, или **электронной почтой:**

E-mail: orlov5508@rambler.ru Орлову Сергею Владимировичу,
kolomiytsev@yandex.ru Коломийцеву Сергею Юрьевичу.

Форма заявки в оргкомитет научно-практической конференции:

- 1) Фамилия, имя, отчество.
- 2) Учёная степень и учёное звание.
- 3) Место работы и должность.
- 4) Тема доклада (сообщения).
- 5) Почтовый адрес и контактные телефоны.
- 6) Электронный адрес.

Материалы конференции и подготовленные на их основе статьи могут быть размещены до или после её проведения в сетевом журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» (входит в РИНЦ, доменное имя сайта в Интернете: www.fikio.ru, адрес для переписки: orlov5508@rambler.ru), главным редактором которого является председатель оргкомитета конференции.

Программа и приглашение на конференцию будут высланы электронной почтой **до 20 октября 2016 г.** Для иногородних участников дата заезда – **10 ноября 2016 г.** Всем иногородним участникам могут быть предоставлены гостевые места в студенческих общежитиях ГУАП. Желающих разместиться в общежитии просим сообщить об этом оргкомитету конференции по электронной почте (указанные выше адреса) **не позднее 15 октября 2016 г.** **Контактный телефон:** +7-921-390-31-82, Орлов Сергей Владимирович. E-mail: orlov5508@rambler.ru

С уважением:

– председатель оргкомитета, профессор кафедры истории и философии ГУАП, доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович,

– заместитель председателя оргкомитета, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор Комаров Виктор Дмитриевич,

– учёный секретарь оргкомитета, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ГУАП Коломийцев Сергей Юрьевич.

Общероссийская теоретическая конференция «Актуальные проблемы научной философии»

Уважаемые коллеги!

20–21 апреля 2017 года на [кафедре философии Пермского государственного национального исследовательского университета](#) совместно с [Министерством образования и науки Российской Федерации](#), [Российской академии естествознания](#) и Философским обществом Российской Федерации состоится **Общероссийская теоретическая конференция «Актуальные проблемы научной философии»**.

Цель конференции – обсуждение состояния разработки современной теории научной философии, дальнейшая разработка предложенной ранее концепции современной формы марксистской философии, определяемой как конкретно-всеобщая теория научной философии.

Кафедрой философии ПГНИУ будут изложены результаты разработки концепции современной формы научной (марксистской) философии, направлений дальнейших исследований в условиях современной научно-технической революции, глобального кризиса мировой цивилизации, социально-экономического кризиса России, необходимости новой индустриализации России и перехода к постиндустриальному обществу.

К началу конференции будет издан 4-й выпуск журнала «Новые идеи в философии» (РИНЦ). Срок представления статей (по e-mail) – до 31 января 2017. Объем статьи – до 0,5 п.л. Оплата публикации – 200 руб. за страницу. Командировочные расходы – за счет направляющей стороны. Организационный взнос за участие не предусмотрен.

Заявки и тексты направлять по электронной почте по адресу: philosophy-psu@mail.ru. Тел. кафедры: (342) 239-63-92. Почтовый адрес ПГНИУ: 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Порядок оформления статей

Фамилия Имя Отчество – ученая степень, звание, должность; название учреждения; почтовый адрес учреждения; e-mail автора (для всех авторов, если их несколько), почтовый адрес (для всех авторов, если их несколько), на который следует отправлять авторский экземпляр.

УДК (кегель 14)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (кегель 14)

И.О. Фамилия (кегель 14)

Аннотация: (кегель 12)

Ключевые слова: (кегель 12)

Текст статьи (кегель 14)

Список литературы

(кегель 14, сквозная нумерация; алфавитный порядок: сначала русская, затем иностранная лит-ра, *ф.и.о.* авторов *курсивом*, полные библиографические данные включая кол-во страниц)

(В переводе на английский)

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Имя О. Фамилия

название учреждения; его почтовый адрес

Аннотация:

Ключевые слова:

Просим строго придерживаться следующего формата присылаемого материала.

Текстовый редактор: Microsoft Office Word (XP, 2003, 2007).

Разметка страницы: размер А4, все поля – 2 см, выравнивание по ширине, абзацный отступ (красная строка) – 1 см, интервала между абзацами *нет*, автоматическая расстановка переносов.

Шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал 1,5.

Ссылки: в квадратных скобках указать номер источника в списке литературы [1] или [1, 3], и, если необходимо, страницу [2, с. 15]. Статьи с иным форматом ссылок *могут быть отклонены!*

Кавычки: если приведена цитата, которая уже содержит кавычки, следует применить их разные формы: «... “...”...».

Тире должно хорошо отличаться от дефиса: а – а против а-а или а - а.

Выделение внутри текста важных для автора мест делать *только обычным курсивом*, не использовать подчеркивание, прописные буквы, полужирный шрифт и т.п.

Председатель оргкомитета, проф. В. В. Орлов

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной

строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2016.